

Максим Демченко

ПУТЬ САТЧИТАНАНДЫ

Москва, 2008

УДК 1 (540)

ББК 87.7

Д 21

Демченко, Максим

Д 21 Путь Сатчитананды / Максим Демченко ; — М. : Издательство «Ганга», 2008. — 320 с. — ISBN 978-5-98882-060-4

Книга рассказывает о философии и жизненном пути трех европейских мистиков, Анри Ле Со, Жюля Моншанена и Беды Гриффитса, которым удалось найти точки соприкосновения между христианской мистической традицией и индийской философией веданты, а в последствии воплотить опыт обеих школ в своей жизни. Приняв санньясу (индуистское монашество) и обучаясь у таких выдающихся мастеров адвайты, как Рамана Махарши, Джнянананда Гири и Харилал Пунджа, они достигли высокого уровня реализации и заняли видное место среди западных учителей недвойственности.

УДК 1 (540)

ББК 87.7

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-98882-060-4

© М. Демченко, 2007

© ООО «Издательство Ганга», 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Свами Сахаджананда: «Преображение»	6
Предисловие	7
Введение сестры Паскалины Кофф	10
 Часть I: Первые шаги	12
1. Земля святых	12
2. На пути к диалогу	15
3. Жюль Моншанен: затерявшийся в пустыне	18
Жюль Моншанен: «Духовность пустыни»	31
4. Призвание отца Анри	35
Жюль Моншанен: «Сатсанг»	47
5. Земля обетованная	51
Анри Ле Со: «Место встречи индуизма и христианства»	59
 Часть II: Сатчитананда гуру	61
1. Инкультурация от святого Фомы	61
Анри Ле Со: «Христианство и адвайта»	66
2. Индийский бенедиктинский ашрам	67
Анри Ле Со: «Санньяса»	76
3. Игра Аруначалы	86
Анри Ле Со: «Размышления о звуке ОМ»	90
4. Джая, Гурудэва!	91
Анри Ле Со: «Будущий берег»	113
5. Махасамадхи	114
Анри Ле Со: «В лоне Отца»	133
 Часть III: Дорога к Центру	136
1. Roma Locuta	136
2. Путь отца Беды	141
Беда Гриффитс: «Возвращение к Центру»	154
3. Курисумала — Гора Креста	168
Беда Гриффитс: «Послание Ефессянам»	173

4. Послание недвойственности	177
Беда Гриффитс: «Ашрам и Евхаристия»	192
5. Реки Сострадания	199
Сатсанг с Бедой Гриффитсом	204
Заключение. Шантиванам: 10 лет спустя	213
1. Новое видение Реальности	213
Правило святого Ромуальда	223
2. Паломничество в Шантиванам	224
3. Беда Гриффитс и его наследие: интервью с Н. Колофф	252
Приложения:	
Беда Гриффитс: «Церковь»	260
Индийские христианские бхаджаны	278
Словарь имен и терминов	282
Список литературы	297

Посвящается отцам
Анри Ле Со,
Жюлю Моншанену
и
Беде Гриффитсу.

Джая Гурудэва!

СВАМИ САХАДЖАНАНДА

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Как можем мы преобразиться,
Если не дадим себе сгореть?
Может ли металл стать огнем,
Если он не вкусит огня?
Может ли пища стать кровью,
Если ее не съедят?
Может ли вода стать паром,
Если она не вскипит?
Может ли трава стать молоком,
Если корова не съест ее?
Только если мы сгорим в Боге,
Мы сможем преобразиться в Нем.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имена Анри Ле Со, Жюля Моншанена и Беды Гриффитса практически неизвестны российскому читателю: несмотря на то что их опыт диалога с индуизмом носит уникальный характер и активно изучается представителями различных религий во многих странах мира, их работы до сих пор не переведены на русский язык. Учитывая тот факт, что Россию и Индию связывает многолетнее сотрудничество, а также интерес, с которым многие наши соотечественники обращаются к индийской духовной традиции, нам кажется необходимым заполнить этот пробел в знаниях о взаимоотношениях между двумя великими традициями: христианством и индуизмом.

История индийского христианства насчитывает не одну тысячу лет, и попытки взаимообогащения двух культур предпринимались не раз, однако видимых успехов в этом деле удалось достичь лишь в середине XX в., во многом благодаря деятельности французских католических священников Анри Ле Со и Жюля Моншанена, а также их преемника — англичанина Беды Гриффитса. До недавнего времени весь процесс диалога между христианскими и индуистскими духовными лидерами сводился к обсуждению догматических вопросов и, к сожалению, не приводил к положительным результатам: это и понятно — на вероучительном уровне между различными религиозными системами существуют непреодолимые противоречия. Отец Анри Ле Со впервые попытался обратиться к самой сути духовных учений, подняться на тот уровень, на котором различия исчезают объективно, без применения теологического насилия. Он очень хорошо осознал, что существует некий глубинный Центр, в котором сходятся

**Космический Крест (символ Троицы-Сатчитананды)
перед главным храмом «Сатчитананда ашрама».**

все мистические учения, и этот Центр представляет собой Абсолютное Единство, недвойственность, о которой говорили и христианские святые (Дионисий Ареопагит, Хуан де ла Крус, Тереза Авильская), и индуистские учителя (Шанкара, Рамакришна). Стремясь своей жизнью доказать истинность и действенность своего открытия, Анри Ле Со, вместе с отцом Жюлем Моншаненом, получили посвящение в *санньясу* по индуистскому обычаю и основали на берегах священной реки Кавери «Сатчитананда ашрам», Шантиванам. Французский бенедиктинец стал Свами Абхишиктанандой и помимо одеяний шафранного цвета полностью принял образ жизни и культуру своей новой родины. Вскоре Шантиванам стал центром медитации и христианско-индуистского диалога: монахи *ашрама* проводили католическую мессу и индуистский обряд *арати*, медитировали и читали отрывки из Библии и Священных Писаний различных религий. Их опыт был воспринят

не однозначно как со стороны католических церковных властей, так и со стороны ортодоксальных индуистских *брахманов*, но это не помешало двум французским энтузиастам продолжать свой уникальный эксперимент.

В 1968 г. «Сатчитананда ашрам» возглавил отец Беда Гриффитс, который до этого уже целое десятилетие провел в другом христианском ашраме, расположенном на горе Курисумала. Благодаря неустанному труду отца Беды философия и практика монахов Шантиванама распространились по всему миру: организации их последователей появились в Европе, Америке, Австралии и других уголках мира, а послание «христианской веданты» позволило сотням людей по-новому взглянуть на христианство и на его место в мире.

В наше время уже невозможно не считаться с многообразием религий и закрывать глаза на духовные богатства, накопленные человечеством за многие века, а опыт Анри Ле Со, Жюля Моншанена и Беды Гриффитса может стать хорошим подспорьем в изучении этих традиций и их взаимосвязи. Надеемся, что наша книга будет полезна всем интересующимся вопросами христианской и индуистской философии, а также различными направлениями ведантической мысли.

Автор выражает свою признательность сестре Паскалине Кофф, настоятельнице монастыря Сестер Непрерывного Поклонения в Осэдже, штат Оклахома, США, без поддержки и помощи которой написание этой книги было бы невозможным, а также другим священникам, монахам и мирянам: отцу Бруно Барнхарту, советнику Фонда Беды Гриффитса; отцу Пьеру-Франсуа де Бетуну, генеральному секретарю Комитета по монашескому межрелигиозному диалогу Ордена святого Бенедикта, и Свами Атмананде, президенту Общества Абхишиктананды, в течение многих лет ведущему образ жизни отшельника в предгорьях Гималаев.

ВВЕДЕНИЕ

СЕСТРЫ ПАСКАЛИНЫ КОФФ

Сестра Паскалина Кофф — настоятельница монастыря Осэдж Конгрегации Сестер Непрерывного Поклонения в США. Будучи верной последовательницей Беда Гриффитса, она с самого начала оказывала неоценимую помощь в переводе статей отцов Шантиванама на русский язык, а также в поиске материала для нашей книги. В своем введении к изданию, она раскрывает некоторые аспекты своего видения той роли, которую сыграл отец Беда в духовной жизни современного человечества.

Отец Беда Гриффитс покинул этот мир 13 мая 1993 г. в стенах «Сатчитананда ашрама», Шантиванам, Южная Индия. Он прибыл в Индию из-за границы, но к 87 годам сделал для индуистско-христианского диалога больше, чем кто бы то ни было. Отец Беда, несомненно, знал о существовании фундаментализма с обеих сторон, и всю жизнь стремился разрушить его, придавая и христианам, и индуистам силу для поиска Истины и обмена ею в глубине сердец.

Беда Гриффитс много путешествовал: он приезжал также и к нам, в США, чтобы давать лекции в монастырях и пробудить в нас желание открыть «вторую половину нашей души», как он любил говорить, когда речь шла о восточном мироощущении. Он видел слабость и ошибки с обеих сторон, но у него была особая харизма, дар раскрывать Истину, не причиняя боль другим. Его собственная радость в стремлении к Высшей Цели оказалась заразительной: во время своего последнего путешествия по Америке (август–сентябрь 1992 г.), он провел несколько дней в одном из *ашрамов* штата Мичиган и поразил буквально всех. Не осталось никого,

кто бы не полюбил отца Беду. Недавно в нашей общине гостили люди, которые участвовали в этих встречах, и они поделились, что, хотя Свами был очень слаб, он для всех находил слова сострадания и ободрения, общаясь с людьми даже в перерывах между конференциями. Лекции и семинары в Мичигане организовал один профессор, который постоянно оспаривал то, что писал Беда Гриффитс в нашем монашеском бюллетене, однако, встретившись с ним лично, полностью поменял свое мнение и стал настоящим другом отца Беды.

Я уверена, что сегодня индуисты осознают, какой верный друг был у них в лице отца Беды Гриффитса. Он очень искренне любил Индию и ее народ, а его понимание индуизма было даром для всех нас. Он мог передавать свою любовь и понимание через проповеди и послеобеденные беседы под кокосовыми пальмами в Шантиванаме на берегу «Малой Ганги», реки Кавери. Отец Беда рассказывал, что когда он пришел в гости к матери Кришнабай из «Шри Рамакришна Матха», она встала и простерлась перед ним. Я думаю, что это произошло потому, что когда Свами Вивекананда прибыл в Америку 100 лет назад, мы получили особое благословение и великую привилегию вести диалог между Западом и Востоком, и это была одна из причин, приведших Беду Гриффитса в Индию, а затем в Америку.

Как отец Беда благословил нас в монастыре Осэдж, как он благословил тех, кто разделил древнюю практику лесных отшельников, и тех, кто пребывает в общении с нами, так и мы хотели бы передать вам это благословение. Желаем вам открыть для себя новое видение Реальности отца Беды, его пророческое и медитативное видение Тайны Царства, которое утолит жажду ваших сердец.

І. ПЕРВЫЕ ШАГИ

1. Земля святых

«Горизонт сверкал мириадами огненных точек — образов тех, кто ждет и зовет... Я буквально прилип к перилам палубы: кто-то пытался заговорить со мной, но каждый ответ мне давался с трудом. Я ждал этого мгновения 15 лет...»¹

Возможно, современный путешественник, искушенный блеском пятизвездочных отелей и комфортом, который создают для пассажиров крупные авиакомпании, не ощутит того восторга, который захватил простого французского священника-бенедиктинца отца Анри Ле Со, когда он более полувека назад ступил на побережье Южной Индии, однако и сегодня каждый может прочувствовать особый аромат древнейшей цивилизации на Земле. Суэта восточного базара, грязь на улицах, приставаания попрошайек — все это уходит на второй план, когда мы встречаемся с настоящими жемчужинами тамильской культуры: величественными храмами, прекрасными скульптурами и шедеврами народной музыки. Однако главное послание этой цивилизации сокрыто за пределами внешних проявлений, где-то далеко в глубине сердец людей: простых крестьян и осознавших себя личностей, которых индийцы именуют *«садху»*, святыми. Во время крупных религиозных праздников *садху* можно встретить повсюду в Тамил-Наду и Керале: они путешествуют по святым местам в поисках просветления, поодиночке и группами, следуя за годовым праздничным циклом. Большинство этих «живых святых» — *санньяси*, люди, от-

¹ Письмо Анри Ле Со семье от 15 августа 1948 г.

**Иисус Христос, медитирующий в позе лотоса
(«Сатчитананда ашрам»).**

казавшиеся от имущества и привязанностей материального мира. В IX главе «Бхагавадгиты», знаменитого Священного Писания Индии, Кришна передает Арджуне науку полного отречения (*санньясы*):

«Ты освободишься от положительных и отрицательных последствий кармы с помощью полного отречения (санньяса-йоги). Достигнув освобождения, ты придешь ко Мне» (9.28)².

Санньясу можно сравнить с христианским монашеством, однако в большинстве случаев в отличие от западного монашества *санньяса* — это полный и окончательный отказ не только от чего-то внешнего и материального, но и от своего собственного «я» в пользу «Я» Высшего, которое, согласно учению философии *адвайты*, не отлично от *Брахмана*, Высшего Начала,

² «Бхагавадгита» в переводе д-ра Рамананды Прасада (Международное общество Гиты).

Абсолюта. Глубину и полноту отречения, необходимого для того, чтобы считать себя истинным *санньяси*, очень хорошо иллюстрирует рассказ из жизни выдающегося индийского поэта Госвами Тулсидаса (1532–1623)³, великого преданного Рамы (героя эпической поэмы «Рамаяна», воплощения вседержителя мира Вишну, который, однако, почитается многими (особенно на севере полуострова) как самодостаточное Высшее Божество) и автора прекрасной поэмы «Рама Чарит Манас» о его подвигах. В молодости Тулсидас был весьма успешным человеком: он никогда не испытывал нужды, успешно женился и его дела шли в гору. Однако, когда он, выражаясь языком поэзии *бхактов* (экстатических поклонников Бога), «вкусил нектар преданности Сите и Раме», стремление к святости заставило его отказаться от всех материальных благ: поэт отправился в путешествие по святым местам, удостоился серии мистических видений, написал множество вдохновенных стихотворных произведений, прославился как *садху*. После долгих лет путешествий он вернулся в родной город и стал, согласно обычаю *санньяси*, просить подаяние, стучась в двери богатых домов. По случайному стечению обстоятельств Тулсидас оказался у дверей родного дома, и ему открыла его собственная жена, которую он, однако, не узнал. Накормив странствующего аскета, женщина предложила ему мешочек со специями, но Госвами сказал, что у него есть собственные пряности. В ответ на это женщина усмехнулась: «Какой же ты *санньяси*, если у тебя осталось хоть какое-то имущество?» Эти слова сильно смутили святого, и он понял, что осталось нечто, от чего он еще не смог отказаться: оставить все — этот призыв не был полностью выполнен. В тот самый момент он отказался от своих пряностей и от остатков своего собственного «я».

³ На самом деле точные годы жизни Тулсидаса неизвестны, приведённые цифры — предположение некоторых учёных.

2. На пути к диалогу

Идеал *санньясы*, идеал полного отречения, давно привлекал европейцев: христианские монахи, которые прибывали в Индию с миссионерскими целями, в восхищении смотрели на своих братьев-индусов, которые обладали такой силой духа, что могли полностью посвятить свою жизнь Высшему Идеалу. Конечно, и в католическом мире было много нищенствующих (францисканцы) и созерцательных (бенедиктинцы) орденов, но в индийской санньясе было нечто, что радикально отличалось от европейской монашеской традиции. Это «нечто», возможно, даже более полно соответствовало призыву Христа, обращенному к тем, кто хотел стать его учениками: *«если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною»*⁴. Попытки каким-то образом воспринять обычай санньясы и перенести его на христианскую почву предпринимались начиная с XIX в., однако большинство их наткалось на глухую стену непонимания со стороны официальной Католической Церкви, для которой до II Ватиканского Собора (1962–1965) индуизм был не чем иным, как проявлением примитивного язычества. Английские колонизационные власти также не слишком интересовались культурой поработенных народов: большинство исследователей XIX — начала XX в. полагали, что значительная часть философии индуизма в целом и *санньясы* в частности создавалась под влиянием христианства и имеет весьма позднее происхождение, а не уходит корнями в глубокое индо-арийское прошлое (достаточно вспомнить теорию происхождения «Бхагавадгиты», выдвинутую в конце 1860-х гг. Ф. Лоринзером). С другой стороны, сами индийцы с подозрением относились к попыткам католического

⁴ «Евангелие от Матфея», глава 19.

духовенства начать диалог с индуизмом: они искренне полагали, что все, что нужно для самосознания, уже дано в ведической литературе и в практиках индийских мистиков и что христианство представляет собой лишь некое второстепенное учение, созданное для того, чтобы «западные варвары» могли хотя бы вкратце ознакомиться с духовной сферой бытия. Справедливости ради надо отметить, что некоторые индуистские философы все-таки пытались выстроить мост взаимопонимания между двумя великими традициями: например, Свами Вивекананда (Нарендранатх Дата (1863–1902)) отмечал, что «христианство не чуждо индуистскому духу»⁵, а Махатма Ганди (1869–1948) даже подумывал о принятии крещения (впрочем, очевидная связь между христианскими церквями и колонизаторами оттолкнула его от этой религии). Однако эти идеи остались уделом узкого круга интеллектуальной молодежи того времени.

Особого внимания заслуживает известный деятель религиозной организации «Брахмо-Самадж» Кешаб Чандер Сен (1838–1884), принявший имя *Йесудас* («Слуга Иисуса»). Его проповедь во многом предвосхитила опыт бенедиктинцев, основавших «Сатчитананда ашрам», о котором речь пойдет далее. Сама по себе философия *брахмосов* (членов Брахмо-Самадж) близка по духу поэзии *сантов*, преданных Бога без имени и формы, движение которых зародилось в средневековой Индии. Видный представитель этого течения Кабир (1440–1518) (который, помимо прочего, был одним из любимейших поэтов отца Беды Гриффитса) так выражал свое отношение к Высшему Возлюбленному:

*«Возлюбленный мой не имеет лика,
Нет у Хари ни ног, ни рук и стана,*

⁵ Ромен Роллан, «Жизнь Вивекананды», глава IX.

*Он тоньше ароматов всех цветов,
Таков любовник вечный мой, благой и славный Рама!»⁶*

Санты, подобно библейским пророкам, осуждали поклонение идолам и призывали искать Бога в своем сердце, а не в неких внешних символах:

*«Хари из камня в храме восседает,
Зачем тебе прислуживать ему?
Того признай своим Владыкой,
Кто всей Вселенной правит наяву»⁷.*

Брахмосы, как и *санты*, отвергали идолопоклонство и признавали Единого Всевышнего, находящегося за пределами материальных чувств, и эта идея, несомненно, была очень близка христианству. Глубокое сходство между концепцией Бога Библии и Бога *брахмосов* навело Кешаба на мысль о существовании некой общей теистической Истины, единой для всех народов и явившейся во Христе точно так же, как и в индийской поэзии и философии. Со временем привязанность к идеям Иисуса из Назарета привела его к принятию Его в качестве духовного учителя, *Сатгуру*, о чем он неоднократно и открыто заявлял на страницах индийской прессы, а затем и к признанию троичности Божественного, за которым последовало «крещение» и учреждение в «Брахмо-Самадже» Таинства Причастия. Все это было настоящим опытом инкультурации, который широко распространился в католицизме лишь в XX в. Две основные мысли Кешаба также нашли свое отражение в современной христианской (и, прежде всего, католической) теологии: первая заключалась в том, что все религии представляют своеобразный «Ветхий Завет» между Богом и человечеством, некий моральный за-

⁶ Кабир, «Грантхавали», песнь XXXVI в стихотворном переложении автора.

⁷ Там же

кон, *дхарму*, выражаясь языком индуизма, а Христос как бы заменяет этот принцип «материальной религии» религией сердца, освобождая человечество от рабского следования неким постулатам, ограниченным временем, местом и обстоятельствами. Эта идея находит свое отражение и в лекциях православного священника отца Александра Меня, утверждавшего, что *«самое сильное в христианской духовности — это именно не отрицание, а утверждение, охват и полнота»*⁸. Вторую мысль, не менее значимую и имеющую прямую параллель в размышлениях отцов «Сатчитананда ашрама», Кешаб выразил одной фразой: *«Христианская Европа осознала, что Христос един с Богом, но она не осознала, что Он един с человечеством»*⁹. Таким образом, он призывал христиан и индуистов понять, что существует некий общий стержень, Центр, как бы сказал Беда Гриффитс, к которому следует вернуться, чтобы увидеть все духовные традиции в единой перспективе.

3. Жюль Моншанен: затерявшийся в пустыне

XX в. внес свои коррективы в духовную жизнь Католической Церкви в Европе: целая плеяда европейских (и прежде всего французских) теологов, таких как Пьер Тейяр де Шарден, Анри де Любак, Жак Дюпуи и другие, выдвинула неслыханные для христианства того времени идеи, что Истина так или иначе открывается и в других традициях и что Церковь должна стать более открытой для диалога с различными религиями мира. Эти прозрения во многом определили ход II Ватиканского собора, созванного Папой Иоанном XXIII (1881–1963), на котором был принят ряд важных доку-

⁸ Александр Мень, «Христианство», лекция от 8 сентября 1990 г.

⁹ Ромен Роллан, «Жизнь Вивекананды», глава VI.

ментов, декларирующих уважение к наследию нехристианских духовных традиций. К теме Собора мы еще вернемся на страницах нашей книги, а сейчас хочется отметить, что взоры духовных искателей обновленной католической Европы неизбежно обратились на Восток, на родину большинства великих религий. Одним из первых европейцев, решивших отправиться в Индию в поисках общей для всех культур Истины, стал французский священник Жюль Моншанен (1895–1957), видный представитель кружка католических интеллектуалов, о котором мы говорили выше.

Жюль Моншанен родился во французском городе Флери 10 апреля 1895 г. Его родители занимались разведением винограда и виноделием, обеспечивая себе неплохой доход. Несмотря на постоянный контакт с природой, здоровье будущего священника оставляло желать лучшего: он рос довольно слабым ребенком, подверженным частым простудным заболеваниям, и вдобавок ко всему страдал астмой, которая мешала ему учиться и играть с друзьями. Как это часто случается, почти полное отсутствие связи с внешним миром, вызванное болезнями, способствовало развитию глубокого внутреннего мира и особой чувствительности. Отец, занимаясь коммерческой деятельностью, часто путешествовал по Европе в поисках выгодных сделок, так что дети (Жюль и его старшая сестра) практически его не видели, а позже он и вовсе оставил семью. Жюль с сестрой остались на полном попечении матери, которая прилагала все усилия, чтобы ее дети росли полноценными и здоровыми, насколько это было возможно. В 1912 г. семья Моншаненов обосновалась в Лионе, где Жюль смог вплотную заняться учебой, что оказалось не простым делом, и все-таки живой интеллект юноши помог ему достичь значительных успехов. Довольно рано, уже в подростковом возрасте Жюль Моншанен ощутил свою полную зависимость от Высшей Силы, и

постепенно он стал осознавать, что его жизненный путь должен быть связан с преданием себя Богу. У него не было четкого плана, и он не до конца понимал тогда, кем именно он хотел бы стать: священником, монахом или просто добропорядочным христианином-мирянином, но в 1913 г. все-таки поступил в духовную семинарию, где, впрочем, проучился недолго: началась Первая мировая война. В те времена во Франции действовал закон о всеобщей мобилизации в военное время, и служители Церкви не были исключением из общего правила, поэтому очень многие учебные заведения остались без преподавателей-священников. Сам Моншанен не имел возможности служить в армии по состоянию здоровья, но ему пришлось заменять других мобилизованных священников на преподавательских должностях. Сначала он отправился в Шарлье, а затем преподавал в Роанне. Располагая значительным количеством свободного времени, Моншанен страстно увлекся чтением: он с жадностью поглощал книги различного содержания. Однажды ему в руки попало несколько книг, посвященных индийской культуре и духовности, и тема Востока захватила его воображение: Индия предстала перед ним не только родиной древней цивилизации, но и страной, народ которой выстроил свою культуру на принципе ненасилия, что было довольно странным для европейского менталитета. За годы войны Моншанен стал свидетелем многих ее ужасов: кровь текла рекой не только во Франции, но и в большинстве стран, вовлеченных в этот бессмысленный конфликт. Все эти события превратили молодого Моншанена в человека абсолютно пацифистских взглядов. В начале XX в. европейцы ожидали «нового Карла Великого», но Жюль пришел к выводу, что ей нужен был Махатма Ганди (если это вообще возможно в рамках европейского мироощущения).

Спустя пять лет у Жюля Моншанена появилась возможность продолжить обучение: он возобновил изучение теологии и смежных с ней дисциплин. Богословское образование в Европе 1920-х гг. представляло собой, по мнению многих, печальную картину: «эпоха итальянских Пиев» характеризовалась попытками официального Рима задушить зарождавшиеся новые философские течения, что неизбежно приводило к возрождению инквизиторского духа, хотя время прямого физического насилия со стороны Церкви давно миновало. В 1910 г. Пий X ввел так называемую «антимодернистскую присягу», которую были обязаны принимать все кандидаты на принятие духовного сана, или лица, желающие преподавать на богословских факультетах. На практике это было требование отказаться от любых проявлений свободомыслия и отбросить собственное мнение, если оно противоречило тогдашнему учению Церкви (причем речь шла не только о догмах, которые и сейчас считаются непогрешимыми, а и о их понимании, право на которое теологи имели в определенных рамках даже в Средние века). Антимодернистская присяга была отменена лишь в конце 1960-х гг., вопреки требованиям консервативных клириков сохранить ее незыблемость. Большинство студентов теологических университетов и кафедр были готовы принять ее, а тогдашнее религиозное образование обеспечивало полное погружение в атмосферу «слепой веры», поэтому молодому интеллектуалу было очень трудно находиться в таком окружении: его критический дух, образование, уровень культуры значительно отличался от мировоззрения сокурсников. Для Моншанена принесение антимодернистской присяги стало препятствием на пути к священству: в какой-то момент он был даже готов отказаться от призвания, считая требования Церкви проявлением религиозного террора. Позже он говорил, что большинство священников тех времен находились «во

тьме веры», подчеркивая именно слово «тьма», потому что истинная вера никак не может быть сопряжена с насилием над личностью. Чтобы стать «отцом Жюлем», молодой человек все-таки пошел на эту жертву, и 29 июня 1922 г. был рукоположен. Не могло быть и речи об искренности его слов на присяге — но несомненно то, что стремление стать священником и посвятить себя Богу, которое чуть было не оказалось под угрозой, было осознанным и исходило из глубины сердца. Став священником, Жюль Моншанен продолжил свое обучение в семинарском университете и начал работу над дипломом на тему «теологических мнений» членов Церкви, право на которые, казалось, отнимала официальная церковная власть. Значительная часть работы была посвящена вопросу спасения неверующих: с ранней юности Жюля волновал этот вопрос. Неужели все нехристиане отправятся в ад, как считали тогда большинство католиков? Не говорит ли это о несправедливости Провидения? Неужели вся Истина открыта только в христианской религии, а все остальные — просто набор мифов в лучшем случае (а в худшем, созданы дьяволом, «дабы отвращать людей от Христа»? Как и следовало ожидать, священники и товарищи по университету, напуганные пресловутым «кризисом модернизма», отказались понимать идеи Жюля, и его дипломный проект так и не стал пользоваться популярностью. Разочаровавшись в духовенстве и в теологах своего времени, отец Жюль Моншанен решил оставить богословские изыскания и отправиться «в люди»: что, как не общение с простыми христианами, рабочими, крестьянами, мелкими служащими, есть призвание священника? В 1924–1925 гг. Моншанен служит священником-викарием в Рикамари в угольном бассейне Сент-Этьена. Работа шахтера, по мнению священника, одна из самых неблагодарных, а его участь наиболее несправедлива: эти люди трудятся в ужасающих усло-

виях, приобретая тяжелые заболевания легких, не получая достаточного света и воздуха, и при этом зарабатывают гроши по сравнению с любым клерком или сотрудником банка. Отец Жюль предполагал, что встреча с этими людьми вряд ли будет иметь оптимистический и радостный характер: но реальная жизнь шахтерского городка превзошла все его ожидания. Он погрузился в мир полной нищеты и голода, что вызвало в его душе волну возмущения и гнева в отношении существующей системы. Как и многие в его время, Моншанен увлекался идеями всеобщего равенства, а работа в Сент-Этьене значительно усилила его прокоммунистические взгляды. Он начал посещать собрания рабочих и интеллигенции, и однажды, на одном из таких собраний, взял слово и произнес пламенную речь о своей преданности Христу и рабочему классу. Христос, прежде всего, Бог простых людей: его первые ученики были бедными рыбаками, большую часть улова которых отбирали римские власти. Разве не сказал Иисус, что «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Божие»? Разве следование Христу не означает также верность простому народу, который составляет Тело Христова? Выступление Моншанена не прошло незамеченным: постепенно он становится популярным в народе священником, а некоторые представители духовенства, напротив, начинают побаиваться его острого ума, и неподражаемого красноречия. Несмотря на закулисные игры недоброжелателей, Моншанена вызывают в Лион и назначают викарием церкви Сан-Морис-де-Монплеизир. Популярность настигла отца Жюля и здесь: многие приходят послушать его проповеди и стараются завести с ним дружбу. Внимательный собеседник, он обладал способностью располагать к себе любого, кто начинал разговаривать с ним. Новое увлечение Моншанена в этот период — символ Креста Христова. Этот образ сопровождал че-

ловека, начиная с момента возникновения цивилизации: символ огня, солнца, жизни, наконец, символ воскресения в древних культурах, благодаря Христу становится символом духовного возрождения и спасения всего мира. Для Жюль Моншанена эта идея была особым таинством, мистерией метафизической сферы. Учение о многообразности проявления Божественного, как и многосторонний символизм Креста, привели Моншанена к убежденности в том, что все культуры и все религии на самом деле проистекают из одного Источника и что невозможно закрыться в рамках какой-то одной религии и не обращать внимания на другие, считая их ложными. Само слово «католический» переводится как «вселенский», «всеобъемлющий», «всеохватный». Может ли Церковь, носящая такое название, запросто отвергать все духовные богатства, которые человечество наработало за свою длительную историю? Отец Жюль начинает распространять эту «Благую Весть»: Церковь не будет истинно католической, пока не вберет в себя все духовные и культурные богатства Вселенной. Понятие «католический» дано Церкви как бы авансом, в надежде на то, что в будущем она станет центром объединения человечества и его культур. Жюль Моншанен активно общается с людьми искусства: художниками, поэтами. Кажется, что именно они наиболее близки к познанию Истины: из-под их кистей и печатных машинок выходят настоящие прозрения, не уступающие прозрениям мистиков. Благодаря активной деятельности он становится членом Общества философов Лиона, которое возглавлялось в те дни Огюстом Валензеном. Позднее ему поступает предложение стать советником Группы медицинских, философских и биологических исследований под руководством доктора Био. Неподалеку от церкви, где служил отец Жюль, располагалась община Нотр-Дам-Сент-Албан, которая благодаря своему викарию

Плита самадхи (места упокоения) Жюля Моншанена (Свами Парам Аруби Ананды) в «Сатчитананда ашраме».

отцу Дюперре имела репутацию центра модернизма и экуменизма и, как следствие, была на плохом счету у официальной Церкви, зато привлекала интеллектуалов и представителей передовой интеллигенции. Сам каноник Дюперре был давним другом Моншанена, и они провели не один вечер в философских беседах и мечтаниях о будущем Церкви, и теперь, когда сам отец Жюль жил и работал в Лионе, им наконец удалось объединить свои усилия: Дюперре вовлекает молодого викария во все мероприятия обновленческой направленности, помогает ему вводить литургические новшества в его собственном приходе, а также знакомит с выдающимся экуменистом отцом Ремийе, который давно размышляет над тем, какие элементы других христианских традиций, а возможно, и других религий, наиболее близки католикам и на чем можно основывать диалог со всеми этими традициями. Дюперре и Моншанен участвуют во всех экуменических и интеллектуальных меропри-

ятях, которые организует отец Ремийе, и приобретают множество полезных знакомств в среде свободомыслящих католических философов.

Зима 1932 г. стала поворотной точкой в жизни Моншанена. После тяжелой формы простуды у него развивается воспаление легких, которое ставит отца Жюля на грань жизни и смерти. Находясь практически при смерти, священник решает, что это испытание, данное ему Провидением, чтобы предоставить возможность изменить его жизнь. Он много размышляет над тем, какой шаг ему следует предпринять и какую жертву принести Богу, чтобы его страдания не казались бессмысленными. Во время одного из прозрений Жюль Моншанен осознает, что ему следует вернуться к мечте своей молодости и обратиться к Востоку. Он горячо молится и приносит торжественный обет, что в случае выздоровления отправится в Индию в качестве миссионера, чтобы затем начать индийский образ жизни и глубже постичь индийскую духовность и религию. Моншанен справляется с болезнью, однако, чувствуя постоянную слабость и недомогание, он не может продолжать исполнять обязанности приходского священника, которые отнимают так много сил. Не имея желания сидеть без дела, он начинает работу с детьми-сиротами в Бальмоне, а затем становится преподавателем и воспитателем Братства христианских школ. Это вовсе не означает, что он отказался от идеи отправиться в Азию: напротив, Моншанен усиленно занимается санскритом и помогает отцу Дюперре, который ведет католический кружок во Франко-Китайском институте, а также успевает работать в Студенческой миссионерской лиге Франции. Вместе с их общим другом Анри де Любаком Моншанен и Дюперре изучают наследие отцов де Фуко и Леббе, которые пытались создать новую парадигму миссионерства, в которой культурные и духовные ценности всех народов имели свое место.

Мечта энтузиастов — универсализировать послание Церкви, поставить в центр миссионерства идею обмена духовными ценностями, а не грубого их навязывания и полного отрицания чужой культуры, как это зачастую происходило в истории христианства. Помимо прочего, Моншанен находится в авангарде диалога с марксистами и открывает для себя множество точек соприкосновения между коммунистическими идеями и христианством, а также активно участвует в группе Томаса Мора по диалогу с протестантами. В 1936 г. аббат Кутурье организует первые в истории встречи католиков с иудеями, что было крайне необычно для тех лет, ведь иудеи находились под анафемой Рима вплоть до времен II Ватиканского Собора. Встречи повторяются и в последующие годы (1937 и 1938), и во всех из них с интересом участвует Жюль Моншанен.

К середине 1930-х гг. многие из молодых учеников Моншанена и Дюперре отправились в Китай, Магриб, Индию и другие страны в качестве миссионеров, сами же священники только мечтали об этом. В 1934 г. стало очевидно, что настало время исполнить тот обет, который отец Жюль дал двумя годами ранее: он рассказывает отцу Дюперре о своем желании «отправиться в земли язычников», и друг оказывает ему всяческую поддержку. Они подают прошение епископу своей епархии, но получают отказ: иерарх и слышать не хочет о том, чтобы отпустить каноников в Азию. Вплоть до 1937 г. все их попытки каким-то образом покинуть Францию оказываются безуспешными: время тянется необыкновенно долго, но, к их счастью, в 1937 г. возвращается из поездки монсеньор Герлье, который дает разрешение на миссию. В воскресенье Страстной недели 1939 г., в тот самый день, в который много лет назад Жюль Моншанен давал обет отправиться в Индию, он получает приглашение епископа Тиручираппалли (Тамил-Наду) монсеньора Мендосы. Его радость не имеет

границ: он с благодарностью и трепетом перечитывает послание, прославляя Бога за то, что казалось невозможным. Моншанену приходится попрощаться с престарелой матерью, которой уже исполнилось 70 лет, а также со всеми своими лионскими друзьями. Пятого мая он прибывает в Марсель и восходит на борт судна, отправляющегося в Индию.

Во время путешествия Жюль Моншанен дал интервью попутчику-журналисту, представлявшему Миссионерское духовное общество. Это интервью имеет огромную биографическую ценность: в нем будущий *Свами* раскрывает свое видение индийского христианства и миссию, которую он определил для себя. Отец Жюль поделился, что самое главное для будущего Церкви, особенно на Востоке —

«это необходимость сочетания размышлений и медитации. Слово Божие стало таким, как мы, чтобы мы стали таким, как Оно. Разве миссионер не призван к принятию индийской культуры ради своего очищения и преображения во Христе? Речь идет не о приспособлении к индийским традициям, а к восприятию через Любовь того, что является основным в духовности Индии, в ее философии и священной жизни. Наша цель необъятна, и она заключается в том, что мы должны воспринять Индию в свете христианства, а христианство в свете Индии. Тот перенос откровения на почву эллинистической мысли, который произвели греческие отцы, следует осуществить также в отношении индийской философии. В Индии философия не рассматривается отдельно, а истина воспринимается как духовная реализация. Нет никакой необходимости доказывать первостепенное значение медитации, поскольку оно и так общепризнанно. Христианство, которое чрезмерно привержено деятельности, утратив свою истинную суть — поклонение и прославление Бога, кажется ущербным по отношению к местным религиям.

Поэтому мне кажется необходимым, чтобы в самой Индии родился монашеский орден, посвященный медитации над Тайной Троицы и который реализует тысячелетнее стремление индийской души к молчанию и медитации».

По прибытии в Тамил-Наду Моншанен направляется к епископу Мендосе, однако ему не находится места в самом епископате. Цели, которые он ставил перед собой — интеллектуальное апостольство и медитативная жизнь, — оказались нереализованными. Вместо того чтобы медитировать и размышлять, отцу Жюлю приходилось заботиться о мелочах бытового характера, а слабое знание языков (как тамильского, так и английского) значительно ограничивало сферу его деятельности. Адаптационный процесс занял несколько недель, но вместо новых впечатлений он привел французского священника в состояние депрессии, которая усилилась ввиду событий, происходивших в мире (Европа стояла на пороге Второй мировой войны). Чтобы исправить положение, Моншанен решает отправиться в отдаленные деревни, чтобы, как некогда в угольном бассейне Сент-Этьена, встретиться с простыми людьми, погрузиться в атмосферу тамильской провинции. Тамил-Наду, как и соседняя Керала, — регион, в котором христианство представлено достаточно широко: здесь проживает значительное количество католиков, а также множество представителей православных церквей, и, прежде всего, сирийских, поэтому местные священники были рады получить в лице отца Жюля нового помощника. Для самого Моншанена такая работа стала незаменимым опытом общения с бедными крестьянами — своей будущей паствой. Надо отметить, что индийское христианство практически не охватывает *брахманов* и представителей других высших каст: эту религию, как и во времена Римской Империи, принимали в основном простые люди, чтобы вырваться из

пут кастовой системы. В Индии Моншанен оказывается в своеобразном вакууме: война не позволяет ему переписываться с любимыми людьми, оставшимися в Европе, а хорошую литературу, к которой отец Жюль привык, живя в Париже, в Тиручираппалли достать было невозможно. Несколько дней в году он проводил в монастыре отцов иезуитов в Пални-Хиллз, который располагал неплохой схоластической библиотекой, однако, к его разочарованию, там не было ни одной работы, посвященной культуре и религии народа, среди которого он жил. Главным в жизни Моншанена становится служение людям, благодаря которому ему удастся все-таки погрузиться в индийский образ жизни и перенять многие традиции тамиллов. «Я упиваюсь Индией», — писал он, путешествуя от общины к общине, от деревни к деревне. Христиане, его братья по вере, считают его чудачком или даже сумасшедшим, а мечта получить посвящение у какого-нибудь индийского мудреца и поселиться в *ашраме* их ужасает. Иногда ему казалось, что все это действительно неправдоподобно, что это невозможно сделать, оставшись при этом христианином, но он не сдавался, с нетерпением ожидая, когда у него появится возможность осуществить свои стремления.

На осень 1946 г. был запланирован визит епископа Мендосы в Рим, и Моншанен решает воспользоваться этим, чтобы увидеть послевоенную Европу и пообщаться со своими родными и друзьями. Прибыв в Рим, он первым делом встречается с отцом де Любаком, чтобы поделиться впечатлениями от Индии и рассказать о своем духовном опыте, и находит в нем благодарного слушателя: они проводят вместе незабываемые часы. Несмотря на то что мечта основать *ашрам* индуистского типа, с которой он уехал в Индию, так и осталась на тот момент нереализованной, он вернулся в Европу победителем: путешествуя по родной Франции, он получает массу поздравлений и его засыпают сотнями

вопросов. Моншанен читает лекции в Лионе, Париже, Лувене и других городах, и эти лекции пользуются огромной популярностью, а его статьи в престижном католическом журнале «Бог Живой» резко повышают тираж издания. В начале следующего 1947 г. хорошие новости поступают от другого давнего приятеля Жюля Моншанена — отца Дюперре, который уже в течение многих лет пытался уехать в Китай, но никак не мог получить разрешение от церковного руководства, и вот наконец такое направление и приглашение были получены и в феврале они вместе отплыли к берегам Индостана.

ЖЮЛЬ МОНШАНЕН: «ДУХОВНОСТЬ ПУСТЫНИ»

Библейская пустыня исхода

Путь от источника к источнику, от Красного моря до Ханаана. Удивительное время: сорок лет. Чудеса словно мираж: перепела и манна, трескающиеся камни и струящиеся воды. Скитания, поиск, ожидание. Надежда на землю, на царство, на Мессию. Эсхатология, словно горизонт перед караваном. Жестокость жизни, принимаемая благодаря надежде. Для Моисея, который начал все это, желание так и осталось нереализованным — он умирает в Небо. Яхве, как и Израиль, живет в палатке: Бог бродячего народа — Бродяга. С пылающего Синая нисходит Тора. Алтари из необработанного камня: пустынный культ. Поклонение Единому, восхищение Его трансцендентностью: «Слушай, Израиль, твой Бог — Бог Единый». Пророки, затем организация, города, мир — и... ностальгия по временам Исхода, когда у Бога не было дома, а у народа места для ночлега. Немного варварская роскошь Соломона и сидонские кедры — стоят ли они камней, разбросанных по пустыне странствующими преданными?

Пустыня Предтечи

Ничто не сказано нем, кроме того, что он есть глас, вопиющий в пустыне... Ребенок? Подросток? Молодой человек? Он бежит за Иордан, одетый как странник, плохо питается, думает только о Том, кто должен прийти. Ему предстоит лишь умяться, его закат указывает на восход Другого. Для людей, которые не знают Таинства, он превосхищает Таинство. Вокруг Пророка, справедливого и ужасного, предсказывающего высший Суд, формируется братство, зачаток пустынной общины обновляющих вод. Сам Христос придет туда, последний и первый, закрывающий и открывающий, разделяющий учеников Иоанна с Иоанном, и, возможно, Иоанна внутри его: «Ты ли тот, кто должен прийти?» Воды исповедания становятся водами явления Троицы и мессианского провозглашения.

Пустыня искушения

Христа ведет Дух, Который осенил Его Мать, и Который Сам становится Утешителем в пустыне. Сорок дней, которые соответствуют сорока годам. Исход превращается во встречу Сына Иакова с другим ангелом, искушителем. Больше нет манны: Он отказывается сделать хлеб из камней. Больше нет чудес: Он отказывается прыгнуть с террасы Храма. Больше нет мечты о земле или царстве: самое важное в исходе в пустыне, оказывается, искушение: поклонение одному Богу и чувство оставления Им.

Христианская пустыня

Сначала христианство распространяется в городах и портах — Иерусалиме, Антиохии, Эфесе, Коринфе, Риме — охватывает прежде деревень и пустынников Павла, Антония, Иллариона, Пахома, Пафнутия, которые затем стали отшельниками, затем монахами-пустынниками. Тебаида покрывается монастырями, мученики

вдохновляют мужчин и женщин. Обращения им недостаточно — они изучают Писание, поют духовные песни, медитируют. Они обращаются к внутреннему образу, в котором проявляется Бог. Обнажены чувства, разум и Дух. В Египте и Субиако вокруг отшельников формируются монашеские ордена: св. Василия на востоке и св. Бенедикта на западе. Святой Франциск уединяется в Алверне, а святой Игнатий в Манрезе. Великие ордена станут продолжением опыта пустынников и святости отцов Тебиды (под влиянием Кассиана и «Vitae Patrum»)...

Знак пустыни

Долгий путь по первобытным неизменным равнинам, скалам, песку, вид миражей, мертвые колодцы и долгожданная вода. Долготерпение — опыт, при котором мы делим одиночество с Богом и который заставляет нас забыть все, что мы когда-либо видели. Безжалостные формы и линии — все вертится вокруг Суты: Богу достаточно видеть сладостность вечеров и ночей с созвездиями: закономерная случайность. Благодать действует на все наши повседневные жесты, вызывающие восхищение святых. Оазис — вода и тень, как посещение Духа: Эдемский сад, который мы можем только посетить, и продолжить маршрут... Всепоглощающий свет, и одиночество, и жара. Прекрасный круг горизонта как на море — все находится в Его присутствии. Экстатическое восхищение перед Единым: Бог един.

Духовность

Непривязанность, отказ, отречение. С другой стороны, монотонность недель, месяцев, лет. Беспощадный призыв Бога не оставляет ничего, кроме вкуса к Суты, а Сама Суть прячется. Повседневная жизнь народа наполнена печалью и опасностями. Если приходит радость, тайная необходимость призывает пройти через нее. Ночь, созданная для чувств и разума, может оказаться

призывом пустыни в стиле Рюйсбрука. Все интенсивно: искушения и отвращение, страхи и чувство одиночества. Нет ничего, кроме исхода и вершины экстаза, когда Единый оставляет наедине с Собой. Человеческий караван теперь кажется не чем иным, как рабством. Смысл Исхода — Земля Обетованная, а здесь, наоборот, провозглашение Присутствия. Верность в монотонных скитаниях по раскаленной пустыне — вот тот акт веры, который требует Бог — голая вера, включающая надежду без ее осознания, и совершенная любовь в совершенном одиночестве, вера, которая есть предвкушение, уже обладание, нечувствительная к разуму, в экстатическом единстве с Единым. Отречение в этой жизни, осознание любви жёниха и невесты в соответствии с законом замещения, приглашает и вводит в эту любовь того, кто призван в пустынях Аравии и под луной в пустыне Гоби, в Рио де Оро, в образе матери Агари, изгнанной в пустыню вместе с Измаилом, и чья молитва пробуждает источник жизни, находящийся в радости этого Присутствия и этой Любви.

Наполняйте Церковь — у каждого из нас есть незамеченное место. Наиболее важные органы наиболее незамечены. Наполняйте Церковь своими молитвами — ваша молитва никогда не станет изолированной молитвой, она станет столь же широкой и всеобъемлющей, как руки Христа на кресте, такой же обширной, как Искупление. У вас есть обязанность спасти мир, способствовать единству христиан: чтобы мир понял, что Бог послал Свое Слово, Его ученики должны быть едины. Заботьтесь о тех, кто не верит в Единого Посредника, но кто верит в Бога Авраама — забота об иудеях и мусульманах. Заботьтесь обо всем мире: Китай готовится принять весь резонанс Воплощения, Индия жаждет о медитативной жизни. Заботьтесь о первобытных людях, которые не знают тех преград, которые известны нам, преград переполненного сознания, и о той части человечества, которая от-

вергла Бога и борется с Ним. Только так ваша молитва станет воистину католической, во всей ее полноте.

4. Призвание отца Анри

Все годы пребывания в Тамил-Наду отец Жюль Моншанен лелеял мечту воплотить свои смелые замыслы и каким-то образом соединить опыт индуистских *санньяси* и христианских монахов, однако, не имея надежных союзников, он не решался начать эксперимент. Проблема заключалась не только (и не столько) в страхе перед реакцией официальной Церкви (будучи представителем католической интеллигенции середины XX в., Моншанен, несомненно, был готов к такому повороту событий: достаточно вспомнить печальную участь Пьера Тейара де Шардена, основоположника философии христианского эволюционизма) — основной вопрос, который, несомненно, волновал священника, находился в сфере методологии: фундаментальных знаний в области индуизма, его философии и культуры явно не хватало. С чего начать? Какие элементы индийской духовности применить в первую очередь? Как объяснить необходимость начинания окружающим? Как «христианского *Свами*» воспримут сами индийцы? Конечно, в то время в Индии уже действовали «инкультурированные» священники, но, в большинстве своем, их деятельность не затрагивала самих основ индийской духовности, и сам отец Жюль с его идеями находился в некоторой изоляции. Ему оставалось только надеяться, молиться и ждать, продолжая работать приходским священником в городке Кулитталай и вести полуотшельнический образ жизни в «Бхакти ашраме», расположенном неподалеку.

В начале августа 1947 г. наконец произошло то событие, которое Моншанен посчитал ответом на все его

горячие молитвы: спустя почти десять лет после приезда священника в Индию, ему в руки случайно попало письмо от французского бенедиктинца, отца Анри Ле Со, в котором тот выразил желание приехать в Индию и посвятить свою жизнь *санньясе*.

В жизни Анри Ле Со трудно не усмотреть действие сил Провидения — его биографы до сих пор задаются вопросом: как церемониймейстер процветающего аббатства святой Анны (L'Abbaie Sainte Anne de Kergonan), что в Бретани, родившийся в самой консервативной части Франции, в традиционной католической семье, смог бросить все, уехать на другой конец света и стать Свами Абхишиктанандой, духовным учителем христиан и индийцев. Люди, знавшие Ле Со с юных лет, утверждают, что монастырская библиотека аббатства не располагала никакими книгами по индийской философии, религии и культуре, и достать их в то время было практически невозможно, и все-таки уже в середине 1930-х гг. отец Анри ощутил неодолимое стремление отправиться в Индию для поиска Истины. Говоря о детстве и юности будущего *Свами*, следует сказать несколько слов о его семье, которая сыграла немаловажную роль в становлении его характера. Родители Анри принадлежали к «среднему классу» и владели небольшой лавкой: они не купались в роскоши, но на их столе всегда стояла бутылка хорошего местного вина (что не удивительно для французов, из какой бы области родом они ни происходили). Позже, уже в Индии, Абхишиктананда с теплотой вспоминал об этих временах: *адвайта* растворила в нем все материальные устремления, но она оказалась бессильна перед «настоящим французом» в глубине его души. «*Je suis terriblement terriblement français*»¹⁰ — иногда с гордостью, а иногда с сожалением повторял *Свами*. Уже будучи санньяси, Абхишиктананда иногда покидал «Сатчитананда ашрам»

¹⁰ «Я француз до мозга костей» (фр.).

и отправлялся в соседний город Пондичерри, в котором были французские кварталы: по таким особым дням он надевал свою старую европейскую одежду и наслаждался ощущением мира своего детства. Справедливости ради надо упомянуть, что собственно жители Бретани в те времена французами себя не считали, да и сегодня многие бретонцы гордятся традициями своего народа, культура которого восходит к древней кельтской и родственна скорее культуре Ирландии и Шотландии, чем Франции. Интересно, что кельтское мироощущение во многом близко к *ведантическому*: народам кельтской группы удалось сохранить некоторые индоевропейские отличительные черты, утраченные другими с принятием христианства, и одна из этих черт — стремление к осознанию единства всего сущего, которое также лежит и в основе философии *адвайты*. Средневековые ирландские молитвенники содержат уникальные образцы текстов, представляющих мироздание в виде космического тела Христа:

*«Молись через стопы Христа, они белы, как молоко;
Колени Христа крепки, как скалы;
Грудь Христа спокойна, как волна;
Плечи Христа широки, как горные вершины;
Глаза Христа прекрасны, как заходящее солнце;
Волосы Христа вьются, как поток воды;
Перст Христа указующий, как небо;
Молись через Его священную главу!»¹¹*

Самая удивительная параллель заключается в мифологической концепции Первого Человека, закланного у истоков творения ради блага Вселенной: изначальная версия этого кельтского мифа не дошла до нас, мы имеем лишь ее отголоски в виде христианских молитв, что же касается ведической версии, то мы встречаем ее в важнейшем для индусов гимне «Пуруша-Сукта», кото-

¹¹ Фольклорная гаэльская молитва.

рый открывается величественным образом Изначальной Личности, Пуруши:

«Пуруша, величайшая личность: тысячеглавый, тысячеглазый и тысяченогий — Он неизмерим. Весь мир — Его проявление»¹² (1.1).

Далее описывается процесс первичного жертвоприношения, в результате которого появляется мир во всем его многообразии:

«Как же богам удалось разделить Пурушу, и какие формы Он принял? Чем стал Его рот, во что превратились Его руки, и как ныне именуются Его бедра и ступни?

Из Его рта произошли брахманы, из рук — кшатрии, из бедер вайшьи, а из ступней — шудры.

Его ум породил луну, а Его глаза — солнце. Из Его рта родились Индра и Агни, а из Его дыхания — ветер.

Его пупок стал пространством, а Его голова — основанием небес. Из Его ступней родилась земля, а из ушей — стороны света. Санкальпой (целью) этого обряда стало сотворение миров»¹³ (1.12.15).

Вполне возможно, что уникальная сохранность этой общеиндоевропейской мифологемы в народной традиции кельтов и их потомков повлияла на мировоззрение Анри Ле Со, и впоследствии он часто обращался к этой теме — жертвоприношение лежит в основе всего сущего: Бог приносит Себя в жертву, и появляется Творение, Творение жертвуется человеку, а человек в лице Иисуса Христа вновь приносит себя в жертву Богу, замыкая, таким образом, космический цикл мироздания. Пуруша стал для Абхишиктананды Космическим Христом «закланым от создания мира», по словам св. Иоанна¹⁴.

¹² «Пуруша Сукта».

¹³ Там же.

¹⁴ «Откровение» 3.8.

Но вернемся к семье Анри Ле Со: как мы уже упоминали, это была традиционная бретонская семья, соблюдавшая традиции и обычаи своего народа. Родители Анри, Альфред и Луиза Ле Со жили в городке Сен-Бриак и имели шестеро детей. Фамилия Ле Со (Le Saux) должна была бы произноситься по французским правилам как «Ле Со», однако некоторые члены семьи настаивали на бретонском варианте произношения «Ле Сокс», что свидетельствовало о валлийском происхождении семьи: первоначально значение этого слова — «саксонцы». Семья Ле Со выделялась своей набожностью даже среди и без того религиозных жителей города. В те времена бретонская духовность находилась на пике своего развития: ежедневное посещение мессы было не редкостью, а регулярные молебны по любым вопросам входили в обязанности каждого уважающего себя горожанина. Помимо прочего, в Бретани дольше, чем в других областях Франции, сохранилось средневековое мироощущение, с постоянным осознанием человеческой греховности, буквально определявшей характер духовной жизни населения: не реже, чем раз в месяц, все жители города или деревни во главе со своим приходским священником отправлялись в «крестный ход», который назывался по-французски «ragdon»¹⁵, сопровождавшийся актами покаяния и распеванием «Miserere»¹⁶ и ренессансных пассионов¹⁷. Альфред Ле Со со своей женой и детьми регулярно принимали участие в этих мероприятиях, даже если их торговля терпела убытки: если надо было закрыть лавку и упустить удачного клиента ради участия в мессе, они всегда делали выбор в пользу богослужения. Впрочем, их нельзя было назвать фанатиками: в духовной практике

¹⁵ «Прощение» (*фр.*).

¹⁶ «Помилуй» (*лат.*).

¹⁷ Пассионы — духовные песнопения, повествующие о Страстях Христовых. Получили особое распространение после Тридентского Собора (1545–1563).

старших Ле Со было нечто, что выделяло их из общей толпы: они были особым образом преданны своему Высшему Идеалу, в них горел огонь любви к Богу и ближнему, и никто из обращающихся к ним с просьбами никогда не уходил с пустыми руками. За все это Альфред даже получил прозвище от горожан: «Le Petit Jesus»¹⁸, которое в наши дни посчитали бы насмешкой, но в те времена это был скорее шуточный знак признания их заслуг, одобрение их образа жизни. Дети также относились к родителям с большим уважением, и Анри Ле Со писал о своей матери:

*«Только в домах друзей призвания к священству и духовной деятельности могут расцвести в полном объеме. Это так прекрасно и так удивительно. Мама дала нам пример в своей семейной жизни. Она была идеалом, установила такой высокий стандарт, которому ее дети и внуки, священники и монахи, с таким трудом пытаются соответствовать»*¹⁹.

Уже в подростковом возрасте Анри почувствовал призвание к монашеству, что было не удивительно. Хотя родители были готовы отпустить юношу служить Богу и Церкви, когда в 1929 г. девятнадцатилетний Ле Со принял окончательное решение поступить в монастырь, это повергло всю семью в депрессию. И все-таки 15 октября Анри Ле Со стал послушником бенедиктинского аббатства святой Анны. Орден святого Бенедикта отличался особой строгостью устава и, в то же время, считался самым созерцательным Орденом в европейском монашестве. Святой Бенедикт Нурсийский (480–547) по праву считается отцом западной монашеской традиции: хотя сам уклад аскетической жизни существовал и до него, ему удалось упорядочить монастырскую практику, создав «Правило святого Бенедик-

¹⁸ «Маленький Иисус» (фр.).

¹⁹ Письмо Анри Ле Со семье от 1 января 1947 г.

та», которое и сейчас остается своеобразной «конституцией» для всех конгрегаций Ордена, почитаемой и изучаемой наравне со Священным Писанием. «Правило» — очень подробный документ, регламентирующий все стороны жизни монахов. Оно состоит из 73 глав, в которых указывается, как правильно распределять свое время в течение дня на молитву, учебу и труд, как должны складываться отношения между монахами, как необходимо питаться и сколько часов в день спать. Кроме того, святой Бенедикт устанавливает принципы духовного образа жизни, лейтмотивом которого становится созерцательность и «срединный путь» избегания крайностей. Монахи, с его точки зрения, должны разумно относиться к аскетизму, не перегибая палку: например, хотя монах не владеет никаким имуществом, а все находится в совместной собственности общины, все-таки все должны получать достаточное количество пищи, одежду и так далее, иметь время для отдыха, в том числе и после обеда:

«Учитывая различия между людьми, мы полагаем, что на обед достаточно приготовить два блюда, так что если кто-то не сможет есть одно, он пообедаст другим. Тем не менее пусть оба блюда будут приготовлены в достаточном количестве для всех братьев. При наличии фруктов и свежих овощей можно приготовить также третье блюдо. На день достаточно одного фунта хлеба, вне зависимости от того, есть ли только обед, или и обед и ужин. Если предусмотрен ужин, то пусть келарь оставит треть фунта хлеба и подаст ее к ужину»²⁰.

В среде бенедиктинцев ходит шутка, что до святого Бенедикта монахи занимались тем, что путешествовали из города в город, следуя за годовым праздничным циклом, и таким образом им удавалось нормаль-

²⁰ «Правило святого Бенедикта», глава 39 «О количестве еды».

но питаться и развлекаться. Святой Бенедикт, введя свое «Правило», покончил с этой практикой и направил монашескую жизнь в созерцательное русло. Само призвание Бенедикта связано с его путешествием в Рим: богатые родители направили своего сына в Вечный Город для получения образования, но молодому человеку городские нравы показались слишком распущенными, и он стал бродить по окрестностям в поисках более спокойного места. Он поселился в пещере горы в окрестностях Субиако, где его спустя какое-то время обнаружила группа монахов. Пораженные святостью отшельника, они попросили Бенедикта возглавить общину. Однако очень скоро оказалось, что его чрезмерный аскетизм был неприемлем для монахов, и они решили отравить Учителя. Когда они понесли ему кубок с отравленным вином, святой Бенедикт совершил свое первое чудо: когда он осенил кубок крестным знаменiem, тот разлетелся на мелкие кусочки. В 529 г. он переехал в Монте-Кассино, что в восьми милях от Рима, где основал крупный монастырь на месте разрушенного храма Аполлона. До наших дней дошли многочисленные истории о необычных способностях святого: он мог читать чужие мысли, ходить по воде, выбивать воду из мертвых скал. Биограф святого Бенедикта, святой Григорий, во «Второй книге диалогов» описывает также видение, которого был удостоен Святой под конец его жизни, и это видение было поистине *адвайтическим* опытом, сродни видению Арджуной Космической Формы Бога на поле битвы Курукшетра: глубину ночи затопил поток света, текущий сверху, который сиял ярче, чем солнце. От тьмы не осталось и следа, и перед ним предстал весь мир, представлявший собой «*Нечто, что казалось единым лучом света*»²¹.

²¹ Святой Григорий, «Вторая книга диалогов», глава XXXIV.

Надо отметить, что Орден святого Бенедикта представляет собой конфедерацию независимых конгрегаций, ему чужда строгая иерархическая дисциплина иезуитов и некоторых других орденов. Формальный глава Ордена — аббат-настоятель является избираемым председателем Конфедерации бенедиктинских конгрегаций и не вмешивается в дела самостоятельных аббатств и общин. Сегодня «Сатчитананда ашрам» принадлежит Камальдолезской конгрегации, а монастырь, в который поступил Анри Ле Со, входил в Солезмскую Конгрегацию, которая и по сей день славится своими мастерами хорового григорианского пения. Конгрегация была буквально разгромлена (а ее наследие практически уничтожено) во времена Великой Французской революции, и восстановлена лишь в 1833 г. доном Проспером Геранже.

Так или иначе, под надежной защитой монастырских стен Анри Ле Со удавалось спокойно молиться и размышлять, выполняя свои повседневные обязанности. День монахов начинался в четыре утра, когда бил большой колокол *Angelus*, после чего все направлялись в часовню на первое богослужение. Обитатели монастыря проводили в общей сложности порядка четырех часов в молитвах ежедневно: таковы были требования Часослова, согласно которому каждое время суток освящалось тем или иным богослужением. В течение дня монахи также занимались изучением Священного Писания, «Правил святого Бенедикта» и других наук. Может показаться, что такой образ жизни — пустая трата времени, однако для Ле Со это была настоящая работа над собой, воспитание характера будущего *Свами*. Он нисколько не сомневался в пользе своих духовных упражнений и никогда не роптал на строгость монашеского уклада жизни. Спустя шесть лет Анри принес свои окончательные обеты и стал полноправным членом общины. Мирному течению монастырской

жизни помешала Вторая мировая война: хотя к 1939 г. германские войска еще не оккупировали Бретань, все монахи призывного возраста были призваны на действительную военную службу. Многосторонне развитый и прилежный Анри стал сержантом французской армии и достиг значительных успехов в военном деле. В его подчинении находилось несколько человек, и он чувствовал большую ответственность за них. В 1940 г. подразделение Ле Со оказалось в окружении немцев: монах и несколько его товарищей попали в плен. Ставка немцев находилась неподалеку от местечка Майен, и всех пленных планировалось переправить в соседнюю Германию. Такая перспектива вовсе не радовала отца Анри, впоследствии он писал своему другу Мюррею Роджерсу:

«Поскольку у меня не было никакого желания отправляться в Германию, вечером я убежал из лагеря и направился в сторону Фужер. Следующей ночью на велосипеде, который мне любезно одолжили местные жители, я доехал до Сен-Бриака. Я был одет самым фантастическим образом. Там я скрывался в течение месяца, пока все считали, что я умер, и в этом же году вернулся сюда (в монастырь Кергонан)»²².

Как мы видим из письма, Ле Со удалось каким-то образом покинуть лагерь и добраться до ближайшей деревни, а затем на велосипеде переправиться в Сен-Бриака.

Мы уже говорили выше, что интерес к Индии возник у Анри Ле Со спонтанно (по крайней мере, по причинам, нам неизвестным): его близкий друг, отец Жозеф Лемарье, вспоминал, что Ле Со загорелся идеей отправиться на Восток в 1934 г., после визита его дяди, Анри Соннефрода, который служил миссионером в Китае, будучи членом Миссионерского общества Парижа. Есть большая вероятность, что именно под влия-

²² Из писем Анри Ле Со Мюррею Роджерсу.

Святой Бенедикт (деталь вимана храма
«Сатчитананда Ашрама»).

янием этого человека Анри всерьез задумался о своем новом призвании. По другой версии, ему в руки все-таки попали те крупницы знания об Индии, которые содержались в буклетах, издававшихся под общим названием «Ксавериана» (в честь св. Франциска Ксаверия, совершившего в XVI в. несколько миссионерских поездок в Индию). В «Ксавериане» попадались интересные материалы о христианских миссиях в Индии, о буддийских и индуистских монахах — как-то раз там была опубликована даже интересная подборка материалов о бенгальском святом XIX в. Шри Рамакришне (1836—1886), который учил о том, что все религии так или иначе исходят из одного Центра и ведут к единой для всего человечества Истине. Благодаря Рамакришне многие индийцы смогли по-другому взглянуть на ислам и христианство, а многие христиане переосмыслить свое отношение к другим религиям. В любом случае для французского монаха начала XX в. мысль о

единстве религий была, скорее всего, чем-то чуждым: до II Ватиканского Собора большинство католических священнослужителей не только не стремились к изучению иных духовных традиций, но даже и не задумывались о них. Для Анри Ле Со интерес к Индии стал началом захватывающего путешествия на другой конец света и, что самое главное, к самому себе. Как только закончилась Вторая мировая война, отец Ле Со стал искать пути покинуть свое аббатство и отправиться в Тамил-Наду: это оказалось не простой задачей, поскольку, во-первых, монахи-бенедиктинцы дают обет «стабильности», согласно которому они не имеют права покидать свою конгрегацию без соответствующего разрешения (а в те времена получить такое разрешение было невероятно трудно), а во-вторых, француз, не знакомый с Индией и ее образом жизни, не мог просто так приехать в эту страну и начать свой поиск. Анри Ле Со написал ряд писем представителям Церкви Индии, одно из которых получили монахи из Салема (Тамил-Наду) и ответили, что готовы принять его в любое время, и будут рады разделить с ним свою монашескую жизнь, если на то будет разрешение местного епископа. В праздник Вознесения 1947 г., Анри Ле Со составил письменную просьбу епископу Тиручираппалли и во время вечерней молитвы возложил ее на алтарь, чтобы в очередной раз попросить Бога о чуде: по свидетельству очевидцев, отец Анри не мог больше ждать. Месяцы ожиданий и многочисленные письма без ответа приводили его в состояние депрессии. Временами ему даже казалось, что Бог не хочет, чтобы эта поездка состоялась. Последнее письмо Ле Со пришло в канцелярию епископа Тиручираппалли с некоторым опозданием (осенью того же года, как мы упоминали выше), а поскольку сам епископ практически не владел французским языком, то он передал его приходскому священнику Жюлю Моншанену. Надо сказать, что письмо по-

пало по правильному адресу и в надежные руки. Два молитвенных порыва встретились: Ле Со, искавший возможность отправиться в Индию, и Моншанен, искавший себе единомышленника, чтобы начать путь *санньясы*, обрели друг друга. Ответ Жюля Моншанена не заставил себя ждать: «*Ваше письмо стало для меня Божьим ответом... Я жду Вас... Индия ждет Вас...*»²³ Отец Анри праздновал победу: как только письмо достигло его монастыря, аббат, даже не переговорив с самим Ле Со, направил епископу Тиручираппалли свое согласие отпустить своего подопечного в распоряжение его пресвященства. На следующий день после своего ответа французскому респонденту Жюль Моншанен сделал следующую запись:

«Я говорю "радость", потому что это действительно великая радость для меня: найти кого-то, кто любит Индию и кто с огромным христианским состраданием погружается в самые глубины индийской мысли — именно этим я занимался сам в течение нескольких лет. Представьте себе, что значит для меня найти кого-то, кого мысль об Атмане ведет к размышлению о Божественном Параклете»²⁴ и кто за поверхностным пантеизмом обнаруживает необыкновенное прозрение Духа, достигнутого величайшими провидцами Упанишад»²⁵.

ЖЮЛЬ МОНШАНЕН: «САТСАНГ»²⁶

Индия должна дать Западу более острое ощущение Вечного, первенства Бытия перед действием. В свою оче-

²³ Письмо Жюля Моншанена Анри Ле Со от 7 августа 1947 г.

²⁴ Параклет — Святой Дух (*греч.*).

²⁵ Жюль Моншанен, 8 августа 1947 г.

²⁶ В «Сатсанг» с Жюлем Моншаненом мы включили короткие отрывки из его различных произведений, относящихся к разным периодам его жизни.

редь она должна принять от Запада чувство конкретности временного, личности, любви. Такова наша функция как посредников.

Письмо Ж. Моншанена А. Ле Со от 23 января 1955 года

Не является ли это особой миссией: проповедовать всем Тайну, которая является печатью остальных великих тайн, но делая это так естественно, что даже ребенок может воплотить ее в жизнь и может познать свое истинное «Я» самым привычным и интимным способом.

Отцу Дюперре

Стать [личностью] для человека — это теопатия, персонализация в Теле Воскресшего, участие в Троице.

Мистика христианской тайны Индии

Даже состояние погруженности в себя, если оно не направлено на истинное «Я», не может развить ни знание, ни любовь.

Надо БЫТЬ, чтобы давать, чем больше мы осознаем свое бытие, тем больше мы способны дать.

«Новый Завет» провозглашает две наиболее непостижимые для человеческой мысли Тайны — это интимность Божественного Существа, Троицы, и Его самопожертвования в искупительном воплощении в слове и даровании Духа. Это провозвестие, твердое и спокойное, не подразумевает никаких философских доводов.

Мы не наливаем индийское вино в старые европейские мехи.

Письмо от 10 сентября 1957 года

Мир создан только для жизни, жизнь для человека, а человек исключительно ради его собственного «Я». Все есть знак, но на самом деле все основано на Том, кто из любви к Творению проявился в образе знаков. В челове-

ском обществе нет большего знака, чем Любовь, — это истинный знак абсолютного «Ты» Бога.

От эстетики к мистике

Мистик всегда остается по ту сторону Тайны: не Дух касается Тайны, а Тайна касается Духа и заставляет его отбросить все формы, которые он пытался охватить.

Тайна не относится к миру иррационального, она рациональна, она заставляет пройти путь от постановки проблемы к Бытию.

Во Христе все присутствует, как призыв, рост, истинные знаки, — все есть Таинство, через все проходит нить медитации — начинания — обещания и обладание: рождение в страданиях.

Для чего мы стали миссионерами? Для Христа, для того чтобы достичь Христа, чтобы его Воплощение стало всеобщим, чтобы Христос однажды вернулся к Отцу во всей Своей полноте.

Теология и духовность миссионеров

Церковь не будет всеобщей, не станет полным Телом Христа, пока она не включит в себя все цивилизации, все культурные и духовные богатства всего мира.

Апофатизм и апавада

Все культуры суть человеческие и находятся на своеобразной горизонтали имманентности. Слово Божие является их печатью, оно рассуждает их и определяет их кризис.

Матери

Бог абсолютен в своем единстве и абсолютно прост, не сливаясь с миром: будучи трансцендентным, Он не создает с ним двойственности, его отношения с творением суть адвайта, и трансцендентность творения может сохранить чистоту Божества, не упраздняя мира.

Индия и мистическая медитация

Медитативная сосредоточенность не направлена ни на индивидуальный Атман, ни на индифферентный Брахман, но на Дух, который находится за пределами всех форм, всех структур, даже метафизических, и который все-таки предстает как Личность, даже как единство Трех Личностей, личностный характер которых четко проявлен.

Не заключается ли миссия Индии в исследовании глубин Тайны Троицы в ее достижении и объединении, в ее движении к исследованию Вселенной и к обращению к Посреднику на пути к Нерожденному: Таинство Святого Духа?

Еще не раскрытая духовность, способы медитации, новые формулировки Тайны, виды поклонения и посвященной жизни, несомненно, веками ждут прихода таких цивилизаций, как индийская и китайская, в лоно Церкви — единой и многогранной. Христианство, какое оно было вчера, какое оно есть сейчас, не станет Тем, «Кто грядет». Вечный Дух всегда будет во Вселенной. Это и есть христианский эсхатологический взгляд, христианская молитва о реализации «Марана-фа», «приди, Господь!».

RSR 1948

Мы осознаем, что Бог в нас, но и мы в Боге! Эту взаимность в различных действиях, я думаю, невозможно получить иным путем, кроме как по инициативе Любви Бога, которая уничтожает всякую двойственность. Одновременно явно и тайно.

Отцу Дюперре, 28 ноября 1938 г.

Лишенная мистиков, Церковь погружается в повседневную реальность, которая утяжеляет ее настолько, что она не может подняться к вечности. Она теряет из виду горизонт абсолютного будущего, завершающего время мира и истории, утрачивая общий смысл. Их отсут-

ствие изменяет лик невесты Слова. Она сбивает с пути людей, христиан и нехристиан, переворачивая эту перспективу с ног на голову, и мы становимся свидетелями опустошения, и Церковь переполняется миром, а не мир Церковью. В мирском обществе, которое судит обо всем на основании социальных критериев и пытается низвести науку и философию до уровня инструментов прогресса, Церковь как никогда испытывает необходимость в «закрытых садах», чистых местах, неповрежденных знаках грядущего блага. Нехристиане имеют твердое право видеть Церковь такой, какая она есть в своей главной миссии, обращенной к людям ради их спасения, а прежде всего к Богу, любя Его и поклоняясь Ему.

5. Земля обетованная

Воскресным утром 26 июля 1948 г. отец Анри Ле Со отслужил свою последнюю литургию в аббатстве святой Анны, а после вечерней молитвы сел на поезд до Марселя, откуда и отправился в путь. В те времена подобное путешествие занимало чуть больше месяца. 15 августа 1948 г., миновав промежуточный порт Коломбо на Шри-Ланке, отец Анри провел торжественную мессу на борту, посвященную Успению Пресвятой Девы Марии: это событие носило весьма символический характер, ведь по католическому вероучению, Мать Божья, не нуждавшаяся в Искуплении (согласно католической догме о непорочном зачатии Пресвятой Девы), вошла в Царство Божие и была коронована ангелами, став Царицей Небесной. Анри Ле Со связывал с Индией самые радужные надежды, касающиеся его духовного поиска, для него субконтинент стал своеобразной Землей Обетованной, «где течет молоко и мед», молоко духовного знания и мед преданности Высшему Существо. Ступив на землю Индии, Ле Со от-

правился в «Бхакти ашрам», в котором жил Жюль Моншанен, и спустя несколько дней уже чувствовал себя почти местным жителем: все казалось знакомым и близким, как будто бы он родился на этой земле. Красота тамильской природы, чистый воздух, пение птиц, тишина леса — все казалось чудом. Анри Ле Со почти каждую ночь выходил на улицу, чтобы подышать воздухом и полюбоваться окружавшим его пейзажем. Образ жизни тамиллов также показался ему естественным и благостным: уже до отъезда в Индию он был убежденным вегетарианцем, а простая южноиндийская еда: лепешки, рис, *дал*, *масала* — казалась ему наиболее подходящей для монаха. Не зная тамильского языка, французский священник легко нашел общий язык со своими местными прихожанами:

«Никаких грубых рукопожатий, как в Европе, вместо них — грациозное движение сложенными на уровне подбородка ладонями. Христиане, в дополнение к этому приветствию, склоняются или встают на колени перед своим свами (священником). В ответ я должен дать им асирвадам (благословение), то есть произнести благословение, подняв правую руку, или даже нарисовать крест у них на лбу. Я до сих пор не могу разговаривать с ними на тамильском»²⁷.

Осенью того же года отец Лемарье получил от Анри Ле Со письмо, в котором последний выразил весь свой восторг от своей новой родины:

«Как бы я хотел, чтобы ты увидел все это! Небо, солнце, деревня, восхитительный пейзаж реки Кавери на закате... Красота рукотворных строений: великих храмов с блистательными скульптурами. Необыкновенно величественная архитектура в Мадуре и Шри Рангаме: семь стен, окружающих святая святых, каждая из которых

²⁷ Письмо Анри Ле Со семье от 21 августа 1948 г.

увенчана гопурамом²⁸, комнаты с тысячами колонн, каждая из которых неповторима — чистые линии растительного орнамента, фигуры божеств, на лицах которых нет никаких гримас, как обычно рассказывают (и что иногда является правдой), во всем чувствуется мир, а душа погружается в медитацию...»²⁹

Анри Ле Со и Жюль Моншанен мечтали о полной «индианизации», о том, чтобы разделить образ жизни местного населения. Перед ними была масса примеров того, как христианские священники, ничего не зная о местных обычаях, ели мясо, пили вино, совершали другие действия, которые с точки зрения индийцев являются греховными, вследствие чего последние делали вывод, что христианство — это некая второстепенная, возможно, даже ложная религия, раз даже ее священники ведут себя неподобающим образом. Для Ле Со и Моншанена даже и речи не было о том, чтобы вести такой образ жизни: они сменили свои священнические сутаны на шафранные одеяния *кави*, которые носят индуистские *санньяси*, стали принимать пищу, сидя на полу и используя банановые листья вместо тарелок, спали на простых циновках. Однажды Ле Со решил посетить Шри Рангам, который имеет очень древнюю историю и знаменит своим храмом, в котором некогда жил и работал выдающийся индийский философ Рамануджа (1017–1137). Главное Божество храма — Вишну Ранганатха, гигантская статуя которого была, по преданию, первоначально установлена царевичем Рамой на Шри-Ланке в знак признательности брату Раваны, который перешел на его сторону и помог ему освободить из плена его жену Ситу. После долгих приключений *мурти* (статуя) оказалось в Шри Рангаме, но не утратило связь с островом: вопреки принятой в индуизме

²⁸ Элемент тамильской архитектуры: пирамидальная башенка, украшенная цветными скульптурами.

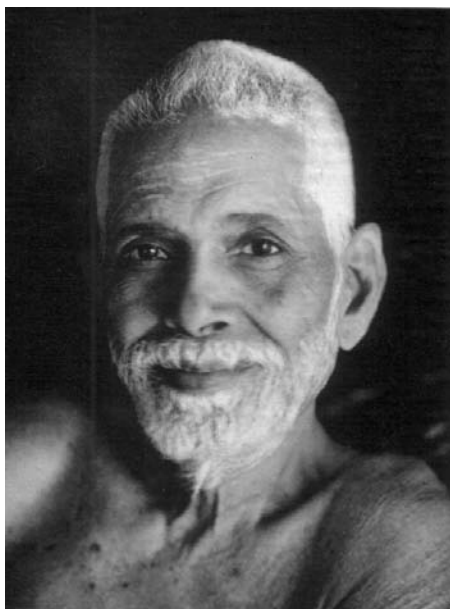
²⁹ Письмо Анри Ле Со отцу Лемарье от 22 ноября 1948 г.

практике, взор Вишну обращен в сторону Шри-Ланки. Попасть в святая святых храма и увидеть Ранганатху затруднительно для европейца и в наши дни, а во времена Моншанена и Ле Со это было практически невозможным, и все-таки, по воле Провидения, ему удалось приблизиться к святыне: он сам не понял, как под натиском толпы он вдруг оказался среди священников, совершавших *пуджу* (богослужение) перед главным алтарем храма. Не отдавая себе отчета в том, что происходит, и не зная правил индуистского богослужения, *Свами* начал участвовать в *арати* (предложении божеству огня и других предметов) вместе с другими *пуджари* (священниками). Происходящее было настоящим чудом для всех собравшихся, многие из которых сочли это за проявление милости Ранганатхи, а для Анри это был новый удивительный опыт.

Еще до отъезда в Индию Анри Ле Со много слышал о Шри Рамане Махарши (1879—1950), прославленном мудреце современной Индии, который, по словам своих последователей, достиг просветления уже при жизни, став *дживанамуктой* (живой освобожденной душой). Его настоящее имя было Венкатараман, и в шестнадцатилетнем возрасте он испытал особое состояние, которое по внешним признакам напоминало физическую смерть: он почувствовал неожиданный беспричинный страх смерти, который заставил его обратиться внутрь себя. Юноша начал задавать себе вопросы, ответы на которые исходили из глубины сердца:

«Приходит смерть... Пусть приходит... Что есть смерть? И к кому она пришла? Ко мне. Кто есть я? Что именно умирает? Умирает это тело... Пусть умирает...»

За этим последовало ощущение полной физической смерти:

**Шри Рамана
Махарши**

«Хорошо, тело умерло. Теперь его отнесут в крематорий и сожгут. Я стану пеплом. Но с разрушением тела буду ли разрушен я сам? Являюсь ли я этим телом? Не будучи затронутым смертью, которая превратила тело в труп, здесь и сейчас я по-прежнему существую и сияю. Следовательно, я не это смертное тело. Я отличен от тела. Я есть неразрушимое истинное "Я"»³⁰.

В 1907 г. известный пандит Шри Ганапати Шастри провозгласил молодого садху Бхагаваном Шри Раманой Махарши, что привлекло к нему множество паломников и первых учеников, которые впоследствии основали «Шри Раманашрам» у подножия священной горы Аруначала. В начале 1949 г. Ле Со и Моншанен приняли решение посетить мудреца, благо, что он жил

³⁰ Шри Садху Ом, «Путь Шри Раманы».

неподалеку от «Бхакти ашрама» (примерно в 150 км). Рамана Махарши удостаивал учеников и паломников своего *даршана* практически ежедневно. Встречи проходили в *пандале* — просторной беседке, построенной из бамбуковых опорных столбов и крытой банановыми листьями. Когда Рамана впервые предстал взору христианских санньяси, он выглядел очень просто, и совсем не был похож на *риши* ведических времен, какими они являлись в воображении Моншанена и Ле Со:

«Я и Пуруша (Моншанен) дождались своей очереди, вошли, со сложенными руками поприветствовали Махарши и сели среди толпы. Прежде всего, я принялся внимательно изучать этого человека, о котором я столько читал и слышал. Этот визит не мог не стать кульминацией моего жизненного пути. Я долго с нетерпением и готовностью ждал возможности побыть в присутствии Махарши. Когда между мной и им установился физический контакт, что-то должно было произойти. У меня не было ни малейшего сомнения: этот человек — послание для меня, которое, если его нельзя будет передать словами, будет передано мне духовным путем. Я четко осознавал, что слова — наименее важный из способов, которыми мудрец передает свой опыт. Однако, несмотря на мое страстное ожидание, а может, и по причине этого ожидания, я оказался разочарован, и это разочарование переполнило мое сердце. История Эммауса постоянно повторяется в важные моменты человеческой жизни, особенно когда люди решают, что события должны быть такими-то и такими-то, основываясь на рациональных принципах!»³¹

Во время всего *даршана* французские священники не сводили с Раманы глаз, и все-таки отец Анри был явно разочарован: несомненно, он ожидал большего от человека, о котором так много слышал. После *даршана*

³¹ Анри Ле Со, «Секрет Аруначалы».

все паломники и ученики мудреца собрались на общий обед, по обычаю возглавляемый самим *Гуру* (эта традиция сегодня неукоснительно соблюдается и в «Сатчитананда ашраме», где никто не начинает прием пищи до того, как *Свами* пропоет один из *бхаджанов*, и не заканчивает, пока не будут произнесены заключительные слова из «Гиты»), а затем все вернулись в *пандал*, чтобы послушать рецитацию ведических гимнов. Эти гимны, возможно, стали одним из самых сильных впечатлений Анри Ле Со за тот день: он был буквально захвачен красотой санскритского слога и особенной духовной силой, которая исходила вместе с вибрациями древних *мантр*. И все-таки Анри уехал бы от мудреца ни с чем, если бы не встреча с одной из его учениц, по имени Этель Мерстон, которая, будучи англичанкой по происхождению, глубоко погрузилась в индийскую мистическую традицию и помогла отцу Ле Со взглянуть на Махарши в новом свете, избавившись от тех ограничений, которые навязывало ему европейское мировосприятие. Во время следующего *даршана* Анри Ле Со непроизвольно встретился глазами с медитирующим Раманой, и это произвело на него неизгладимое впечатление. Можно сказать, что именно в тот момент в его душе было посажено семя *адвайты*, абсолютной не двойственности, которой учил Махарши. Это было своеобразное посвящение в восточную мистику, в ведантическое мировосприятие.

«Невидимый ореол мудреца пронзил меня глубже, чем любые слова... В мудреце Аруначалы, в мудреце наших дней, я различил Единого Мудреца вечной Индии, непрерывную цепь ее мудрецов, аскетов и провидцев; мне показалось, что сама душа Индии достигла самых глубин моей души и вошла в состояние мистического общения с ней»³².

³² Анри Ле Со, «Секрет Аруначалы», IX.

То, что испытал Ле Со в «Шри Раманашраме», было сродни опыту святого Павла на пути в Дамаск, когда бывший гонитель христиан внутренним взором увидел Христа и предался ему безо всяких внешних причин. Для будущего Свами Абхишиктананды это был опыт осознания недвойственного единства бытия, воплощенного в личности Махарши, и этот опыт стал прологом к новой жизни, к жизни христианского *садху-ведантиста* в таинственной, мистической, внутренней Индии.

Покидая Раману Махарши, Жюль Моншанен и Анри Ле Со не сомневались, что вернутся сюда снова, однако этому не было суждено случиться: весной следующего, 1950 г., собираясь в паломничество на Аруначалу, они узнали, что Махарши оставил материальное тело, войдя, по словам индусов, в состояние *махасамадхи*. Позднее, медитируя в одной из пещер Аруначалы, Ле Со осознал, что на самом деле великий *риши* современности остался в этом месте навсегда, поскольку сама гора, которую тот считал своим *гуру*, сохранила его дух, дух недвойственности и созерцательности.

Так прошел первый год пребывания отца Анри Ле Со в Индии: он укрепил в себе склонность к созерцательности, которую как монах-бенедиктинец он приобрел уже в первые дни пребывания в аббатстве святой Анны, а также погрузился в тамильскую культуру, отбросив вместе с европейскими одеждами образ жизни западного человека. Теперь перед двумя французами стояла самая главная на тот момент задача: создать *ашрам*, в котором бы сочетались индуистский и христианский подходы к духовной жизни и куда бы и индусы и христиане приходили за духовными наставлениями.

Космический Крест (символ Троицы-Сатчитананды) перед главным храмом «Сатчитананда Ашрама».

АНРИ ЛЕ СО: «МЕСТО ВСТРЕЧИ ИНДУИЗМА И ХРИСТИАНСТВА»³³

...В этих беседах мы всегда сосредоточивались, прежде всего, на мистическом опыте самого высокого уровня. Христиане, индуисты, мусульмане и буддисты — все свидетельствуют о реальности высшего опыта Божественной Тайны, которого достигают величайшие из них. Этот неоспоримый факт ставит перед христианами ряд проблем. Прежде всего, возможно, это проблема апологетики: в такой стране, как Индия, с ее богатейшей духовной и мистической традицией, Церковь не может надеяться заслужить внимание истинно религиозных людей, если она не сделает акцент на величайших ценностях ее

³³ Эта книга представляет собой отчет и размышления о нескольких екуменических встречах, которые проходили в 1960-е гг. в различных частях Индии и были посвящены духовным практикам индуизма и христианства.

послания и опыта веры. Проблемы теологического характера гораздо более сложны. Несомненно, христиане обязаны попытаться увидеть присутствие и действие Духа за теми рамками, которые они так часто устанавливают, а также установить связь между опытом, который индуисты считают высшим, и опытом христианских мистиков. Не должен ли высший Божественный опыт быть опытом вечного происхождения Сына в глубинах Божества и невыразимой недвойственности Отца и Сына и Святого Духа? Ведь «никто не знает Сына, кроме Отца, и никто не знает Отца, кроме Сына и тех, кому Сын хочет открыть Себя» (ср. «Евангелие от Матфея», 11.27). Однако индуистские мистики говорят о «полноте», о высшем свершении, и очень сложно отвергнуть их свидетельства. Невозможно решить эту проблему, ограничиваясь рамками христианской теологии, которая так же важна и нужна, как и другие свидетельства. Мы должны посмотреть вглубь вопроса, чтобы понять этот двойной опыт, попытаться одновременно осознать в глубине нашего существа и опыт Высшей Недвойственности, которую ведантисты рассматривают как Высшую Цель человеческого существования, и опыт божественного «сыновства» в единстве Духа Святого, лежащий в основе нашей христианской веры.

II. САТЧИТАНАНДА ГУРУ

1. Инкультурация от святого Фомы

Первые христиане появились в Индии уже в I—II вв. н. э. Всякий, кто бывал в Ченнае (бывший Мадрас), наверняка посещал белоснежный собор святого Фомы, где находится место захоронения этого апостола. Именно святой Фома, по преданию, принес на полуостров Благоую Весть — сохранилась даже точная дата этого события: 52 год от Рождества Христова. В Евангелии Фома упоминается несколько раз, и с ним связана история о том, что он не поверил в воскресение Христа, и тогда Христос Сам явился ему и продемонстрировал Свои раны, после чего Фома впервые назвал Его «Господом и Богом». После Вознесения апостол отправился в миссионерскую экспедицию в Парфию, а затем в Индию, где и основал одну из первых христианских общин на территории нынешнего штата Керала. Все эти события описываются в апокрифических произведениях «Деяния Фомы» («Acta Thomae») и «Учения Апостолов» («Didascalia Apostolorum»), а также упоминаются отцами ранней Церкви святым Ефремом, святым Григорием Назианзином, святым Амброзием и святым Иеронимом. Первая Церковь, основанная святым Фомой, располагалась в Кранганоре, где сегодня проживают христиане сирийского обряда, считающие себя потомками первых тамильских учеников святого Фомы, а также его сирийских спутников. Сирийская христианская традиция настолько сильна в Индии, что Беда Гриффитс даже включил некоторые тексты из «Чина Сирийской Литургии» в «Сандхья Вандану» — сборник молитв и *бхаджанов*, которые используют в своих ежедневных богослужениях монахи Шантивана-

ма. Покинув Кранганор, апостол отправился на восток, в Милапор, основывая по дороге христианские общины в Ниранаме, Колламе, Палайуре и многих других местах. По некоторым сведениям, он дошел до Китая, а затем, вернувшись в первую точку своего индийского путешествия, Кранганор, он совершил второй вояж по Южной Индии, и в 72 году был убит на горе, которая сейчас носит его имя, недалеко от Милапора. Многие индийские христиане до сих пор именуют себя «христианами святого Фомы», а ченнайская базилика святого Фомы служит им местом паломничества. Можно сказать, что история диалога между индуизмом и христианством началась сразу после смерти апостола: святой Григорий Турский в своей книге «*De Miraculis Sancti Thomae*»³⁴ повествует о том, как некий индийский царь, Раджа Махадеван, наслышанный о чудесах, которые творит «иноземный бог», решил обратиться к служителям общины святого Фомы с просьбой исцелить его сына. После некоторых колебаний христианские священники решились открыть гробницу святого, мощи которого оказались нетленными, и позволили индуистам приложиться к ним. В результате сын Махадевана оказался здоров. Эта история очень хорошо отражает отношение простых индийцев к религии: в их представлении не существует «разных» религий — существует Единая Высшая Цель, Абсолютная Истина, и, следовательно, одна религия, Вечная Религия, *санатана дхарма*. В зависимости от места, времени и обстоятельств, эта Вечная Религия проявляется по-разному, представая перед нами в образах различных божеств и священных символов. Эту мысль иллюстрирует известный стих из «Риг-Веды»: «*Экам сад випра бахудха ваданти*» — «*Истина одна, но мудрые называют ее разными именами*»³⁵. Именно с этим связана готовность ин-

³⁴ «Чудеса святого Фомы» (лат.).

³⁵ «Риг-Веда», 1.164.46.

дийцев принять Христа, но абсолютная невозможность принять Его «эксклюзивность». В 1222—1225 гг. большинство реликвий святого Фомы были вывезены из Мадраса представителями официальной Церкви, и до сего дня они хранятся в Ортоне (Италия), но, тем не менее, в 1729 г. Индия стала свидетельницей еще одного чуда апостола: во время церемонии почитания гробницы епископ Милапора дон Хосе Пинхарно открыл ее крышку, чтобы раздать паломникам землю из святого места, и оттуда, по словам очевидцев, хлынул поток яркого света, продемонстрировав незримое присутствие святой личности. Хочется отметить, что в западном мире такие чудеса — реальные или поддельные — приводят к массовым обращениям в ту или иную веру, но менталитет индийцев несколько отличается от менталитета других народов: кажется, этот народ уже ничем не удивишь, и они, с любопытством изучив «христианское чудо», спокойно вернулись в свои храмы к своим божествам. По указанной выше причине многие индуисты посещают богослужения в христианских церквях, с удовольствием поклоняются изображениям Иисуса, Марии и святых, которые соседствуют на улицах с *мурти* индуистских божеств, но вовсе не стремятся стать христианами. Простые люди говорят: «Мы не думаем, что христиане поклоняются одному богу, а индуисты другому. Бог один, но проявляется по-разному». С другой стороны, те индийцы, которые все-таки принимают христианство, зачастую мыслят точно так же: они запросто могут после католической мессы отправиться в храм Вишну или Шивы и поучаствовать еще и в индуистской *пудже*. Во многом инкультурация имела место в Индии с самого начала, с первых дней встречи индуизма и христианства, и не по указанию религиозных лидеров, а естественным путем. В современной католической теологии термин «инкультурация» определяется как попытка выразить христианское вероучение

языком местной культуры: например, в Африке это могут быть танцы под бой тамтамов вместо традиционной мессы с органом, а в Латинской Америке богослужение может проходить под гитару. Но в Индии непривычный процесс инкультурации с самого начала был связан не только с внешними практическими аспектами, но и с философскими идеями. Дело в том, что в этой стране даже самые необразованные люди весьма неплохо знакомы с основными философскими понятиями своей религии: недвойственность, *бхакти*, освобождение — все это не пустые слова для рядового индийца, и именно эта местная особенность мешала христианским миссионерам обращать индийцев в свою веру: по выражению одного из таких неудачников, *«любой деревенский священник-индус в философском споре может заткнуть за пояс наших миссионеров»*. Важнейшей проблемой для индийского ума был и остается христианский эксклюзивизм: если вы не примете христианство, то не спасетесь. Эта мысль вызывает не только несогласие, но и явный протест и неприязнь у индийцев, что очень хорошо выразил Махатма Ганди: *«Я не отрицаю Христа. Я люблю Христа. Просто большинство христиан так не похоже на Христа!»*³⁶ Культурный аспект также играет важную роль: для многих индийцев принять христианство означает предать свою родную культуру, а если они все-таки крестятся, то стараются максимально приблизить свою новую веру к привычному социокультурному окружению, что опять-таки дает нам право говорить о спонтанной, естественной инкультурации. Эта спонтанная инкультурация выражается, прежде всего, в способах индивидуального поклонения: повсюду в Индии можно встретить христианские алтари со следами индуистского культа: цветочные гирлянды на шее у Иисуса и Марии, курящиеся ароматные палочки, разбитые кокосы, которые

³⁶ Интервью со Стенли Джонсом.

обычно приносятся в дар божествам, и так далее. Входя в христианский храм, индийцы снимают обувь, обходят статую Иисуса или Марии по часовой стрелке (в индуизме такой обход называется «*парикрама*»), затем допрагиваются до стоп изображения (стопы считаются в индуизме сосредоточием Божественной Энергии, существует много молитв, в которых преданные просят убежища «у лотосных стоп» Бога или святого). Не ошибемся, если скажем, что самый популярный христианский образ в Тамил-Наду — это Шри Милай Матха, или Пресвятая Дева Милапорская. Ее многочисленные *мурти*, одетые и украшенные точно так же, как и изображения Дурги или Лакшми, можно встретить в каждом уголке Южной Индии. Единственное отличие от индуистских богинь — корона, напоминающая митру, используемую в христианстве восточных обрядов. Обычно Мария предстает перед своими преданными в сопровождении святого Антония Падуанского и, несомненно, являет собой классический «инкультурированный» образ, чем напоминает в этом отношении Пресвятую Деву Гвадалупскую, которая явилась крещеному индейцу Хуану Диего в XVI в. в Мексике на горе Тепейак, которая издревле служила местом культа богини Тонантин, которую многие местные жители отождествляют с Девой Марией.

История христианских паломников в Индии также насчитывает не одно столетие. Может показаться, что тот бум интереса к индийской культуре и философии, который мы переживаем в наши дни, — явление новое, однако уже в VI в. н. э. христианские общины Тамил-Наду принимали гостей из Европы, и первое имя, которое нам встречается в летописях, — это имя некоего Теодора, который поделился с потомками своим восхищением от собора святого Фомы. В 883 г. южноиндийских христиан посетили посланники английского короля Альфреда, а в 1292 г. — Марко Поло, который ос-

Дева Мария на лотосе («Сатчитананда ашрам»).

тавил множество записей, посвященных этой поездке. Таким образом, как мы видим, диалог между индуизмом и христианством — это не что-то, изобретенное в наши дни: предпосылки нынешних инкультурационных процессов вызревали столетиями. И все-таки в первой половине XX в. для двух французских священников, оказавшихся в одиночестве в чужой стране, начало пути христианской *санньясы* стало настоящим испытанием. У них было гораздо больше вопросов, чем ответов, поэтому первые шаги к основанию «Сатчитананда ашрама» были полны сомнений, проб и ошибок, прозрений и заблуждений.

АНРИ ЛЕ СО: «ХРИСТИАНСТВО И АДВАЙТА»

Возможно, теологи еще не нашли удовлетворительного теоретического решения проблемы религиозного плюра-

лизма, однако они больше не могут отрицать, что для того, чтобы быть действительно «католической», Церковь должна адаптироваться в доселе неведомой степени в человеческом обществе, в котором она хочет стать отражением Царства Божьего. Исключительно внешнее приспособление или заимствование некоторых элементов из различных сфер искусства и фольклора не приведет нас к цели, так же как и адаптация литургии и пасторских методов (хотя все это также заслуживает уважения). Процесс становления «католичности» должен повлиять на теологические размышления. Более того, он должен достичь внутреннего центра сердца, где, веруя, человек предвкушает реальность Божественного присутствия внутри себя, тот опыт, который сначала призывает к молчаливому изумлению, и на этом этапе исключает все возможные формулировки. Все это приведет к новому рождению Церкви, входящей в новое культурное или духовное окружение. Несомненно, что этот процесс «католицизации» предполагает радикальный переворот в принятом на Западе подходе к теологии и духовности, и некоторым может показаться, что он размывает сами основы христианского вероучения, но, отвергая его, мы ставим под сомнение вопрос о свободе Духа³⁷.

2. Индийский бенедиктинский ашрам

В конце 1949 г. Жюль Моншанен и Анри Ле Со начали поиск подходящего места для основания нового ашрама. В Древней Индии ашрамы, как правило, возникали спонтанно: некий святой человек обосновывался в том или ином месте, к нему начинали приходить ученики, некоторые из которых оставались с ним. Французские священники не хотели отступать от этого

³⁷ Фрагмент из книги Анри Ле Со «Сатчитананда — христианский подход к адвайтитическому опыту».

принципа, но нехватка времени и стремление принять *санньясу* в полном смысле этого слова не давали им возможности ждать подходящего случая. Обследовав окрестности Кулиттала, они нашли прекрасное место на берегу священной реки Кавери, неподалеку от исторической *вайшнавской* столицы Шри Рангам и в непосредственной близости от деревеньки Таннирпалли. Реки — объект особого почитания индийцев: большинство из них представляют то или иное божество, а их общей матерью считается супруга творца мира Брахмы, богиня мудрости Сарасвати (олицетворением которой также является река — священная Сарасвати). Несмотря на то что самая почитаемая река Индии — Ганга — протекает в северной части субконтинента, проистекая, по преданию, из вод Причинного Океана от стоп Вишну, тамилы гораздо с большим почтением относятся к своей святыне — реке Кавери, которую даже называют «Дакшина Гангой», «Гангой Юга». Индийцы верят, что река — воплощение дочери Брахмы по имени Лопамудра (или Вишнумаия), которая однажды решила появиться в этом мире в образе юной девушки, став дочерью мудреца по имени Кавера Муни. В те времена на земле жил великий *риши* по имени Агастья, который также давал свои наставления Раме во время его похода на Ланку. Агастья совершал аскезы вдалеке от людей, и однажды он попросил богов, чтобы у него был свой собственный неиссякающий источник воды, чтобы ему не приходилось отвлекаться от своих медитаций в поисках воды. Боги обратились к Кавери с предложением послужить мудрецу, и она с радостью согласилась, ведь ее служение такой великой личности могло принести освобождение ее престарелому отцу. Кавери приняла облик реки, вошла в *камандалу* (сосуд) Агастьи и стала его супругой. По мнению тамиллов, если омовение в Ганге очищает от всех грехов, то омовение в Кавери очищает саму Гангу, которая раз в год ос-

вобождается от тяжести людских проблем в ее водах. Деревня Таннирпалли, близ которой было решено построить *ашрам*, ничем не примечательна: несколько небольших деревенских храмов и уличных алтарей, лавки торговцев продуктами и разнообразными полезными мелочами и несколько десятков хижин. Большинство жителей можно назвать бедными, но, в то же время, нищие не скитаются по улицам, и у всех жителей деревни есть крыша над головой. Участок леса, на котором должен был расположиться *ашрам*, принадлежал одному из богатых прихожан отца Жюля: на нем в те времена находилась манговая роща и заросли других деревьев. Этот прихожанин считался благочестивым человеком и добрым христианином, он и передал землю в дар бенедиктинцам, которые восприняли это как знак Провидения, даровавшего свое благословение на их предприятие. Священники назвали место «Лесом Мира», что на санскрите звучит как «Шантиванам», а сам *ашрам* получил имя *Сатчитананды*, Пресвятой Троицы. *Сат*, *чит* и *ананда* — это три присущие характеристики *Брахмана* (Божественного Начала) в философии веданты, а именно: вечность (или бытие — *сат*), знание (или сознание — *чит*) и блаженство (*ананда*). Отец Анри с самого начала считал идею *Сатчитананды* пророческим предвосхищением Тайны Троицы, и эта идея стала краеугольным камнем философии отцов Шантиванама и главной точкой соприкосновения христианства и индуизма в их понимании: Вечный Отец (*Сат*) являет Себя в Слове (*Чит*), которое возвращается к Нему в виде трансцендентного блаженства Духа (*Ананда*). Кроме того, Отец — это собственно Вечный сверхличностный и непостижимый Бог, находящийся за пределами этого мира и нашего чувственного восприятия (*Ниргуна Брахман*); Он является в этот мир в образе Слова (*Сагуна Брахман*, *Пуруша*) и именно через Слово творит Вселенную, а затем входит в каждый атом Тво-

Придорожный указатель «Сатчитананда ашрама».

рения как Святой Дух (Сверхдуша, *Параматман*), оживляя и приводя Вселенную в движение.

К марту 1950 г. на территории Шантиванама были построены две небольшие хижины со стенами из бамбука и крышами из листьев кокосовой пальмы. Полы хижин были сделаны из кирпича, что позволяло использовать их в качестве кровати, а также работать, сидя на них. К одной из хижин была пристроена веранда, на которой монахи проводили богослужения, а также хранили книги. Даже такой простой быт казался роскошным по сравнению с бытом многих индийских *санньяси*, у которых даже не было крыши над головой, о чем не раз сожалел Анри Ле Со, однако европейский здравый смысл не позволил ему отказаться от этих простых «удобств», так необходимых для работы. 21 марта Католическая Церковь вспоминает в литургии святого Бенедикта, и именно этот день показался отцам-бенедиктинцам наиболее удачным для официальной цере-

монии открытия «Сатчитананда ашрама». На праздник были приглашены бывшие прихожане отца Моншанена из Кулитталая и жители деревни Таннирпалли (что впоследствии также стало традицией *ашрама*). Жюль Моншанен и Анри Ле Со облачились в одежды шафранного цвета, в одежды *санньяси*, и надели на шею деревянные кресты с вырезанной в центре *пранавой*, священной *ОМ-карой*, символизирующей изначально Слово, Логос (позднее к этому символу «Сатчитананда ашрама» добавилась надпись «*Ом Сатчитанандайя Наммах*»³⁸). Этот день, праздник святого Бенедикта, день основания «Сатчитананда ашрама», можно считать также и днем *санньяса-дикши*, инициации в *санньясу*, которую получили бенедиктинцы. Строго говоря, в индуизме *санньяси* можно стать двумя путями: получив посвящение (*санньяса-дикшу*) от *гуру* либо начав вести отреченный образ жизни, в результате которого постепенно окружающие (и особенно другие *садху*) признают «кандидата» истинным *санньяси*. Единственным *Сатгуру* монахов-бенедиктинцев был Иисус Христос, и они принесли свои обеты *санньясы* именно Ему, призвав в свидетели собравшихся гостей. Монашеским именем Жюля Моншанена стало имя «Свами Парам Аруби Ананда» («Блаженство Существа, не Имеющего Формы»), а Анри Ле Со стал «Свами Абхишиктешваранандой» («Блаженство Помазанного Господа»), хотя впоследствии ему пришлось сократить его до «Абхишиктананды» ввиду сложности в произношении.

Теперь было необходимо каким-то образом упорядочить духовную практику *ашрама*. Абхишиктананда усердно занимался тамильским языком, учился принципам *раджа-йоги* и разучивал санскритские *мантры* и технику их рецитации вместе с индуистским *свами*. В отличие от Моншанена, который редко использовал новое санскритское имя, Ле Со просил называть себя «Свами

³⁸ «Ом я поклоняюсь Сатчитананде» (*санскр.*).

Абхишиктанандой», а наиболее близкие к нему люди называли его просто «Свамиджи» или «Абхишикта». Христианские Свами проводили богослужения по часам, в соответствии с требованиями Ордена, однако Абхишиктананда сомневался в действенности и адекватности выбора традиционных библейских псалмов, связанных с историей еврейского народа: он отдавал предпочтение индийским гимнам, основанным на Ведах и Упанишадах. Бóльшая часть литургического действия осуществлялась на тамильском и санскрите, с небольшими англоязычными вкраплениями и латинскими цитатами. Свами позаимствовали из индуизма церемонию огней — *арати*, что казалось тогда немыслимым в католическом мире и было признано Епископальной Конференцией Индии лишь спустя многие годы, в бытность Беды Гриффитса настоятелем *ашрама*.

«Вы, должно быть, видели храмы, сверкающие вечерними огнями, даже самые маленькие из них. Толпы людей спешат туда, совершают поклоны, когда священник зажигает огонь на подносе и возносит его к Божеству, делая в воздухе плавные движения во время обряда. Затем священник выходит к людям, каждый из которых дотрагивается руками до огня, и дотрагивается ими до лица, возлагая с большой преданностью на свой лоб золу. Но поймут ли это христиане?»³⁹

Дабы развеять опасения сомневающихся консервативных христиан, а также для самих себя определить цели и задачи «Сатчитананда ашрама», Жюль Моншанен и Анри Ле Со подготовили брошюру под названием «Индийский бенедиктинский ашрам»⁴⁰, предисловие к которой написал сам епископ Мендоса, который оказывал поддержку начинаниям Ле Со и Моншанена,

³⁹ Сатсанг со Свами Абхишиктанандой.

⁴⁰ В английской версии «An Indian Benedictine Ashram», во французской «Les Eremites du Saccidananda».

однако отказался от приглашения освятить монастырский храм в 1951 г. (надо помнить, что оставалось еще более 10 лет до II Ватиканского Собора, который на официальном уровне легализовал начинания монахов, и подобные действия могли привести не только к критике со стороны церковной бюрократии, но даже и к лишению сана священника). И все-таки роль епископа в истории «Сатчитананда ашрама» нельзя недооценивать: именно он дал Абхишиктананде официальное разрешение на посещение индуистских храмов и монастырей и весьма снисходительно относился к революционному для тогдашнего католицизма образу жизни, который они с Моншаненом вели. 11 октября 1951 г. храм был наконец построен: он представлял собой большую веранду с алтарем индуистского типа, на котором располагалась дарохранительница самой простой формы (и Ле Со и Моншанен были противниками всяческих излишеств, и резко отвергли идею епископа сделать алтарное помещение более величественным и придать ему вид, приличествующий христианской церкви). К 1952 г. строительные работы были завершены, и *ашрам* начал полноценно функционировать. Даже сегодня условия жизни его монахов весьма просты, а в те времена все было еще более аскетично: спать предполагалось на полу, а мыться в реке, как это делали все местные жители. Вот что писал Свами Абхишиктананда отцу Лемарье в феврале 1952 г.:

«Наша часовня представляет собой небольшой куб, всего несколько квадратных футов площадью, простой формы, принятой в индуизме. Алтарь — простой каменный стол на двух простых столбах. Дарохранительница — камень. Две кельи под деревьями, сплетенные из бамбука и лиан с цементным полом. Двухлетний опыт показал, что эти хижины примитивны и нуждаются в постоянном ремонте, а значит, в средствах и постоянных заботах. В на-

стоящий момент я строю кухню из кирпича и черепицы. Ванная: река. Ни столов, ни стульев, ни кроватей. Одежда — оранжевая хлопковая ткань вокруг талии и еще одна на плечах — когда мы выходим на улицу, надеваем тунику того же цвета, чтобы не вызывать подозрений. Ходим босиком, с большими четками вокруг шеи, наподобие тех, что носят индуистские монахи, с деревянным крестом на конце. Внешне мы напоминаем индуистских монахов»⁴¹.

Нельзя не упомянуть, что два француза, облаченные в одеяния *кави* и носившие на груди *ОМ-кару*, вовсе не казались встречавшим их людям христианами: в первые месяцы существования «Сатчитананда ашрама» с ними произошло много курьезных событий, например во время посещения Колледжа в Тиручираппалли, который принадлежал местной общине иезуитов, их посчитали язычниками и попросили во время обеда сесть отдельно от остальных. В другой раз служители соседнего монастыря отказались им продать хлеб для причастия, а сестры-монахини, по их признанию, смотрели на них так, будто перед ними предстал сам дьявол в человеческом обличье. Несмотря на скрупулезное изучение тамильской культуры, *Свами* иногда посещали сомнения в том, насколько правильно и точно они следуют традициям индуистской *санньясы*: не слишком ли «роскошны» условия их жизни. Встреча с индуистским *брахманом* *Свами* Кайвальянандой Сарасвати развеяла все сомнения Абхишиктананды, поскольку последний нашел их образ жизни даже чрезмерно аскетичным и стал регулярно навещать к христианским братьям. Ле Со вспоминал позже, что как-то Кайвальянанда отметил, что Абхишиктананда и Парам Аруби Ананда не родятся вновь (что в терминах индуизма означает, что они достигнут Просветления).

⁴¹ Письмо Анри Ле Со отцу Лемарье от 10 февраля 1952 г.

Главный храм «Сатчитананда Ашрама».

Одновременно с окончанием работ по строительству монастырского храма в Шантиванаме Абхишиктананду посетило чувство неудовлетворенности, недостаточности опыта, который он мог получить, ведя аскетическую жизнь в *ашраме*. Ощущение тоски и осознание того, что Индия все еще хранит свои тайны за семью печатями, не давая *Свами* возможности заглянуть в них глубже, заставили Абхишиктананду снова обратить свои взоры к священной горе Аруначале. Гнетущая идея того, что два *Свами* не созданы для совместной жизни в *ашраме*: Моншанен был, прежде всего, интеллектуалом, чей живой аналитический ум не давал ему погрузиться в мистическую тайну мироздания (он и сам говорил, что ему присущи скорее черты греческого философа, чем индийского мистика), а Ле Со уже вкусил нектар недвойственного единства у стоп Раманы Махарши и не мог вернуться к европейскому мироощущению. Иногда он задавался вопросом: по-преж-

нему ли он француз, или уже превратился в индийца, преемника наследия древних *риши*. Иногда Абхишиктананда чувствовал, что эти «две любви» — к Франции и к Индии — находятся в конфликте друг с другом, а во все не в гармонии, и совершенно не представлял себе, как объединить в одной человеческой душе две великие духовные традиции. Отношения с отцом Жюлем стали ухудшаться: они старались реже видеться и больше времени посвящать уединенной медитации, и так продолжалось до тех пор, пока Абхишиктананда наконец не принял решение вновь отправиться в Тируваннамалай, к подножию священной горы.

АНРИ ЛЕ СО: «САННЬЯСА»⁴²

...Санньяса встает на нашем пути как знак, который на самом деле находится за пределами всех знаков в своей абсолютной прозрачности и который провозглашает свою собственную смерть в качестве знака. Таким образом, он передается из поколения в поколение как доминирующая традиция отречения в Индии. Она появляется перед теми, чье сердце и ум поглощены призыванием санньясы и теми, кому Дух открыл вспышку бесконечного пространства внутри сердца.

И все-таки санньяси живет в мире знаков, в мире проявлений божественного, и этот мир проявлений нуждается в нем, «находящемся за пределами знаков», чтобы осознать невозможную возможность построить мост между двумя мирами; Кеши владеет двумя мирами, разделяя их, и, тем не менее, становится путем, которым человек достигает мира Брахмы («Чхандогья Упанишада», 8.4.1; «Брихадараньяка Упанишада», 4.4.22).

Эти аскеты, которые уходят от мира и не заботятся ни о чем, как раз и являются теми, кто поддержива-

⁴² Фрагмент из книги Анри Ле Со «Будущий берег».

ет этот мир. Они подобны ведической стамбхе (колонне), которая поддерживает равновесие во Вселенной («Атхарва-Веда» 10.7 и 8). Символами их отречения становятся яджни и хомы, совершаемые священниками. В них изначальное жертвоприношение Пуруши в полной мере реализует Высшую Реальность Духа. Из их внутреннего огня Агни проявляется в их аскетизме (тапас) и зажигаются все жертвенные огни.

Что касается санньяси, то не важно, известны они или неизвестны. Они идут тайным путем. Нет никакого внешнего признака, по которому их можно было бы идентифицировать, они именуются алинга (т.е. «не имеющие видимых символов»), авьякта кара (авьякта — «не проявленный», кара — «путь»). Но общество должно знать их. Оно должно осознать, что они присутствуют, чтобы иметь напоминание о трансцендентном среди изменяющегося мира.

По этой причине, несмотря на риск деградации всего того, что человечество превращает в институт, общество все-таки должно оставить место для монашества и публичного признания состояния отшельничества. Кроме того, обычно именно через институт монашества Дух раскрывает себя, заставляя услышать свой голос того, кого он избирает, а затем, зачастую безжалостно, выталкивает его за пределы всех знаковых систем. Санньяса-дикшу невозможно сделать обязательной, но в ней уже нельзя отказывать тем, кто искренне просит ее, не ради получения престижа от особого социального статуса, а чтобы посвятить всего себя исследованию Брахмана, «посвящая себя Брахману, утверждаясь в Брахмане, в поиске Высшего Брахмана» («Прасна Упанишада»), или, как бы сказал св. Бенедикт, поиску Бога (quaerere Deum).

Было бы, конечно, неверно рассматривать санньяса-дикшу как пустой знак без реального содержания. Ее богатое содержание делает ее скорее символом, чем знаком (учитывая широко принятые определения различий в со-

временной мысли, согласно которым христианские Таинства становятся символами). На самом деле санньяса-дикша содержит в себе всю конкретику символа, которая глубоко укоренена в источнике самого существа — настолько глубоко, что в некотором смысле она содержит в самой себе саму Реальность, на которую указывает.

Знак санньясы, так же, как и дикши, находится как раз на рубеже, на непостижимом рубеже между двумя мирами — миром проявленного и миром непроявленного Абсолюта. Это Таинство священного, живущего в состоянии наиболее возможной неполноценности, это мощный способ благодати — благодати, которая есть не что иное, как присутствие Абсолюта, Вечного, Нерожденного, сущего в сердце царства существующего, времени, смерти и жизни; и эта благодать в то же самое время представляет собой непреодолимое стремление всей Вселенной во всей ее полноте к пробуждению в Абсолюте, в Атмане. Этот знак, эта благодать есть в высшей степени тарана, переправа, по которой человек переходит на другой берег («для тех, кто хочет перейти на берег, где нет страха», на запредельный берег («Катха Упанишад», I,3.2)). В конце концов, это сам тарака, тот, кто переводит человека на другой берег, единственный Перевозчик, проявляющийся различными способами через риши, махатм, гуру и будд, которые на протяжении веков пробуждались сами и пробуждали своих братьев-людей.

Хотя истина заключается в том, что монастырская жизнь трансцендентна по отношению к любой дхарме, это естественно, что обряды и инициация, которые обозначают официальное вступление в монашескую жизнь, производятся в соответствии с конкретными религиозными традициями, в которых человек родился и духовно рос. Пока мы остаемся на уровне знаков, наилучшими знаками для нас являются те, среди которых мы рождаемся как люди, как люди, преданные Богу, даже если впоследствии эти знаки будут нуждаться в очищении и ос-

вобождении от их ограничений и особенностей. Однако в индуистской санньясе есть нечто мощное, некий пылающий вкус Абсолюта, так непреодолимо манящий тех, кто открыл внутри себя эту Невыразимую Тайну, о которой настойчиво свидетельствуют Упанишады. И не важно, какую религию, дхарму, они исповедуют — у них есть сильное желание стать частью великой индийской традиции санньясы. Через знак вамши, связывающий их с древними риши, они надеются открыть единого Наблюдателя, Экарси, который покоится в глубине их сердец.

Для начала рассмотрим случай с христианскими монахами, которые уже обусловлены и освобождены своим религиозным исповеданием. Когда они встречаются со своими индийскими братьями-монахами и познают бескомпромиссный идеал санньясы, они чувствуют в самих себе непреодолимое призвание к внутреннему более, чем к внешнему, и у них уже не остается времени на размышления. Они чувствуют естественное стремление брать пример с индийских санньяси и начать соблюдать хотя бы самые основные из их традиций — бедности, воздержания, абхиямы (бесстрашия) и т. д. Даже более того, они отдаются этой свободе, навешанной в их сердцах Духом. В этом случае получение новой дикши было бы бессмысленным, поскольку в полном предании себя согласно их первоначальному вероисповеданию — «suscipe...» — главное посвящение уже было дано. Это случай, который можно сравнить с Парамахамсой, который, видя полный свет, сияющий внутри него, переходит естественным образом, оставив размышления, в состояние туриятита или авадхута. Есть также те, кто приезжает в Индию, не имея предварительного монашеского опыта, или даже религиозных взглядов, и когда здесь они пробуждаются, слушая Писания, или, еще чаще, в результате прямого контакта с гуру, в котором они находят пылающий огонь, сжигающий все их желания и предыдущие устремления. Затем, вне зависимости от того, собирались ли

они остаться в Индии, и получили ли такое разрешение, или им необходимо вернуться в их родную страну, они часто мечтают принести обеты индийским способом и пытаются получить разрешение на это для того, чтобы официально отделиться от общества и провести свою жизнь в недвойственном сосредоточении на внутренней Тайне. («Нарада Паривраджака Упанишада», 5.1)

В связи с этим возникает проблема: хотя санньяса-дикша является завершением всех обрядов и окончательным переходом за пределы мира знаков, фактом остается то, что дикша так тесно связана с индуистским культом, что она может не иметь смысла для тех, кто не принадлежит к индуистской дхарме. Для индуиста инициация в санньясу связана с рядом обрядов, которые соответствуют различным этапам жизни двиджьби (дваждырожденного), от его зачатия до погребального костра. В реальности это посвящение представляет собой предвестие погребальной агнихотры («Чхандогья Упанишада», 5.4–9). Таким образом, санньяса-дикша обычно сопровождается обрядами, символизирующими конец всех обрядов: кандидат повторяет «Гаятри мантру» по тысяче раз в обеих сандхьях, предваряющих инициацию.

Кроме того, как минимум в случае с карма-санньяси, церемонию завершает гуру, возлагающий на ученика атрибуты санньясы, а именно данду, каупину и одеяние кави. Эти символы вряд ли будут понятны за пределами конкретного социокультурного контекста Индии, и их передача от имени гуру имеет мало значения для санньяси неиндийца, которому придется жить за пределами Индии, вне зависимости от богатого значения этой церемонии.

Возможно, кто-то мечтает о том, чтобы санньяса использовала знаки общечеловеческого значения — как в отношении обряда, так и в отношении внешнего вида санньяси. Однако все знаки по определению будут принадлежать к конкретной культуре и среде. Снова и снова мы сталкиваемся с парадоксом (или даже противоре-

чием) в сердце санньясы: с одной стороны, санньяса не принадлежит этому миру (алока), а с другой — присутствует во всех мирах (сарвалока), это знак, находящийся за пределами всех знаков. Неизбежно нам приходится вернуться назад, к изначальному значению санньясы, описанному в древних текстах, как «не имеющая знаков» (алинга) и не имеющая правил (анияма).

Амбивалентность санньясы заключается в том, что в высшей стадии, когда происходит отказ от всех правил и внешних знаков, она становится неотличной от спонтанного внутреннего отречения Пробудившегося человека. Нет ничего такого, что могло бы служить обозначением санньясы. Он может бродить по миру, может прятаться в пещерах и джунглях, но также может жить среди множества людей, даже трудясь в этом мире, при этом, не теряя своего одиночества. Нечуткий человек никогда его не обнаружит, только эвамид (тот, кто знает) может узнать его, поскольку он также обитает в глубинах истинного «Я». Однако тот, кто хотя бы немного пробужден, не может не испытать его сияния — вкус, прикосновение, сияние — то, что могут постичь внутренние чувства, — и этот опыт оставляет поистине удивительное впечатление.

Если невозможно найти универсальный символ санньясы и если социальное окружение требует избавиться ее от всех символов, есть ли необходимость сохранять ту или иную форму внешнего посвящения, особенно учитывая то, что с точки зрения истинной сущности санньясы процедура инициации вообще очень спорна? Санньясы всегда будет помнить, что его основная обязанность — молчание, уединение, медитация (дхьяна) (см. «Нарада Паривраджака Упанишада», 4.17, 18: «Останемся в уединенном месте, подходящем для медитации»), и он никогда не сможет отказаться от этого. [...]

Санньяса может быть дана только тогда, когда гуру уверен, что ученик обладает истинным видением, что

он — эвамидван и обладает физической, ментальной и духовной силой оставаться верным фундаментальным требованиям аскетической жизни при любых условиях. Как правило, он должен получить подтверждение качеств ученика, не только живя в компании с гуру (анте-васин), но и в одиночестве и странствиях (паривраджа-ка), и более того, в случае с западными людьми, подтверждение практики акосмической жизни в обществе, которое отвергает такой акосмизм. Считается, что дикша обязывает его провести определенный период жизни в странствиях и жизни на подаяние (бхикачарья), и такая жизнь должна продолжаться как можно дольше. Кандидат должен отказаться от имущества, и если это невозможно с юридической точки зрения, он должен осознать, что более не имеет права собственности на что бы то ни было и должен быть готов отправиться в путь, взяв с собой что-то или оставив все, в зависимости от обстоятельств. Только тогда гуру сможет засвидетельствовать перед небесами и землей окончательное предание себя кандидатом.

Дни, предшествующие дикше, проходят в уединении — тишине, медитации, чтении соответствующих книг — либо в полном одиночестве, либо в обществе гуру. Непосредственно перед посвящением Писания предписывают провести день в посте, а ночь в молитвах. Эта ночь пройдет в молчаливой медитации с возможным чтением тех текстов «Упанишад», которые наиболее точно сформируют духовный опыт кандидата (например, текст «Санньяса Упанишад», наиболее важные отрывки из которой уже были рассмотрены, также тексты об отречении из «Брихадараньяка Упанишад» (3.5, 4.4.22) и «Мундака Упанишад» (1.2), тексты, посвященные отказу от желаний («Брихадараньяка Упанишад», 4.4.6) и об уходе Яджнявалкии в «Брихадараньяка Упанишад», 4.5, 7-ю главу «Чхандогья Упанишад» и ее акцент на Брахмане, [...], первые три главы «Катха Упанишад», где говорится, что

кандидат это не кто иной, как молодой Начикета, который заставил Смерть раскрыть свой секрет и который открыл себя в себе за пределами рождения и смерти).

Хомы и шраддхи, которые проводятся в эту ночь во время обряда двиджи, не являются необходимыми, если кандидат не принадлежит к индуистской традиции и не имеет священного шнура. Ему также не нужно повторять «Гаятри», высшей мантры, которая до сих пор была необходимым элементом жизни брахмана (брахманачари). [...]

Когда все приготовления завершены, остается совершить лишь сам обряд дикши, удивительно простой в своем символизме. Почти все знаки уже осуществлены, остается лишь последний знак, который поднимает избранного над всем к решающему открытию самого себя. Вся благодать достигнет своего апогея в этом определяющем даре благодати, находящемся в единственной и недвойственной Тайне самой благодати, как она есть. Обряд станет высшим символом похода за пределы себя к истинному «Я», и только тогда появится возможность действительно в Истине сказать: «ахам брахмасми» («я есть Брахман»). Теперь вся жизнь кандидата подходит к своему финалу, и его дух, сбросивший оковы рабства, погружается в свет бесконечности истинного «Я», как это отображено в мантре «Чхандогья Упанишады», которую он вскоре прочтет. Точно так же сказал Иисус вечером, накануне Своего ухода: «Час пришел, Я иду к Отцу». Гुरु и ученик идут на берег реки — по возможности на берег Ганги, которая на протяжении веков была свидетельницей подобных инициаций, проходивших на берегу или в праягах (местах слияния). Внизу находится вода Ганги, вверху на небе — огонь восходящего солнца, Агни — два священных элемента, которым совершается приношение всего, что следует освятить. Прежде всего, они поют гимн Дакшинамурти, Высшему Гुरु. И в данном случае не только человек дает посвящение. Для ученика, в ко-

тором горит лишь Внутренний Свет, этот человек всего лишь сиюминутное проявление единственного Гуру, Который проявляется в каждом месте и во всякое время, когда сердце внутри раскрыто. «ОМ! Приветствие всем гуру! ОМ! Приветствие Единому Гуру». Все гуру присутствуют здесь, все Просветленные, Единый Просветленный — потому что есть всего одно Просветление и всего Один Просветленный. Кандидат входит в воду по запястья. Он делает глоток (акамана) святой воды, чтобы очистить рот для принесения великого обета. Затем, обратившись к востоку, он вслед за гуру повторяет формулу клятвы, которая отражает в основном не намерение на будущее, а то, что уже является истиной в глубине души и превосходит прошлое и будущее: «Ом бхур бхува сува санньястам майя» («Я отрекаюсь от всех миров» — от земли, от так называемых небес, от всевозможных миров, находящихся между ними, от всех лок, всех мест, в которых я мог бы отдохнуть и почувствовать себя в безопасности (пратиштха), как в материальной, так и в ментальной сфере, в сфере человеческого общения или даже в так называемой духовной сфере. Мое поклонение, мое полное посвящение (упасана) единственному «Я», Брахману, Которым я являюсь. Я поднялся над всеми желаниями — над желанием продолжения рода, над желанием копить богатства, над желанием попасть в ту или иную локу. «Пусть ни одно создание не боится меня, поскольку все происходит из меня». («Нарада Паривраджакка Упанишада», 4—38)).

Новопосвященный санньяси погружается в воду, а затем гуру поднимает его как Пурушу в «Айтарейя Упанишаде»: «Восстань, о Человек! Восстань, пробудись, о ты, снискавший благодать, бодрствуй!» («Катха Упанишада», 3.14).

Оба они обращаются к восходящему солнцу и поют гимн Пуруше из «Уттара-Нарайяны»: «Я знаю Его, Высшего Пурушу, облаченного в солнечный свет, находящегоо-

ся выше всякой тьмы; только познав Его, можно победить смерть, нет иного пути!» («В. Самхита» 31.18).

Затем они декламируют священную мантру из «Чхандогья Упанишады», которая четко резюмирует произошедшее таинство: «В состоянии полного спокойствия Он восстал из своего тела, достиг Высшего Света и проявил Свою истинную форму; Он — Высший Пуруша, Он — Атман, Он — Брахман, Он — все сущее, Он есть Истина, Он пребывает выше страха, выше смерти, Он — нерожденный. И я сам есть Он» («Чхандогья Упанишада» 8,3,4; 8.12.3).

Затем новый санньяси собирает все свои одежды и выбрасывает их в поток воды. Гуру зовет его на берег и принимает его в свои руки, обнаженного, как в момент, когда он выходил из чрева своей матери. Он покрывает его одеянием санньяси, имеющим цвет огня, цвет пламени Пуруши, золотой цвет Хамсы («Брихадараньяка Упанишада», 4.3.11). Все сгорело — он новый человек, или, скорее, единственный Человек, единственный Пуруша, единственный Дух, Которого не может более скрыть никакое одеяние, кроме покрова огня, пожирающего все остальные одежды, навязанные, чтобы скрыть обнаженность изначального Пуруши, недвойственного Духа. Гуру просит его сесть перед ним и дает последние наставления. Он напоминает ему о единственности Атмана и о полной свободе в отношении всех существ; о том, что он полностью свободен от всех обязанностей перед кем бы то ни было, кроме единого Духа; о том, что его единственным долгом теперь является сосредоточение на его истинном Я, на внутренней Тайне, которая есть недвойственный Брахман, причем его уста должны непрестанно повторять священный слог ОМ с каждым вдохом и с каждым ударом сердца. Гуру встает позади санньяси и со всей силой внутреннего пробуждения передает из уст в уши, а главное, из сердца в сердце, ОМ и махавакьи. Он произносит: «ОМ! Брахма есть сознание» («Айтарейя

Упанишада» 5.3), а ученик повторяет эту фразу вслед за ним. «ОМ! Это Я есть Брахма» («Мандукья Упанишада», 2), и вновь ученик повторяет это за ним. Когда гуру доходит до того, что именуется мантрой инициации, «Упадедеша-Мантрой» из «Чхандогья Упанишады» (6.8.7): «ОМ! Ты есть То», ученик отвечает основной мантрой из «Брихадараньяка Упанишады» (1.4.10), которая спонтанно рождается в глубинах его Я: «ОМ! Я есть Брахма! ОМ! Ахам асми ОМ! Ахам ОМ!» Теперь финальный символ пройден и приходит время для последнего перехода туда, откуда невозможно вернуться. У гуру больше не будет возможности отозвать ученика.

«Иди, сын мой, в свободе Духа, через бесконечное пространство сердца; иди к Источнику, иди к Отцу, иди к Нерожденному, поскольку ты сам не рожден (аджата), к Брахма-Локе, которую ты обрел и откуда нет возврата» (на основе «Чхандогья Упанишады», 8). Санньяси немедленно встает на путь истинного «Я», на «древний узкий путь» («Брихадараньяка Упанишада», 4.4.8).

В этом мире, за пределами этого мира, провидец того, что находится за пределами восприятия, идет тайно, скрытно, неузнанный, опьяненный сумасшествием тех, кто знает, свободный в свободе Духа, наполненный изначальным блаженством, утвердившийся в таинстве недвойственности, свободный от чувства различия, с сердцем, переполненным опытом истинного «Я», полностью и вечно пробужденный.

3. Игра Аруначалы

Весной 1952 г. Свами Абхишиктананда обосновался в пещере Ванатти на Аруначале. С самого начала он чувствовал, что эта гора — не простое нагромождение камней и что индийцы почитают ее неспроста: казалось, от нее самой, из ее глубоких недр, исходит некая

непостижимая таинственная сила, энергия, сродни той, что создала, поддерживает, и однажды разрушит миры. Тамилы считают, что Аруначала — это воплощение Шивы, третьего лица Божественной Триады — Тримурти, в которой Брахма создает мир, Вишну поддерживает его, а Шива разрушает и созидает вновь. Танцующий Шива (Натараджа) позже станет для Абхишиктананды и его учеников символом воскресшего Христа, разрушившего и воссоздавшего свое собственное тело, но пока другая форма этого древнего божества — Шива-Аруначала — была призвана разрушить умственные концепции Абхишиктананды и воссоздать в нем нового человека, осознавшего единство бытия и свою истинную суть. Почти все время своего пребывания в пещере *Свами* посвящал молитвам и медитациям, не забывая ежедневно проводить свою обязательную мессу с освящением Святых Даров. Молясь, он обращался к городу, лежащему у подножия горы, как бы благословляя его, а медитируя, как бы внимал голосу, который исходил из глубин горы:

*«В молчании ты учишь меня молчанию, о Аруначала,
Никогда не прерывающая своего молчания,
Да не будет напрасным мое пребывание в твоей пещере,
Да не останется ни капли от меня и моего...
Одна и без второго, ты есть адвайта.
Ты сияешь в форме истинного "Я",
Ты есть Я...
Иисус — Брахман!»*⁴³

Некоторые из размышлений Абхишиктананды оканчивались экстатическими прозрениями, во время одного из которых *Свами* принял решение стать истинным индуистско-христианским *санньяси* и, при необходимости, отправиться просить подаяние, путешествуя

⁴³ Анри Ле Со, «Духовный дневник», 6 апреля 1952 г.

пешком от города к городу. Ему показалось, что он понял, что чувствует человек, достигший просветления:

«Тот, кто достиг сатори, тот, кто стал просветленной личностью, продолжает видеть, что трава зеленая, а небо голубое, считать рис пищей, одежду одеждой, а поезд транспортным средством. От чего он освободился, так это отношение к своему эго, которое до момента освобождения он проецировал на все эти предметы. Теперь он видит вещи в самих себе, а не в связи со своим эго. Близкие люди не становятся менее любимыми, но больше нет ни малейшей привязанности, ни малейшего обращения к своему эго»⁴⁴.

После трехнедельной медитации в Ванатти Свами пришлось перейти в другую пещеру под названием Арутпал Тиртхам, поскольку неподалеку от его прежнего местопребывания развернулась городская стройка, звуки которой мешали ему спокойно медитировать. На новом месте Абхишиктананда погрузился в еще более глубокое созерцание и даже отказывался разговаривать с посетителями, которые изредка посещали его убежище. Местные жители приняли его за *мунивара*, отшельника, давшего обет молчания, и всякий раз, когда видели его, простирались перед ним ниц, оказывая особые знаки почтения. Единственный человек, с которым Свами действительно подружился, был священник местного храма по имени Аруначала Гуруккал, благодаря которому Абхишиктананде удавалось беспрепятственно посещать богослужения в храме Господа Аруначалы («Аннамайяр Койл»). С Гуруккалом произошла интересная и таинственная история, которую можно назвать чудом Аруначалы: однажды Абхишиктананде пришлось срочно вернуться в Шантиванам, и он очень переживал, что ему не удастся попрощаться с Гуруккалом. Но делать было нечего, пришлось уходить,

⁴⁴ Анри Ле Со, «Духовный дневник», 19 июля 1952 г.

не увидевшись в последний раз. Вдруг *Свами* увидел перед собой Гуруккала. Он очень удивился, но Гуруккал рассказал следующую историю:

«Я спал в одной из мандап (архитектурная деталь) храма, когда Вы пришли ко мне и дотронулись до меня. Я немедленно вскочил, побежал домой, совершил омовение и, да-же не поев, поднялся сюда к Вам... Несомненно, это лила Господа Аруначалы»⁴⁵.

По всей вероятности, именно под влиянием своего опыта на горе Аруначала *Свами Абхишиктананда* начал работу над небольшой книжкой «Гухантара», название которой переводится как «тот, кто пребывает в глубине пещеры» и представляет собой не что иное, как псевдоним проведшего долгое время в пещере *Свами*. В то же время, за этим названием скрывалась и более глубокая мысль: именно в пещере сердца пребывает истинное «Я», неотличное от Высшего Существа, и опыт его осознания и есть просветление, которое в разных культурах называется по-разному: *сатори*, Святой Грааль, *нирвана*. В 1953 г. *Абхишиктананда* переслал рукопись отцу Лемарье в Париж, чтобы тот выпустил ее как приложение к «конституции» *ашрама*, о которой писалось выше (речь идет о книге «Индийский бенедиктинский ашрам»). По существовавшим тогда правилам все произведения католических авторов проходили через руки церковной цензуры, и, к сожалению, парижские бюрократы от Церкви запретили издание брошюры в таком качестве, найдя «ереси» на каждой странице. Какова же была реакция Моншанена и Ле Со на ответ из Франции? Удивительно, но священники не только не расстроились, но, по их собственному признанию, громко рассмеялись, в очередной раз убедившись, насколько далеки церковные чиновники от реальной жизни Всемирной Церкви, коей является

⁴⁵ Анри Ле Со, «Секрет Аруначалы».

Церковь католическая. Для самого Абхишиктананды его внутренний опыт на тот момент оказался гораздо важнее даже мнения Ватикана, если бы таковое было получено.

Космический Крест на дверях одного из зданий
«Сатчитананда ашрама».

АНРИ ЛЕ СО: «РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЗВУКЕ ОМ»

*ОМ, который наши риши слушали в душе,
Нисходя в глубины самих себя,
Глубже своих мыслей
И глубже всех своих желаний,
В экзистенциональном одиночестве Бытия.
ОМ, звучащий в шелесте листьев,
Подхваченных ветром,
ОМ, гудящий в гуле шторма
И поющий в ласковом бризе,
ОМ, гремящий в бурном потоке,*

*И в нежном ворковании реки,
Плавню несущей свои воды к морю,
ОМ, вырывающийся и устремляющийся вперед,
ОМ, звучащий в сердце,
Поющий в песнях птиц,
Звучащий в призывном реве хищников в джунглях,
ОМ в смехе людей и в их вздохах,
ОМ, вибрирующий в их мыслях
И во всех их желаниях,
ОМ в их военных слухах,
В их любви и торговле,
ОМ в течении Времени и Истории,
ОМ пространства, пресуществляющегося во Время,
ОМ неожиданного взрыва, всеохватного и полного,
В конкретном месте Вселенной и в определенный
момент времени,
В его неразделенной полноте,
Когда во чреве Марии был зачат Сын Человеческий,
Слово, Сын Божий!*

4. Джая, Гурудэва!

Покинув склоны священной Аруначалы, Абхишиктананда, казалось, превратился в другого человека: внешне в нем трудно было узнать не только католического священника, но даже и обычного христианина. Медитативный опыт привел его к практически полному осознанию недвойственности бытия, и он совершенно не понимал, как увязать эти новые ощущения с христианской верой, которая в традиционном ее варианте учила, прежде всего, видению вещей в двойственном свете: добро и зло, Бог и Дьявол, рай и ад. Конечно, в философской перспективе многие святые и теологи приводили к идее недвойственности (например, святой Фома Аквинский, философия которого — то-

мизм — до сих пор считается официальной идеологией Рима в несколько видоизмененной форме, писал, что «*все люди суть Один Человек*» («Summa Teologica» 81.1⁴⁶)), однако практический опыт осознания такой целостности имели лишь единицы западных мистиков. В какой-то момент *Свами* ощутил острую необходимость в ком-то, кто направил бы его, подсказал ему, куда двигаться дальше. Эта необходимость в духовном учителе, в *гуру*, многократно отмечается в священных писаниях Индии — само слово «Упанишады» указывает на то, что кто-то говорит, а кто-то сидит рядом и слушает. Вся система обучения духовной науке была связана с наставничеством, начинавшимся зачастую в раннем детстве. *Гуру* считался представителем Бога и почитался наравне с отцом и матерью. В «Бхагавадгите» Кришна советует:

«Получай трансцендентное знание от осознавшей себя личности, служа ей со смирением и почтением и задавая искренние вопросы. Осознавший себя мудрец даст тебе знание» (4.34)⁴⁷.

Конечно, были и такие великие личности, которые достигали самосознания сами, но и они не считали себя автономными носителями знания: великий Рамана Махарши, например, говорил, что сама Аруначала его духовный учитель. У Абхишиктананды уже был подобный опыт: встреча с Раманой перевернула его представления о духовности, а Аруначала довершила это дело, уничтожив в нем все препятствия на пути к просветлению, забрав вместе с ними и его привязанность к христианской религии (да и вообще к любой религии, ведь то, что с ним происходило далее, находилось за пределами чисто религиозного опыта). Он четко осознал то, что Беда

⁴⁶ Об этом прозрении Аквината пишет Беда Гриффитс в своем «Возвращении к Центру», глава III.

⁴⁷ «Бхагавадгита», перевод д-ра Рамананды Прасада.

Гриффитс выразил следующими словами: «*Воплощение — слова, действия, история Христа — это попытка выразить Тайну человеческим языком, однако сама Тайна остается*» и сами по себе эти образы, не будучи укорененными на трансцендентной основе, «становятся идолами»⁴⁸. Таким образом, можно сказать, что за четыре года пребывания в Индии Абхишиктананда уже получил наставления как минимум двух могущественных *Гуру*: Раманы и Аруначалы. В 1953 г. его ждала новая встреча, не менее важная, чем две предыдущие, которой суждено было как сыграть положительную роль в его пути к самосознанию, так и внести некоторую сумятицу в его мироощущение. Новым проводником *Свами* в мир недвойственности стал некто по имени Харилал Пунджа. Этот человек был *брахманом* из Пенджаба, однако занимался бизнесом, связанным с полезными ископаемыми: он управлял железными и марганцевыми шахтами, расположенными в джунглях Мисора. Вместе с тем Пунджа считался просветленным духовным учителем, который проповедовал *адвайта-веданту* в ее самой строгой и бескомпромиссной форме. Его духовным учителем был Рамана Махарши, и многие считали его реальным преемником *Гуру*. На самом деле первая встреча Пунджи и Абхишиктананды произошла еще во время пребывания последнего в пещерах Аруначалы. *Свами* периодически выходил в город, чтобы купить самые необходимые продукты питания и посетить храм. Однажды он прогуливался по городскому базару, и Пунджа, который также находился там, обратил внимание на странного европейца, одетого и ведущего себя как настоящий индийский *садху*. В какой-то момент их взгляды встретились, и выражение глаз Абхишиктананды поразило Харилала. Он стал расспрашивать у людей о новом *Свами*, и один тамильский юноша согласился показать Пундже пещеру, в которой он медитирует. Спустя

⁴⁸ Беда Гриффитс, «Возвращение к Центру», глава III.

некоторое время Харилал оказался на пороге «дома» отшельника и стал молча его рассматривать. Абхишиктананда был крайне удивлен, и, заметив его недоумение, Пунджа произнес:

«Ты звал меня, и я пришел. Сущность (истинное "Я") притягивает Сущность. А что еще ты ожидал?»

С первых минут знакомства *Свами* почувствовал особую притягательность незнакомца и попытался начать с ним разговор об индуизме, о *веданте*. Он задает ему ряд вопросов об Упанишадах и «Гите» и старается изложить свою точку зрения, но Харилал кажется безучастным. Ему не интересно обсуждать религиозные вопросы, и, кажется, даже философия не трогает его. Спустя какое-то время он наконец начинает разговор:

«А какой во всем этом смысл? Во всех твоих книгах, во всем времени, которое ты потратил на изучение разных языков... Какой язык ты используешь для общения с Атманом? Атман не имеет никакого отношения ни к телу, ни к языкам, ни к каким бы то ни было писаниям... Он просто ЕСТЬ и это все!»⁴⁹

Откровение Пунджи стало шоком для Абхишиктананды. Он почувствовал, что все, что он делал раньше, бесполезно, и эта мысль привела его в уныние. Кроме того, его терзали сомнения, касающиеся того, как этот ультра-адвайтический опыт может сочетаться с христианством, с его Богом Любви? И, самый главный вопрос, который он себе задавал, естественным образом вытекал из этих размышлений: что же делать дальше? Пунджа прочитал по глазам молчаливые сомнения Абхишиктананды и продолжил свои наставления в том же духе:

⁴⁹ Анри Ле Со, «Секрет Аруначалы».

«Единственное, что тебе нужно, — это отбросить пути, тянущие тебя назад. Ты полностью готов для этого! Отбрось свои молитвы и свое поклонение. Размышления о том и этом. Осознай, что ты есть, тат твам аси, ты есть То»⁵⁰.

Встреча с Харилалом оставила в душе Абхишиктананды двойное чувство: с одной стороны, он сознавал, что в его словах заключается некая Истина, путь к совершенству. С другой — уж слишком однозначным и не терпящим возражений был тон Учителя. Разве Истина не многогранна? Разве опыт одного человека может быть универсальным путем, пригодным для каждого? И опять-таки: а как быть с опытом Христа? Временами Свами начинал сомневаться в необходимости служить ежедневную мессу, что являлось непреложной обязанностью католического священника. С другой стороны, не являются ли сами сомнения в служении литургии рабством? В итоге Абхишиктананда пришел к выводу, что он должен обрести свободу *«от мессы и от не-мессы»*, предоставив событиям право течь своим чередом.

1955 г. подарил Абхишиктананде новую встречу, которая также заняла важное место на пути его духовного наставничества. Новым проводником в мир индийской культуры (и не только индийской, надо отметить) стал доктор Диншо Мехта. Этот человек был весьма известной фигурой в политической и духовной жизни того времени: имел практику в Бомбее и служил личным врачом Махатмы Ганди, от которого перенял многие важные идеи, касающиеся философии и религии. Формально он не принадлежал ни к одной религиозной организации и не исповедовал строгие *адвайтические* взгляды, однако он утверждал, что получает эзотерические откровения от Иисуса Христа и имеет с Ним постоянную внутреннюю связь. Сами наставле-

⁵⁰ Анри Ле Со, «Секрет Аруначалы».

ния не носили какого-то революционного или новаторского характера и не представляют особого интереса, однако наставления доктора, несомненно, свидетельствовали о его глубоких познаниях в области психологии и физиологии человека. Первоначально, будучи врачом, он обращался к различным методам народного целительства, будучи убежденным сторонником естественных методов лечения: современные лекарства пытаются воздействовать на грубое материальное тело, в то время как причина болезни кроется во внутреннем мире человека. Для внедрения своих способов лечения доктор Мехта основал Общество естественной медицины, которое одно время было весьма популярно у богатых жителей Махараштры. Свами Абхишиктананда приехал в Бомбей в июле 1955 года по личным делам, и именно тогда ему удалось впервые встретиться со знаменитым доктором. Его опыт весьма заинтересовал *Свами*, и они провели вместе две недели, а затем еще примерно столько же в следующем месяце, когда Абхишиктананда вернулся в Махараштру. Советы доктора показали *Свами* очень практичными: они были весьма традиционны, но, в применении к личному опыту конкретного человека, обладали неиссякаемой новизной. Первое, что рекомендовал Мехта, был самоконтроль: следовало обращать внимание на сон, прием пищи и сексуальность. Весьма вероятно, что он унаследовал этот принцип от Ганди, который ставил *брахмачарью* (отсутствие похоти, которую он толковал не только в связи с сексом, но и в отношении любых материалистических желаний) превыше всего. Вторая важная рекомендация доктора Мехты касалась *бхакти-марги*, пути преданности Высшему Существу, которого преданный видит как Возлюбленного. По мнению доктора, необходимо постоянно концентрировать свое сознание на Его образе, медитируя и размышляя о Нем, а также воспевая Его имена. В традициях монахов-бене-

диктинцев было постоянное размышление о Кресте Христовом, но после встречи с Мехтой Абхишиктананда почувствовал, что Крест для него более не подходит в качестве объекта *бхакти*, и перенес свое внимание на другой почитаемый в католицизме образ — образ Святого Сердца Иисуса, которое стало для него истинным символом нектара преданности и любви к Богу. 27 июля 1955 г. *Свами* сделал интересную запись в своем дневнике:

«Я думаю, что я уже слишком адвайтичен... Даже символ Креста больше не влияет на меня. Поэтому я сосредоточиваюсь на Сердце Христа, хрид, это и индуистское понимание Святого Сердца»⁵¹.

Однако главным требованием в духовной жизни доктор Мехта считал полное предание себя Высшему Идеалу, *парабхакти*. Полностью предаться означает отказать от всего, даже от самого себя. Это истинная *санньяса* и истинная святость, и это было очень похоже на слова Пунджи, обращенные к Абхишиктананде ранее. И все-таки в учении и в характере доктора была некая незавершенность, которая становилась очевидной уже после непродолжительного общения с ним.

Совершенно очевидно, что ни резкие наставления Пунджи, ни общение с доктором Мехтой не удовлетворили искания *Свами* Абхишиктананды, и его поиски *гуру*, который бы ввел его в индуистскую традицию, продолжались. В конце 1955 г. друг *Свами*, Гарольд Роуз, который в то время готовился к вступлению в Орден траппистов (выдающимся представителем которого, кстати, был отец Томас Мертон (1915–1968)) и одновременно был учеником одного суфийского мистика, предложил ему вместе съездить к святому Джнянананде из Тируккойлура, у которого на тот момент было значительное число преданных и последователей.

⁵¹ Анри Ле Со, «Духовный дневник».

Моншанен находил это предприятие довольно опасным и всячески пытался отговорить Абхишиктананду, но все-таки в декабре того же года Ле Со оказался в «Тапованам ашраме» у стоп этого *Гуру*. Свами Джнянананда Гири был удивительным человеком, который практически не спал и встречался со своими учениками в любое время дня и суток. Никто не знал даты его рождения, но, согласно сохранившимся записям, уже в середине XIX в. он был взрослым человеком. Когда Абхишиктананда со своим спутником вошли на веранду, где сидел *Гуру*, тот радостно поприветствовал их, и предложил сесть. Это был очень простой человек в *дхоти* и накидке шафранного цвета, однако все местные жители, которые проходили мимо, обязательно вставали перед ним на колени и дотрагивались до его стоп. Это действие несколько покорило *Свами*, однако позднее он почувствовал свое глубокое понимание этой древней традиции и с радостью разделил ее с другими учениками Джнянананды. Как и в случае с Пунджей, Абхишиктананда начал задавать различные вопросы, однако неожиданно между ними встал языковой барьер: *Гуру* не владел английским, а сам *Свами* лишь недавно начал изучать тамильский. Однако вскоре он почувствовал, что помимо разговора обмен идеями происходит и на подсознательном, тонком уровне. Все-таки ему удалось задать несколько конкретных и прямых вопросов об *адвайте* о и пути освобождения. Ответ Джнянананды был поразительно похож на ответы Харилала, однако Абхишиктананда почувствовал, что именно этот человек может действительно открыть его сердце к восприятию Истины. *Гуру* сказал следующее:

«Какой смысл задавать подобные вопросы? Ответ внутри тебя. Поищи его в глубине твоего существа. Посвяти себя дхьяне (медитации) за пределами всех форм и ты получишь решение»⁵².

⁵² Анри Ле Со, «Гуру и ученик».

Поскольку в то время Абхишиктананду больше всего интересовал вопрос действительного посвящения в индуистскую традицию, в *санньясу*, то он немедленно стал расспрашивать Джнянананду о том, как это можно сделать, если духовный учитель уже выбран. У *Свами* появилось большое желание получить *дикишу* именно у этого человека, и он сделал внутренний выбор уже в первые часы общения с *Гуру*. Вероятно, ответ Джнянананды обескуражил его:

«Какой смысл в посвящении? Если ученик не готов, в таком случае так называемое посвящение — это не что иное, как пустые слова, если ученик готов, то ему больше не нужны ни слова, ни знаки. Тогда посвящение происходит спонтанно»,

но затем он понял, что именно такое спонтанное посвящение и произошло в момент, когда Абхишиктананда мысленно принял *Гуру*, а тот согласился давать ему наставления. Таким образом, *Свами Абхишиктананда*, принадлежа к западной монашеской традиции, одновременно стал частью *парампары* — цепи ученической преемственности, восходящей к древним временам и по которой нисходит *ведантическое* знание. Пребывая в Тирукойилуре, Абхишиктананда с жадностью внимал учению святого, которое было весьма простым по содержанию, но сам способ наставления заставлял увидеть знакомые вещи в новом свете. Зачастую Джнянананда облакал свои мысли в форму стихотворений и притч, которые многократно пересказывали друг другу его ученики. Один из последователей *Гуру* записал замечательное стихотворное наставление о медитации:

*«Вернись внутрь,
В место, где нет ничего,
И позаботься о том, чтобы ничего не появилось,
Проникни в глубину себя,*

*В место, где мысли больше нет,
И позаботься о том, чтобы они
не приходили в голову!*

*Там, где нет ничего,
Есть Полнота!*

*Там, где ничего не видно,
Видна Суть!*

*Там, где ничего не появляется,
Неожиданно появляется "Я"!*

Такова дхьяна!»

Свои впечатления от встречи со Свами Джнянанандой Абхишиктананда описал в книге «Гуру и ученик», которая представляет собой дневник духовных наставлений и ученичества *Свами*. Он описывает свое посвящение как «величайшее потрясение»: от *Гуру* исходили особые духовные импульсы, которые разрушали старые стереотипы сознания и придавали новые силы для самосознания. Более того, *Свами* казалось, что самосознание, просветление, уже находится настолько близко, что достаточно просто разорвать эту завесу, которая все еще остается между ним и *Атманом*. Свами Абхишиктананда в восхищении пишет:

«Я встретил человека, не похожего на других, с которыми я когда-либо сталкивался. Внешне в нем нет ничего необычного. Он не читает мысли и не творит чудес, но когда он говорит с тобой, кажется, что его слова исходят из твоего собственного сердца».

Стиль наставлений Свами Джнянананды во многом напоминает стиль коротких рассказов-притч средневековых христианских святых, который впоследствии использовал и друг Анри Ле Со, индийский иезуит отец Энтони де Мело. Одна из самых известных притч *Гуру* приводится в разных вариациях, ученики Абхишиктананды также не раз пересказывали ее:

«Подумайте о детях. Когда они больны, их матери готовят для них лекарство и дают им выпить. Но проблема в том, что детям оно не нравится. Они отбиваются руками и ногами, брыкаются и бьют мать. Если матери все-таки удастся сунуть им лекарство в рот, они выплевывают его. Невежественные люди, отвергающие мудрость, напоминают таких детей. Мудрость и истинное знание никогда не проникают в душу человека против его воли. Их надо долго и упорно искать. Допустим, однажды вы узнали, что на противоположном берегу реки живет Свами, о котором идут удивительные слухи. Вы хотите любой ценой получить его даршан (видение). Вы отправляетесь в путь и приходите на берег реки. Однако переплыть ее опасно. На берегу вы видите перевозчика на лодке и просите его перевезти вас на другой берег. "Хорошо, — отвечает он, — но сначала выбрось свой багаж. Я перевозжу только людей, а не грузы". "Но я не могу оставить свои вещи на берегу. Как я буду жить без них? Я взял в дорогу еду, одежду для холодной ночи, фрукты и цветы для Свами. У меня с собой священные книги, которые я читаю ежедневно. Кроме того, мой багаж не так уж и тяжел. Слушай, перевозчик, будь благоразумен! Перевези меня с моим грузом. Я щедро оплачу твои услуги". "Как хочешь, — отвечает перевозчик, — оставь вещи, или я оставлю тебя с ними на берегу. Что ты выберешь — даршан Свами или свой старый хлам?"»

В этой притче четко прослеживается одна мысль: искатель Истины не должен довольствоваться «комфортом посредственности», как любил повторять Беда Гриффитс, ибо Истина требует либо все, либо ничего. И этот путь весьма труден и не предназначен для всех и каждого, но Абхишиктананда был готов к принятию такой сannyасы. Иногда он даже обходил в этом отношении других учеников Джнянананды, этнических индийцев. В ашраме широко обсуждался вопрос о возвра-

сте *Гуру*: как мы уже упоминали, никто не знал точной цифры, однако, по документам, он родился никак не позже середины XIX в., что, возможно, было простым мифом, однако сам Джнянананда никогда не говорил на эту тему, не подтверждая, но и не опровергая такие сведения. Абхишиктананде казалось, что подобные сплетни отвлекают учеников от главной цели, за которой они все туда прибыли: а именно от самосознания. Однажды он не сдержался и прямо во время *сатсанга* вспылил:

«Какая разница, узнаем ли мы, что Свамиджи сорок или двести, или даже четыреста лет? Приведет ли нас это знание к мокше, спасению или к видению Единого? Это — истинная Тайна, которую он проявляет, а все остальное, что не относится к настоящему моменту, — идет своим путем, с помощью всего этого он преподает нам самый важный урок, что-то, что единственно важно, — это момент, когда человек начинает осознавать себя».

Эти слова смутили собравшихся и вызвали их особое уважение к европейскому *санньяси*. В нем увидели настоящего *садху*, который отвлекся от всего материального и был настроен исключительно на духовный лад. Истинного ученика увидел в нем и Свами Джнянананда, и когда Абхишиктананде пришло время покинуть Учителя, тот пригласил его вернуться после праздника урожая Понгал через пару месяцев:

«Приходи снова и побудь со мной. Мы снова побеседуем. Главное, что у тебя будет время для молчаливой медитации. Никто не потревожит тебя. Тебе не придется заботиться ни о чем из этого. Помимо наших разговоров, ты сможешь побыть в молчании. Так что приходи спустя несколько месяцев после празднования Понгала. Я буду ждать тебя».

Анри Ле Со (Свами
Абхишиктананда), Индор,
октябрь 1973 г., с разрешения
«Abhishiktananda Society»
(все права принадлежат ©
С. Baumer).

Абхишиктананда с тяжелым сердцем покинул Тирукойилур, и как только представилась новая возможность, вернулся в эту деревню. Но, к своему разочарованию, не обнаружил там Свами Джнянананды. Абхишиктананда остался совершенно один на улице деревни и не знал, что ему делать: ему рассказали, что несколько дней назад *Гуру* отправился в Гималаи на неопределенное время. В растерянности бродил *Свами* по улицам деревни, не имея возможности ни поесть, ни отдохнуть. После нескольких часов скитаний Абхишиктананда решил, что его Учитель своим отсутствием также учит его чему-то очень важному. Может, это шанс почувствовать себя настоящим *санньяси*, *садху*, со всеми вытекающими последствиями? Может, как и его многочисленные братья, он должен взять в руки чашу для сбора подаяний и начать просить еду у людей, отбросив последние остатки гордости и ложного эго?

«Разве не Ишвара — тот, кто подает бхикшу, и разве не Ишвара тот, кто ее получает? Разве Шива не появлялся множество раз в образе просящего, чтобы испытать искренность преданных?»⁵³

Как же это было тяжело! В конце концов он нашел приют в местном храме Шивы, где получил *прасад* (освященную пищу) и побеседовал с местными священниками. Он проходит в святая святых храма и медитирует на *лингам* — священный символ Шивы, связанный с основами мироздания. *Лингам* представляет собой столбик, воспринимаемый как фаллос Шивы, благодаря которому существуют миры: индуизм вообще сочетает в себе древние сексуальные символы с идеей абсолютного целомудрия, так что такие объекты культа нельзя толковать превратно. *Лингамы* устанавливаются в центре большинства шиваитских храмов, и их обходят по кругу с величайшим почтением, после чего предлагают им свои подношения: молоко, цветы, фрукты. Один из самых знаменитых *лингамов* Южной Индии находится в тамильском городке Рамешварам, который расположен на побережье Бенгальского залива: по преданию, этот *лингам* установил Рама, во время своей военной кампании на Шри-Ланке. *Лингам* рассматривается как живое существо, и большинство *лингамов* имеют имена собственные: например, *лингам* Рамы в Рамешвараме носит имя Шри Раманатхасвами. Тамилы приписывают *лингамам* различные мистические свойства и слагают о них легенды. Согласно одной такой истории, некий человек обосновался на ночь под деревом, которое росло над заброшенным *лингамом*. Путник стал ужинать и пролил немного молока, затем воды: таким образом, по случайному совпадению, *лингам* оказался ритуально омытым и человек немедленно стал святым, поскольку случайно выполнил все предписан-

⁵³ Анри Ле Со, «Гуру и ученик».

ные Писаниями действия, необходимые для поклонения *лингаму*. Иногда говорят, что Шиву очень легко ублажить поклонением *лингаму*, и он может исполнить все желания преданного. Для многих христиан этот культ может показаться варварством, и Абхишиктананда прекрасно отдавал себе в этом отчет. Ему было трудно передать европейцам свой положительный опыт в этом отношении, хотя еще в 1952 г. он писал о связи культа *лингама* с философией недвойственного единства:

«Адвайта невероятно могущественна — исчезновение в Одном. То же самое можно сказать и об индуистском культе — по крайней мере, в его чистой форме — подношению цветов и молока камню фаллической формы. Нет ничего непристойного в этой идее — лингам пребывает в святой святынь, в пещере, в маленькой темной комнате в глубине сердца храма, которую преданный может достичь лишь пройдя через бесчисленные дворы и залы»⁵⁴.

На этот раз в Тирукойилуре посещение храма Шивы стало для Абхишиктананды новым откровением: он уже в достаточной мере чувствовал себя индийцем, чтобы ощущать духовную общность с жителями деревни, и то, что он был христианским священником, вовсе не мешало ему увидеть в образе Шивы ту же самую Высшую Реальность, которая открылась нам в образе Христа. Шива сам стал символом Космического Христа, который открывался *Свами* в новых образах. 5 марта в своем «Духовном дневнике» он делает запись, которая раскрывает чувства, овладевшие им в тот момент:

«Как же мне не простереться перед Ним ниц, когда я снова приду в храм, на этот раз вместе с другими преданными и не скрываясь, нарисовав на челе трехчастный символ священного лингама? Но не является ли этот

⁵⁴ Письмо Анри Ле Со отцу Лемарье от 10 февраля 1952 г.

Шива-лингам мной самим, как и этим камнем? Кто поклоняется и кому? Его тело тонет в земле, и он исчезает так же, как когда-то он появился из глубины лона сердца в котором наконец открылась Суть, наконец был достигнут этот знак, этот чистый знак, который представляет собой священный камень в центре перерождения Существа»⁵⁵.

Конечно, в душе Свами не было полного согласия между его европейской и индийской ипостасью: очень трудно одновременно принадлежать к двум культурам с различным менталитетом и образом мысли, но, по словам самого Абхишиктананды, он пытался *«жить космической универсальной трансисторической Церковью и, одновременно, исторической институциональной Римской Церковью»*.

К тому времени у Свами было уже довольно много индийских друзей, несмотря на его стремление к отрешенному образу жизни. Он активно путешествовал по всему югу и планировал посетить северные штаты, чтобы глубже познакомиться с образом жизни знаменитых гималайских отшельников. Некоторые из друзей Абхишиктананды ежегодно совершали паломничество в древний город Кумбаконам, который некогда был столицей могущественного царства тамильских царей Чола. Это место знаменито многими храмами, самый почитаемый и популярный из которых — Мауна Мандир. Слово *«мауна»* переводится с санскрита как «молчание»: Мандир располагал многочисленными кельями, где желающие могли проводить какое-то время в уединении и в молчании, пребывая в постоянной медитации. Для материалистически настроенного ума это место казалось настоящей тюрьмой: даже еда здесь подавалась через специальное окошко, чтобы не тревожить отшельников. Друзья Абхишиктананды проводили в

⁵⁵ Анри Ле Со, «Духовный дневник», 5 марта 1956 г.

Мауна Мандире 108 дней в год (по количеству бусин на индуистских четках, на которых отмечался каждый день пребывания). В поисках нового опыта в сентябре 1956 г. отправился в Кумбаконам с намерением провести месяц в Мауна Мандире в полном молчании и погружении в себя. С собой он взял только Новый Завет и Упанишады, а также принадлежности для проведения евхаристии. Когда дверь кельи затворилась за Абхишиктанандой, он почувствовал себя весьма некомфортно, ведь одиночество так несвойственно жизнерадостным бретонцам. Первоначально стены давили на *Свами*, и он не находил себе места, обретая спокойствие лишь в повторении Святых Имен Бога, в *намаджапе*. *Намаджапа* — это традиционная форма *бхакти-йоги*, которую используют представители большинства школ, от *вайшнавов* (преданных Вишну) до шиваитов (преданных Шивы). Бенгальский святой Чайтанья (1486—1534) учил, что этот способ — наилучшая форма *йоги* в нашу эпоху, когда никто не имеет возможности медитировать и совершать ведические обряды совершенным образом. Абхишиктананда давно практиковал такую форму медитации, однако лишь в Мауна Мандире он наконец ощутил ее особую силу, о чем впоследствии рассказывал своим друзьям и ученикам:

«Из всех мантр и молитв воспевание Святого Имени Бога — наивысшее и наиболее могущественное. На психологическом уровне оно сосредоточивает и углубляет ум. На истинно духовном уровне, благодаря божественной силе, которой оно наполнено, оно ведет душу к самому центру себя и всех вещей, к Источнику, к Отцу».

Глубоко погружившись в себя, *Свами* осознал, что очень близок к пробуждению. Он все более и более ясно ощущал реальное присутствие истинного «Я» и к концу своего уединения вдруг испытал особое состояние трансцендентного взрыва:

«Вчера утром я был напуган. В глубине, в самой глубине этого сна в состоянии бодрствования, мое дыхание ослабло, и я почувствовал ужасающий ритм ОМ ТАТ САТ ОМ, а затем справа от меня появилось сияние. Я как будто бы находился перед поворотом дороги, ведущей в туннель, в который словно поезд врывалось ОМ ТАТ САТ. Сияние становилось все более и более сильным, ужасающим, агрессивным. Тоска охватила все мое существо. Казалось, что это сияние сейчас взорвет мою душу. Мой страх заставил сияние раствориться, и образ поезда и дороги исчез. Это сияние есть Присутствие, Присутствующий, Сакшин (Свидетель)... Дважды появлялся Крест, а затем видение исчезло»⁵⁶.

По прошествии 32 дней добровольного заточения наступил момент, когда двери кельи должны были открыться и отшельник мог впервые покинуть *Мандир*. Готовясь к этому моменту, Свами Абхишиктананда провел индивидуальную мессу и собрал все свои вещи. Покинув Мауна Мандир он расплакался: это были слезы радости и просветления: *Свами* был готов вернуться к своему *Гуру* и поделиться с ним своим бесценным опытом.

Вместе с тем над Шантиванамом стали сгущаться тучи: Свами Абхишиктананда, странствуя по святым местам, практически не появлялся в *ашраме*, а Жюль Моншанен, который в одиночку медитировал и проводил богослужения в монастыре, впал в глубокое уныние: его здоровье пошатнулось (давали о себе знать заболевания, которые преследовали *Свами* с детства), а отсутствие партнера не давало ему воплотить в жизнь свои первоначальные замыслы. Говорят, что есть два психологических типа монахов: странники и затворники. Первые, оставив привязанность к материальному миру и, в особенности, к какому-то конкретному

⁵⁶ Анри Ле Со, «Духовный дневник», 9 ноября 1956 г.

месту пребывания, путешествуют по святым местам или становятся странствующими проповедниками, вторые — уединяются в своих *ашрамах* и, напротив, ведут жизнь затворников либо принимают учеников, которые приходят к ним со всех концов света. Оба этих типа крайне важны: странствующие *санньяси* подобно пчелам переносят нектар Истинного Знания, а затворники генерируют этот самый нектар в стенах своих обителей, однако им не суждено осуществлять совместные планы и нести бремя служения вместе. Именно это и произошло в случае с двумя французскими *садху*: принадлежа к разным типам святости (если можно так выразиться), они не могли более сотрудничать и стали причинять друг другу страдания разностью своих характеров. Иногда Моншанену казалось, что проблема заключается в том, что в отличие от Абхишиктананды его ум сохранил свою «греческую» логическую природу, и для нас очевидно, что в области «индианизации» и «адвайтизации» отец Анри Ле Со пошел дальше своего духовного брата, однако нынешние биографы Парам Аруби Ананды считают, что его опыт был недооценен. Во время *гуру-пуджи* (*пуджи*, посвященной духовному учителю) в честь *махасамадхи* (ухода) отца Жюля 10 октября 2006 г. нынешний настоятель «Сатчитананда ашрама» отец Джордж Неллианил высказал мысль о том, что если бы не настойчивость *Свами*, возможно, сегодня у нас бы не было этого прекрасного уголка духовности и созерцательности. Начиная с 1952 г., Моншанен вел активную проповедническую и межкультурную деятельность: он посетил канадских священников, членов Конгрегации Святого Креста, миссия которых находилась в Пакистане, совершив для этого поездку в Северную Индию, провел ряд встреч совместно с Французским альянсом, стал членом Философского общества Мадраса. В середине 1950-х гг. он часто ездит в Пондичерри, город, в котором со времен колонизато-

ров ощущалось очень сильное французское влияние и до сих пор действует множество французских культурных организаций. Там он общается с учеными и священниками, сотрудничает с недавно основанным научно-исследовательским Институтом индологии, который был основан сравнительно недавно. Богатый опыт жизни в тамильской глубинке, а также духовные искания Моншанена делают его интересным собеседником и даже объектом научных исследований Института. Также он регулярно бывает в столице штата Мадрасе (ныне Ченнай), где знакомится с видными представителями Философского общества, внештатным членом которого он затем становится. Общество организует конференции, посвященные различным темам, интересующим отца Жюля, и он сам участвует в подготовке двух из них: первая прошла в 1956 г., и была посвящена священным авторам, людям, стоявшим у истоков великих Писаний мира (в основном, разумеется, Библии и Упанишад): вопрос об их авторстве до сих пор остается открытым, но для *Свами* ясно одно — кто бы ни составил формальный текст этих памятников человеческой словесности, истинный вдохновитель их — Святой Дух, и тайна их возникновения кроется в глубинах *Атмана*, истинного «Я». В следующем 1956 г. мероприятие было посвящено святым, которые в первую очередь являются проводниками Истины, и любая формальная духовная организация должна следовать их наставлениям. Тема святости и того, как Бог действует через них, наполняя их сердца Своим Духом и Мудростью (*Шакти*), давно волновало Парам Аруби Ананду, и, возможно, именно благодаря ему до сих пор в «Сатчитананда ашраме» во время двух литургических чтений из трех читаются отрывки из трудов святых: тамильских и христианских. В некоторых религиях нет Писаний, но всегда есть святые люди, к которым обращаются за помощью все те, кто хочет найти путь к себе,

ведь в отличие от Писаний святые имеют личный опыт встречи с Божественным, не обусловленный словами. Они могут передать его лично, от сердца к сердцу.

Богатый опыт Шантиванама не остается незамеченным и на уровне официальной Церкви: в этом же году Индийская епископальная конференция приглашает *Свами* провести недельный образовательный курс «Индийская культура и полнота Христа», который стал финальным посланием Моншанена. Свами Парам Аруби Ананда стал живым воплощением того, как христианин может прожить свою веру в контексте индийской духовности, в контексте *адвайта-веданты* во всей ее полноте. К концу года здоровье Свами окончательно ухудшается, и врачи говорят, что ему нельзя больше находиться в Индии: климат Тамил-Наду, идеальный для здорового человека, может убить того, кто склонен к астматическим заболеваниям. Моншанен в отчаянии: он не может оставить «Сатчитананда ашрам» на произвол судьбы, тем более что Абхишиктананда, кажется, принял окончательное решение оставить монастырь и перебраться на Север, ближе к Гималаям. В марте 1957 г. это опасение отца Жюля сбывается: Ле Со более не возвращается в Шантиванам и отправляется в горы. Это известие окончательно подрывает здоровье Парам Аруби Ананды: он беспомощен, как ребенок. Необходимость ехать во Францию, оставив дело всей его жизни, морально убивает его. И все-таки находиться в Индии больше было нельзя. Спустя какое-то время с помощью друзей он возвращается во Францию. Долгожданное выздоровление, тем не менее, так и не наступает: всю осень Моншанен проводит в больнице «Сент-Антуан», сильно страдает физически и морально, часто практически теряет сознание и не может заснуть по ночам. Кажется, что его страдания — это некий образ страданий Христа, который перенес муки за всех людей. *Свами* страдает за свое дело, за своих духовных братьев,

за своих преемников и учеников, за свой Шантиванам. 10 октября 1957 г. состояние Жюля Моншанена оказывается критическим: врачи уже ничего не могут сделать. В тот же день он покидает свое материальное тело и, по словам своих учеников и друзей, достигает *махасамадхи*, состояния высшего единства с Источником Бытия. Каждый год в этот день, 10 октября, монахи «Сатчитананда ашрама» собираются вокруг памятника Свами Парам Аруби Ананды, зажигают священный огонь и воспевают славу своего духовного учителя: *«джая Гурудэва, джая Гурудэва, джая джая джая джая джая Гурудэва»*.

Самадхи (место упокоения) Анри Ле Со, Жюля Моншанена, Беды Гриффитса и Свами Амалдаса (ближайшего ученика Беды Гриффитса) в «Сатчитананда ашраме».

АНРИ ЛЕ СО: «БУДУЩИЙ БЕРЕГ»⁵⁷

О смерти

Смерть — не самый важный момент в жизни человека, так как она не может ни поработить его, ни освободить. Тех, кто перешел рубеж смерти, «Упанишады» называют термином претйа (пра-й), то есть те, кто перешел. Однако переход, символом которого служит смерть, совсем иной. Истинная Смерть, единственный вид смерти, который освобождает, это Смерть, разрушающая узы сердца, узы, которые заставляют человека идентифицировать себя со своими различными внешними проявлениями, даже с наивысшими из них, связанными с опытом ананды, божественной радости... Это погружение в свое истинное «Я» может быть постепенным и едва ощутимым, а может быть неожиданным и шокирующим. В последнем случае трудно сказать, сможет ли организм перенести такой опыт, поскольку человек так сильно идентифицирует себя со своими желаниями и философией, что когда это все отнимается у него, он может оказаться неспособен жить дальше. Он становится чистым светом, океаном славы...

Об эго

...Пока у человека сохраняется сильное чувство его собственного эго (ахамкара), Бог остается для него «Другим». Для него адвайта может быть простой интеллектуальной концепцией, а не реальным опытом, что может привести к страшным последствиям, связанным с ростом гордыни и ужасному росту эго...

О гуру

...Ученик должен иметь твердую веру в своего гуру и полностью предаться ему с верой и преданностью в полном смысле этих слов. Для ученика гуру — это проявление

⁵⁷ Фрагмент из книги Анри Ле Со «Будущий берег».

Самого Бога и его преданность гуру для него является высшей ступенью, находящейся за пределами всяческого поклонения. Для такого ученика гуру становится передатчиком Абсолютного Знания от губ к уху и в конце концов, большей частью в тишине, от сердца к сердцу. Он поведет его шаг за шагом к контролю чувств и ума. Он разовьет в нем отречение и различение. Иногда, возможно, он будет строг к нему, не позволяя ни расслабиться, ни отдохнуть. Но он будет смягчать свою строгость кротостью, ведя ученика по дороге понимания...

5. Махасамадхи

После ухода Жюля Моншанена Свами Абхишиктананда становится единственным *ачарьей* «Сатчитананда ашрама», однако его стремление странствовать не дает ему никакой возможности основательно заняться делами монастыря. Он несколько раз возвращается на берега Кавери, однако не может находиться там слишком долго: таинственная и мистическая Индия влечет его к себе. Гималаи становятся его мечтой, ведь где как не в горах человек встречается с Богом и остается наедине с Высшей Тайной. Знакомство с такими людьми, как Раймон Паниккар и отец Доминик Ван Ролленгем, убеждает его в том, что внутренний мистический опыт имеет первостепенное значение перед теми действиями, которые мы совершаем, в том числе и ради его достижения. В рождественскую неделю 1957 г. Свами Абхишиктананда, Раймон Паниккар, Доминик Ван Ролленгем и будущий настоятель Шантиванама Беда Гриффитс встречаются для проведения теологического диспута на тему *адвайты* и христианского мистицизма. Индийские христианские мистики делятся своим богатым опытом, который для каждого из них был уникальным, но вместе с тем раскрывал единую и

самую важную тайну бытия — Тайну Всеединства. Вместе с Паниккаром Абхишиктананда несколько раз совершает паломничество в Варанаси, священный город индуизма, который таит в себе тысячелетнюю историю: впервые он упоминается в «Риг-Веде» под именем «Кашши», а ученые полагают, что это одно из древнейших поселений на земле. Индийцы верят, что город был основан Шивой, и центральным местом паломничества в нем является *лингам*, именуемый Вишванатхой. Все паломники, прибывающие в Варанаси, совершают ритуальное омовение в Ганге, освобождаясь таким образом от груза грехов, а затем отправляются в сакральное путешествие по храмам. Для Абхишиктананды визиты в Варанаси имели символическое значение: *Свами*, путешествующий по Индии в поисках знаний, очень ценит место, которое на протяжении веков считалось центром духовного образования и спонтанного просветления, место, в котором Будда некогда произнес свою первую важную проповедь, место, куда люди устремляются со всех концов Индии, чтобы постичь метафизические истины.

В 1959 г. *Свами* наконец отправляется на север, в предгорья Гималаев. Его цель на этот раз — ледник Пиндар. Надо отметить, что, будучи странствующим *санньяси*, Абхишиктананда отказывает себе в удобствах, к которым привыкли европейские путешественники: несмотря на то что его друзья предлагают ему оплатить дорогу, он выбирает тот способ передвижения, которым пользуются миллионы небогатых индийцев, — автобусы и вагоны третьего класса. Даже сейчас многодневное путешествие на поезде в таком вагоне — настоящая мука для привыкшего к комфорту западного человека, а во времена Ле Со люди ехали вповалку вместе с детьми и домашним скотом. Вещи приходилось закрывать специальным замком, поскольку мелкое воровство процветало. Зачастую молодежь вообще пред-

почитала ехать на крыше вагона. Понятно, что никакой речи о кондиционерах и удобствах идти не могло. Свами Абхишиктананда, тем не менее, именно таким способом добрался до ледника, который поразил его воображение: горы показались ему источником всего сущего, могучим символом Божества:

«Из великих мудрецов Я — Бхригу, из слов Я — космический слог ОМ, из духовных практик (яджня) Я — молчаливое повторение мантры (джапа), а среди гор Я — Гималаи». (10.25)⁵⁸

Покинув ледник Пиндар, Свами Абхишиктананда отправился в глубь штата Уттар-Прадеш, который славится своими *садху*, большинство из которых принадлежат к традиции *рамананди* — аскетов-преданных Рамы. Его путь лежал через деревню Карели, где располагался основанный в 1953 г. христианский «Джйотиникетан ашрам», «Дом Света». *Ачарьей ашрама* был англиканский священник Чарльз Мюррей Роджерс, который прибыл в Индию в 1945 году вместе со своей женой Мэри Хоул и, проведя год в «Севаграм ашраме» Махатмы Ганди, вдохновился идеями индуистско-христианского диалога и создания общины, которая бы сочетала в себе принципы индуизма и христианства. Во многом англиканский пастор был в более выгодном положении, чем основатели Шантиванама, поскольку в то время Церковь Англии была гораздо более либеральна и открыта миру. И все-таки супругам пришлось покинуть Миссионерское церковное общество, в качестве членов которого они прибыли в Индию. К моменту знакомства со Свами Абхишиктанандой Мюррею Роджерсу было 40 лет (он родился в 1917 г.). За его плечами был Кэмбридж, работа капелланом в Аллахабадском сельскохозяйственном институте, а также дружба с

⁵⁸ «Бхагавадгита» в переводе д-ра Рамананды Прасада (Международное общество Гиты).

доктором Эндрюсом, который тесно общался с Махатмой Ганди. Именно благодаря этой дружбе у Роджерса зародился интерес к Индии. Абхишиктананда с восторгом воспринял предложение англичанина погостить у него: образ жизни членов общины показался ему наполненным святостью: все было основано на древней мудрости Упанишад, а весь день построен на регулярных медитациях и чтении отрывков из Писаний. Сам Роджерс считал, что такой образ жизни особым образом обогащает его во Христе при контакте с живым индуизмом. Единственное, что показалось Абхишиктананде неправильным, — это идея женатого священника, которая в англиканстве является обычной практикой. *Свами* одолевали сомнения относительно возможности полноценной священнической и медитативной жизни для человека, на котором лежит обязанность содержания семьи. Однако, проведя какое-то время в Джйотиникетане, Абхишиктананда понял, что Мюррей Роджерс — живое воплощение такой возможности. Он увидел в этом человеке святого, вдохновленного Высшим Идеалом. Они стали близкими друзьями, и *Свами* стал часто навещать в Карели. Поскольку в Католической Церкви есть определенные сомнения относительно возможности взаимного участия в литургии с представителями Англиканской Церкви, первоначально Ле Со не решался осуществлять совместную Евхаристию, однако спустя некоторое время он решил отбросить свои предрассудки и не пожалел об этом: по его словам, никогда до этого он не испытывал такого духовного подъема и такого четкого ощущения реального присутствия Христа в Святах Дарах, как во время тихого Таинства с рецитацией ведических гимнов и пением христианских псалмов. Уезжая из Джйотиникетана, Абхишиктананда сказал слова, которые часто повторял впоследствии: *«Мой друг ведет людей к главному: к внутренней жизни, тишине и молит-*

ве». Свами Абхишиктананда и Мюррей Роджерс сохранили свою внутреннюю связь до конца своих дней: даже на смертном одре (Роджерс умер 16 октября 2006 г.) ачарья Джйотиникетана вспоминал свой опыт встреч со *Свами*, который был наполнен святостью и созерцательностью.

Свое путешествие Свами Абхишиктананда продолжил в Алморе, где исторически было довольно много православных (православие — это христианская традиция, весьма не чуждая Индии), и встретился там с неким русским художником, имя которого осталось неизвестным. Этот человек был неплохим портретистом и написал два портрета Свами. Такова была его первая встреча с русской культурой (надо отметить, что впоследствии у монахов Шантиванама были некоторые контакты с православием, в частности особый интерес к *ашраму* проявлял русский православный митрополит из Англии Антоний Сурожский (Блум), известный своими медитативными размышлениями, некоторые из которых поразительно напоминают идеи Ле Со и Гриффитса. Митрополит лично встречался с отцом Бедой и находился в дружеских отношениях с ним). Что касается портретов, то они показались Абхишиктананде весьма правдоподобными и отражающими внутреннюю суть его души, и он написал об этом своему другу отцу Лемарье:

«Эти два портрета поразительно и глубоко правдивы. За маской скрывается то, чем я должен быть, и это хорошо показано. Один из них демонстрирует чистое Существо, не мертвое, и не живое, не ограниченное ни временем, ни пространством... Другой определенным образом являет воскресение, возвращение к миру, причем таким способом, который опять-таки поражает...»⁵⁹

⁵⁹ Письмо Анри Ле Со отцу Лемарье от 18 августа 1959 г.

**Иисус Христос, медитирующий в позе лотоса
(«Сатчитананда ашрам»).**

Размышления, связанные с этими портретами, помогли Абхишиктананде взглянуть на себя под другим углом, другими глазами. Они стали лейтмотивом его следующей поездки в два священных гималайских города — Кедранатх и Бадринатх. Первый считается вечной обителью Шивы, второй связан с культом второго лица индуистского Тримурти — Вишну-Нарайяной. Для *Свами* оба были проявлениями Единого Космического Христа, *Пуруши*, и он, вдохновленный своим паломничеством, восклицал: *«Единственный Господь Кедара — Христос!»* Кедарнатх настолько воодушевляет Абхишиктананду, что он непроизвольно погружается в глубокую медитацию и снова возвращается к осознанию всеединства, которое он обрел во время затворничества в Мауна Мандире:

«Этот опыт переполняет меня и внутренне и внешне. Все есть знак, все указывает на Единую Тайну. Это ни-

схождение в непостижимую тайну рождения Себя у подножия цепи покрытых снегом гор и на вершине безжалостно стремящегося вверх пути к Изначальному Источнику, из Которого все произошло и к полноте Которого все стремится, в Котором все пути оканчиваются и все собирается в одной точке. Можно определенно сказать, что единственный Господь Кедара (Шива) есть Христос. Есть только одно рождение в сердце всего Бытия, рождение, при котором Бытие проявляется Само в Себе, в месте, за пределами всех мест, из Которого все исходит и к Которому все возвращается. Есть только один Источник»⁶⁰.

Бадринатх — знаменитое место паломничества вайшнавов, которое имело для Абхишиктананды особый сакральный смысл: согласно традиции, в этом месте долгое время вели аскетический образ жизни мудрецы Нара и Нарайана, которые считаются воплощениями Вишну. Бадринатх, таким образом, символизирует нисхождение Божества на землю и его аскетические усилия в лице человечества, некое отражение Космической Жертвы, начавшейся во времена Сотворения Мира и достигшей своей кульминации на Голгофском Кресте. Город упоминается в Пуранах:

«Там в "Бадрика ашраме", Вишну, приняв облик мудрецов Нары и Нарайяны, с незапамятных времен совершает аскетический подвиг ради блага всех живых существ»⁶¹.

Свами пребывает в восторженном состоянии и совершенно не хочет спускаться с гор и возвращаться к обычной жизни. Несмотря на свой возраст, он запросто ходит пешком по горным перевалам, преодолевая значительные расстояния. Таким образом, он готовится к следующему важному путешествию в Ганготри, к истокам священной Ганги, которое ему удастся совер-

⁶⁰ Сатсанг со Свами Абхишиктанандой.

⁶¹ «Бхагавата Пурана», 3.4.22.

шить лишь через два года. Кроме того, это паломничество становится знаком окончательного принятия Индии в качестве новой родины: на следующий год Абхишиктананда получает индийское гражданство, несмотря на трудности, связанные с тем, что получившая независимость страна не жалует иностранцев и заявления о предоставлении гражданства рассматриваются по нескольку лет. Активная деятельность французского *Свами* привлекает внимание посла Швейцарии доктора Кутатта, который живо интересуется индийской культурой и духовностью, пытается разделить радости и проблемы народа, среди которого работает. Высокое положение в обществе позволяет послу организовать несколько важных мероприятий, благодаря которым послание Абхишиктананды успешно распространяется в христианских кругах Индии: в 1961 г. проводится первая встреча, посвященная изучению и сравнению христианского и *ведантического* опыта, в которой активно участвует *Свами*. На следующий год в доме методистского епископа проходит беседа, на которую приглашается ряд гостей, представляющих разные традиции в христианстве, в том числе и православный монах, с которым судьба свела Абхишиктананду в Алморе. В период с 1961 по 1964 г. Мюррей Роджерс тоже организует серию семинаров, посвященных изучению наследия Пьера Тейара де Шардена и его влияния на европейскую *адвайтическую* мысль. Встречи также привлекают большой круг видных деятелей индийского христианства и индуизма. Наконец, в мае 1963 г., *Свами* Абхишиктананда возвращается в Гималаи, чтобы выразить свое почтение великой реке Ганге и помедитировать у самых ее истоков, которые притягивают сотни паломников-*садху*. Во время первого паломничества *Свами* сопровождает молодой человек, по имени Ананд, который планировал впоследствии вступить в один из католических орденов. Уже в самом начале по-

хода Абхишиктананда погрузился в индуистское восприятие духовных качеств реки: по преданию, Ганга не принадлежит материальному миру. Она берет свои истоки в духовном мире, в водах так называемого Причинного Океана, на котором вечно возлежит Вишну-Нарайяна, создавая бесчисленные миры. Проистекая от стоп Бога, она попадает в этот мир через темя Шивы, который не дает ее бурным водам погубить все сущее, а затем ниспадает в верховья Гималаев. Для *Свами* эта история нисхождения Ганги стала внутренней реальностью, даже более четкой, чем «научно обоснованная» реальность нашего мира:

*«На самом деле истоки Ганги лежат не столько в ледниках, откуда бегут ее первые воды, а те горные пики, которые касаются Высшего Неба. Там находится точка соприкосновения Высшего Мира — того недостижимого мира, из которого, тем не менее, мы пришли и в который мы идем, — с нижним миром, на котором мы временно ведем нашу земную жизнь»*⁶².

Чем ближе *Свами Абхишиктананда* и *Ананд* подходили к священной *дхаме* (месту паломничества), тем более четко и ясно они ощущали вибрацию священного звука *ОМ*, который буквально парил в воздухе: пение *садху* и других паломников сливалось с внутренним повторением *ОМ-кары* *Абхишиктанандой* и многократно усиливалось гулом реки. Наконец, когда взору путников предстал сам ледник, источающий из себя чистые и прозрачные воды Ганги (которая приобретает свой специфический оттенок лишь проходя через города и села Северной Индии), *Свами* погрузился в экстатическое состояние, осознавая личностную природу реки, присутствие ее Повелителя Шивы и свое собственное «Я», единое с Абсолютом. Экстазы *Абхишиктананды* невозможно описать словами, но некоторое

⁶² Анри Ле Со, «Гора Господня».

представление о них могут дать его собственные записи, которые он делал в своем дневнике или, как в случае с Ганготри, описывал в книгах:

«Казалось, с гор раздавались голоса, вырываясь из вод Ганги, крича: "Шива, Шива!" Я вернулся к повторению звука ОМ, который был освежающим и погружал в медитацию, проникая в мое сознание глубже, чем любой другой звук. Он успокаивал меня и высвобождал тишину моего духа»⁶³.

Придя в себя и пробыв какое-то время в Ганготри, Абхишиктананда и Ананд вернулись в Уттаркаши, чтобы год спустя вернуться туда снова. На обратном пути они встречают многих преданных Рамы, которые составляют большинство индуистов во многих районах Севера. Традиция *рамаватов* распространилась в регионе в XV–XVIII вв. благодаря деятельности поэта и гуру по имени Свами Рамананда (1400–1470), который считался экстатическим преданным Рамы. Получив посвящение в *сампрадайу* (философскую школу) Шри Вайшнавов, впоследствии он отказался от многих формальностей, которые связывали по рукам и ногам последователей Школы, в частности он отказался от санскрита как от единственного языка Писаний, провозгласив, что каждый должен услышать послание Истины на своем родном языке. Рамананда стал проповедовать свое учение на народном языке хинди, сделав центром своего послания сказания о царевиче Раме, считая его идеальным и высшим проявлением Бога. Последователи Рамананды перевели на хинди многие классические произведения Древней Индии, сделав их доступными простым индийцам. Кроме того, Свами резко порицал кастовую систему, принимая учеников, вне зависимости от их происхождения. Сохранилось изречение Рамананды, которое свидетельствует о его

⁶³ Анри Ле Со, «Гора Господня».

толерантности: *«Пусть никто не вопрошает о касте человека или о том, с кем он есть. Тот, кто предан Хари⁶⁴, принадлежит Хари»*. Абхишиктананда постигает элементы учения *рамананди*, что упрощает его общение с первым учеником — Рамешем Шриваставой. Этот молодой человек, следуя учению Рамананды, постоянно повторял имена Рамы, но в то же время живо интересовался Евангелием и хотел принять христианство. Христианский *Свами* показался ему идеальной возможностью сохранить свою индийскую идентичность, и, в то же время, принять Христа. Рамеш начинает внимать наставлениям Абхишиктананды, который, таким образом, становится настоящим *гуру* во всех смыслах этого слова. *Свами* с радостью передает свой опыт своему первому ученику, а также периодически дает спонтанные публичные лекции, и, как ни странно, пользуется успехом у индийской аудитории. Европейский учитель медитации не уступает в уровне своих рекомендаций своим индийским братьям:

«Очень важно сосредоточить ум на чем-то, что ведет к трансцендентности и освобождает от блуждания мысли. Для меня это мысль о "Внутреннем" ("уллам" на тамильском), ахам ("Я"), например. Необходимо сделать моей обителью внутренний мир, утвердиться в нем, погрузиться в него, раствориться. Если мысли по-прежнему приходят, то пусть они будут как птицы, летящие в открытое пространство (акаша) сердца, пусть пролетают мимо головы, не беспокоя меня. Что на самом деле важно, так это сделать мое положение стабильным... Стремиться внутрь через идею Внутреннего — это очень хороший путь. Однако идея Внутреннего сама по себе представляет собой форму двойственности (бхеда). Пока я отличаю Внутреннее от того, кто стремится к Внутреннему, я не достиг Внутреннего. На последнем

⁶⁴ Хари — эпитет Вишну.

этапе тот, кто ищет, и то, что является объектом поиска, исчезают, и не остается ничего, кроме чистого Света, неразделенного, самосветящегося (джйоти акханда свапракша). Последняя задача — это уничтожить различие между искателем и объектом поиска»⁶⁵.

Через год после принятия Рамеша к Абхишиктананде присоединился восемнадцатилетний *брахман* Лалит Шарма, который на тот период строго следовал принципам *брахмачарьи* (целомудрия) и отказывался от всех материальных благ. *Свами* заботился об учениках как о своих собственных детях: в нем не было строгости, присущей многим другим духовным учителям, и молодые люди очень привязались к нему. По утрам он будил юношей поцелуем, сам готовил им завтрак, а свои наставления облакал в возможно более мягкую форму. Однако настоящие и полноценные отношения учителя и ученика у Абхишиктананды развиваются с французским семинаристом Марком Шадюком, который стал первым европейским *санньяси* следующего после Моншанена и Ле Со поколения.

Марк прибыл в Индию в 1971 г. для изучения опыта индийского христианства и диалога между индуизмом и христианством. В тот же год он встретился с Абхишиктанандой и проникся идеями, которые проповедовал *Свами*. Марк был очень целеустремленным человеком и его не интересовали никакие другие вопросы, помимо самосознания, поэтому *Свами* решил оказать ему доступную помощь в духовном поиске. В тот же год они отправляются к горе Аруначале, поскольку Абхишиктананда хочет поделиться своим личным опытом именно в том месте, где он впервые ощутил недвойственность бытия. Марк погружается в медитацию в одной из многочисленных пещер священной горы и очень скоро испытывает то же, что испытал сам Ле Со

⁶⁵ Анри Ле Со, «Духовный дневник», 6 марта 1956 г.

много лет назад: энергетика горы полностью захватывает его, и он погружается в транс самосознания, ощущая свое единство с горой, а через ней и с Высшим Существом. Видя, что его ученик сидит в оцепенении и не может пошевелиться, Абхишиктананда вдруг испытал необъяснимый страх: наверно, он плохой гуру, раз привел человека, который доверился ему, в это таинственное место раньше времени. А вдруг Аруначала сыграет с Марком злую шутку? *Свами* начинает безмолвный диалог с горой: «*О Владыка Аруначалы, что Ты сделал с моим ребенком?*»⁶⁶, и вдруг его словно молнией пронзает ответ, полученный в глубине сердца от Шивы Аруначалы: «*Это ты сделал с ним, это он сам сделал это с собой! Разве это не то, что он желал больше всего в глубине своего сердца, где нет никого, кроме Меня?*»⁶⁷ Марк был в лучшем положении по сравнению с Абхишиктанандой: ведь его Учитель не имел человека, к которому он мог бы обратиться за советом во времена своего пребывания в пещерах Аруначалы, он же видел перед собой *Свами*, который мог передать ему свой собственный опыт, духовный импульс, который характеризует истинное духовное наставничество. Молодой француз ощутил полное доверие в отношении своего Гуру, и впоследствии это доверие было подтверждено новой серией мистических экстазов, которые он пережил в присутствии Абхишиктананды. В мае 1972 г. вечером накануне Вознесения *Свами* и его ученик изучали Упанишады, и вдруг Марку явилось видение славы духовного учителя, во время которого Абхишиктананда предстал перед ним в образе древнего *риши*, открывающего ему вечную мудрость:

«Мне открылось неожиданное и всепоглощающее видение парам-джйотир, Великого Света, которое продол-

⁶⁶ Из письма Анри Ле Со Марку Шадюку от 9 декабря 1971 г.

⁶⁷ Там же.

*жалось около трех часов. Оно достигло глубин моего существования в неугасимом свете, который есть мое истинное "Я"... В тот же самый момент мне открылось, что Анри (Абхишиктананда) — мой Гуру. Я увидел его в ослепляющей славе, преображенным в Свет...»*⁶⁸

Спустя несколько дней, 28 мая, оба *Свами* стали свидетелями общего видения, которое Абхишиктананда впоследствии назвал «Упанишадой Огня» или «Новой Пятидесятницей»: им явился *Брахман* в виде пламени истинного «Я». Из их рассказов было довольно трудно понять, что же они видели на самом деле, но совершенно очевидно, что явление глубоко поразило их. Это событие произошло в Ришикеше, в «Шивананда ашраме», *ачарьей* которого в то время был *Свами Чидананда*, ставший впоследствии близким другом Абхишиктананды. Марк, следуя примеру своего учителя, намеревался стать одновременно представителем двух монашеских традиций: христианского монашества и индуистской *санньясы*, и, следовательно, ему надо было получить посвящение в обеих цепях ученической преемственности. *Свами Абхишиктананда* решил посвятить его в христианские монахи сам, на правах настоятеля «Сатчитананда ашрама», который он, впрочем, уже покинул. Что касается *санньяса-дикши*, то церемонию согласился провести *Свами Чидананда*, который, следуя заветам своего предшественника, основателя «Общества Божественной Жизни» *Свами Шивананды*, был настроен на диалог со всеми религиями, в том числе и с христианством. 23 июня 1973 г. настал день инициации, и два *Свами* со своим учеником собрались на берегу священной Ганги, где Марку предстояло окончательно подтвердить свое решение оставить материальный мир. В письме, адресованном Мюррею Роджерсу, Абхишиктананда очень ярко описывает, что произошло далее:

⁶⁸ Из неизданного дневника *Свами Аджатананды*.

«Войдя в воды Ганги, Марк произнес древнюю формулу отречения. Я присоединился к нему. Он погрузился в воду, затем я поднял его, после чего мы пропели наши любимые мантры, обращенные к Пуруше. Он выбросил всю свою одежду в Гангу, и я принял его словно из материального лона. Мы надели на него одежду огненного цвета, передали ему махавакьи (священные формулы из Упанишад), и я отправил его "туда, откуда нет возврата"»⁶⁹.

Выйдя из вод Ганги, Марк получил новое монашеское имя: Свами Аджатананда, которое переводится как «Блаженство Нерожденного», дав начало новой традиции христианского монашества в Индии. Аджатананда невольно стал образцом для десятков христиан, пожелавших разделить древнюю практику индийских отшельников, а в 2006 г. в штате Уттар-Прадеш открылся экуменический *ашрам*, носящий его имя.

В течение всего времени после *санньяса-дикши* Аджатананды с Абхишиктанандой начали происходить важные изменения: им управляли силы, которые он не мог контролировать. Ему постоянно являлись различные символы, под знаком которых проходили дни: как правило, это был либо Илия в своей огненной колеснице, либо Дакшинамурти — воплощение Шивы в образе молодого гуру, либо огненная колонна на вершине Аруначалы. К этому периоду он уже четко определился с задачами своей миссии, и с противоречиями, которые разрывали его душу, было покончено. Его псевдонимом становится слово «Сету», «Мост», и он рассматривал себя в качестве передаточного звена между миром Востока и Запада, действующим ради просветления всего человечества:

«Мое послание не имеет ничего общего с какой бы то ни было дхармой. Таково любое послание, идущее из глубины [сердца]. Хотя послание Упанишад имеет ведические и

⁶⁹ Письмо Анри Ле Со Мюррею Роджерсу от 3 июля 1973 г.

брахманические корни и их формулировки происходят из этих корней, оно "самосветящееся", свапракаша. Оно являет свет, происходящий из самых глубин, и само становится его отражением. Точно так же и Евангелие не связано с иудейским миром, в котором оно было явлено. Это знание универсально, его истинные ценности растопили восковые соты иудейского и греческого миров и извлекли мед, который в них хранился. Это знание — эхо глубин человеческого сердца, которое несет послание любви, самопожертвования и истинных взаимоотношений. Это послание божественности каждой личности. Послание Упанишад, пройдя по мутным водам каналов, невероятно отдаленным от Источника, сформировало индийский образ мысли, а послание Евангелия, пройдя тот же путь, — западный. Человек (измотанный религией, межрелигиозной рознью и самосвятством) возвращается к Источнику, когда встречается лицом к лицу с самим собой, со своими собственными глубинами. Тогда он осознает, что "он есть" в гораздо большей степени, чем когда использует любой вид анализа, даже философского (экзистенциального) анализа»⁷⁰.

С другой стороны, Свами полностью разрушил предубеждения его греческого ума, касавшиеся проявления Божественного в индуизме. Теперь образ Кришны для него был таким же полноценным образом Абсолютной Тайны, как и образ Христа. Остатки сомнений сгорели в огне медитации и молитвы, и он был способен передать это чувство своим ученикам:

«Господи, кто Ты? Существоешь ли Ты? Я не могу продолжать... Отличен ли Ты от моего брата, в чьем лике отражен мой лик? Отличен ли Ты от воды, земли, огня или чего-либо сделанного из них? Почва, находящаяся в глубине меня, есть глубина всего сущего — это лик, это Ты Сам, Ты видишь меня в этой глубине, и это также я

⁷⁰ Анри Ле Со, «Духовный дневник», 12 декабря 1971 г.

сам, я сам обращаюсь к себе самому. Так ли это? Отличен ли Ты от этой Тайны, от Брахмана в глубине меня, от всего сущего? Я имею в виду, отличен ли Ты от этой Абсолютной Тайны, которую нельзя назвать по имени? Это "Я", это "Ты" — это проекция меня самого? Это последняя попытка спасти меня перед Твоим ликом? Ты Ишвара? Ты Пуруша? Ты Кришна? Ты Иисус? Отличен ли Ты от меня?

Являешь ли Ты Себя в том свете, который находится за пределами тьмы? И вообще, являешь ли Ты Себя в свете? Или Ты Сам есть свет, который окружает меня, проникает в меня и поглощает меня? Логос является, чтобы осветить нисхождение вглубь, в пещеру: гуха, и затем существует лишь тот, кто находится внутри нее (гухантара) и внутри самого себя... В глубине внутренней пещеры (гуха) нет имени, но нет и безымянности, там нет ни Шивы, ни Иисуса»⁷¹.

По воспоминаниям Аджатананды, 11 июля 1973 г. в Ранагале Свами находился под особым воздействием Духа и произнес нечто непередаваемое, что свидетельствовало о полном осознании тождества духа Абхишиктананды с Высшей Тайной, при этом над соседней горой сверкнула молния:

«Мы долгое время сидели молча. Все излучало необычную силу. Наконец, мы устроились как могли, чтобы провести ночь вокруг лингама...»⁷²

На следующий день Абхишиктананда долго повторял звук ОМ, после чего снова заснул. Несколько дней спустя, оставив Аджатананду в храме, Свами отправился в соседний Ришикеш за продуктами, но так и не вернулся: по дороге с ним приключился сердечный приступ. Благодаря проезжавшей мимо француженке из

⁷¹ Анри Ле Со, «Духовный дневник», 24 декабря 1971 г.

⁷² Из неизданного дневника Свами Аджатананды.

«Шивананда ашрама», которая вызвала врача, он остался жив, а Свами Чидананда предоставил ему кровать и попросил мальчика по имени Нирмал присмотреть за ним. Состояние организма во время сердечного приступа, Абхишиктананда расценил в качестве «маленькой смерти», во время которой для него открылась внутренняя дверь в мир подсознания. Свами был убежден, что он стоит на пороге окончательного просветления, путь к которому начался на склонах священной Аруначалы:

«На самом деле, когда я лежал на тротуаре, открылась дверь в Небо. Но это Небо не было противоположностью земле, это была ни жизнь и ни смерть, а просто бытие, пробуждение... за гранью всех мифов и символов»⁷³.

Придя в себя, Абхишиктананда сразу вспомнил о Марке и попросил Нирмала срочно отправиться к Джйотилингаму, у которого медитировал Аджатананда. Он передал своему ученику письмо странного содержания, однако Аджатананда сразу понял, в чем дело, и поспешил к учителю. Текст письма был таким:

*«Марк,
Огненный столб Шивы
Возник предо мной
В субботний полдень
На базаре в Ришикеше,
И я до сих пор не понимаю,
Почему он не унес меня.
Радость, безмятежная радость,,
ОМ ТАТ САТ (ЭТОТ — БРАХМАН —
ЕСТЬ РЕАЛЬНОСТЬ)
ЭКАДРИШИ (взгляд, сосредоточенный на Одном)*

⁷³ Письмо Анри Ле Со Мюррею Роджерсу от 10 сентября 1973 г.

Экариши (единственный риши)

О!

Венчающая благодать!

ОМ!

С любовью»⁷⁴.

Аджатананда немедленно вскочил и направился в «Шивананда ашрам», поняв, что это было *«окончательное Просветление, за пределами всего, финальный взрыв»*. После перенесенного сердечного приступа Свами переехал в Индор, где о нем заботилась монахиня — сестра Теофания, не отходившая от Абхишиктананды ни на шаг. Было очевидно, что экстатические состояния, многодневные пешие переходы по Гималаям, активная деятельность истощили его организм, а сердечный приступ вконец подорвал его жизненные силы. Вечером 7 декабря 1973 г. Свами стало трудно дышать, и сестра Теофания пригласила доктора, которой велел ей сделать ему успокаивающий укол, если приступ повторится. Абхишиктананда чувствовал приближение своего ухода из этого материального мира, но он был удивительно спокоен: казалось, что он уже открыл для себя Высшую Тайну Бытия и готовился к легкому переходу в духовную сферу. В реальности Свами ждал не смерти, а достижения состояния окончательного единения с Абсолютом, *самадхи*. После ужина он причастился Святых Тайн, соединившись со Христом в Евхаристической Жертве, а в 8 часов вечера у него произошел еще один приступ. Сестра Теофания склонилась над Абхишиктанандой, который тихо произнес: *«Какая удивительная история, человек сделал все, что мог сделать, теперь все в руках Бога. Я готов»*. Затем он улыбнулся и добавил: *«Да свершится воля Бога. Сколько трудностей я вам принес!»* После этих слов Свами погрузился в глубокую медитацию: его дыхание пре-

⁷⁴ Письмо Анри Ле Со Марку Шадюку от 14 августа 1973 г.

рвалось, но сердце продолжало биться. Медитативный экстаз продолжался около 7 минут, во время которых над ним было совершено Таинство Елеосвящения, а затем он с миром оставил материальное тело. Было 11 часов вечера.

**Плита самадхи
(места упокоения)
Анри Ле Со (Свами
Абхишиктананды)
в «Сатчитананда
Ашраме».**

АНРИ ЛЕ СО: «В ЛОНЕ ОТЦА»⁷⁵

*В лоне Отца вечно Он жил,
В лоне Марии стал Человеком,
В лоне Церкви Он в душах ожил,*

⁷⁵ Первоначально Анри Ле Со написал это стихотворение для своей подруги Одетты Баумер и передал ей печатный оригинал. После смерти Одетты Баумер этот документ попал в руки сестры Паскалины Кофф, которая передала его копию Ширли дю Боле, автору известной биографии Свами Абхишиктананды, а оригинал направила автору этой книги.

Когда Он воскрес в пасхальное утро
 В лоне Отца,
 Когда Он воскрес через веру
 В глубинах сердец,
 Когда Он воскрес во Славе
 В совершенной плероме,
 Когда Он вернулся к Отцу,
 Где времени нет,
 Когда Он вернулся к братьям,
 Где время стремится вперед,
 Когда пробудился к Отцу,
 В лице каждого брата,
 Когда открыл Он себя каждому брату,
 И в сердце родился у каждого среди них,
 Повсюду Сын пробуждается к бытию,
 В силе Отца и Сына,
 К истинному Бытию
 В общении Духа.
 В сотворении мира,
 И во вращенье планет,
 В бытии человека
 И в истории народов,
 В росте каждого
 И в росте народов,
 В развитии империй
 И в стремлении человека к Истине и Добру,
 В поглощении многочисленных миров,
 Сын, пребывающий в лоне Отчем,
 Пробуждается к Бытию.
 Перед началом Времен,
 Со времени начала Времен,
 Во время Времен
 И за пределами Времени,
 Там, где мысль человека парит в размышлении,
 Там, где его Дух слабеет и падает,
 В тишине Начала,

*В Божественном Одиночестве,
В Сотворении и Воплощении,
В нисхождении во Славе и в ниспослании Духа,
В приготовлении того, что грядет,
В каждом шаге паломничества Церкви,
В каждом шаге преданности Церкви,
В каждом шаге человека к Церкви,
В самом преображении Церкви во Славе,
В конечной Плероме,
В мире Вечности,
В осуществлении Любви,
В радости Господа, когда все вернутся домой,
Сын, пребывающий в лоне Отчем,
Пробуждается к Бытию.
Существует только одна Реальность,
Общение Жизни,
Между Отцом и Сыном в единстве Духа,
В лоне Отчем,
Ибо только Он существует, и все сущее в Нем,
И только в Нем.
ОМ*

III. ДОРОГА К ЦЕНТРУ

1. Roma Locuta

В XX в. Католическая Церковь прошла долгий и тяжелый путь: от консерватизма «эпохи итальянских Пиев» с его антимодернистской присягой до межрелигиозных встреч в Ассизи, когда на алтаре христианского храма появился медитирующий Будда. Начало «великого потепления» в западной духовной жизни связано с вступлением на престол святого Петра Иоанна XIII (в миру Анджело Джузеппе Ронкалли), который под влиянием идей современных ему теологов осознал необходимость диалога с другими христианами, с представителями нехристианских религий и, наконец, со всем миром. Европейский католицизм уже и так находился, с одной стороны, в состоянии глубокого кризиса, вызванного массовым отходом от веры жителей большинства стран региона, а с другой стороны, на пороге нового взрыва тенденций к обновлению и реформированию Церкви, которая более не отвечала требованиям времени. Уже невозможно было отрицать ту роль, которую играют другие великие религии в формировании духовного облика человечества, и тем более сводить сравнительное религиоведение к простым попыткам доказать ложность иных учений. В 1962 г. в Риме Папа Иоанн XXIII созвал очередной Вселенский Собор, который получил название II Ватиканского Собора. Этот Собор радикально отличался от всех предыдущих церковных Соборов и конференций: на него были приглашены представители других направлений христианства, а сама его работа проходила под знаком максимальной открытости и прозрачности. В католических кругах до сих пор используется выражение «дух

II Ватиканского Собора» — самое удивительное то, что большинство делегатов были уверенными консерваторами до начала Собора, но, войдя в базилику святого Петра, они высказывали самые передовые на тот период времени мысли. Свами Абхишиктананда писал, что *«во II Ватиканском Соборе есть такое дыхание Духа, которое Церковь вряд ли испытывала в прошлом»*⁷⁶.

Иоанн XIII и до Собора вызывал уважение большинства католиков мира, а в Италии он был национальным героем. Итальянцы называли его «Добрый Папой», а сразу же после его смерти 3 июня 1963 г., он стал именоваться в народе «блаженным» (этот титул был официально подтвержден Церковью, которая провозгласила понтифика таковым вскоре после его ухода). И все-таки, несмотря на то что многие документы Иоанна XXIII во многом предвосхищали решения II Ватиканского Собора (например, энциклика «*Racem in Terris*», в которой Папа развивал принципы мирного сосуществования народов и культур), большинство идей его отцов оказались сюрпризом для очень многих и даже привели к схизматическим расколам противников нововведений: самый громкий из этих скандалов, связанный с деятельностью ультраконсервативного архиепископа Марселя Лефевра, отлученного в 1980-е гг. от Церкви Иоанном Павлом II, до сих пор не утих. К сожалению, сам Иоанн XIII так и не смог официально провозгласить ни одного из соборных постановлений: он умер в самый разгар работы Собора, уступив место своему преемнику Павлу VI, которому предстояло провести радикальную реформу церковной жизни. 21 ноября 1964 г. Павел VI обнародовал один из самых важных документов Собора — догматическую конституцию «*Lumen Genitum*» (о Церкви в современном мире), в которой впервые за много веков Рим признавал, что

⁷⁶ Письмо Анри Ле Со Марии Франсуазе-Терезе от 10 октября 1963 г.

«...к католическому единству Народа Божия... призваны все люди; ему по-разному принадлежат или соотносятся с ним и верные католики, и другие верующие во Христа, и, наконец, все люди без различия, предназначенные благодатью Божией ко спасению...»⁷⁷

Стоит отметить, что, конечно, этот документ не предлагал четкого и однозначного учения о спасении: его сотериологическая составляющая весьма расплывчата и может иметь много толкований, но этот текст стал важной зацепкой для многих теологов, пытавшихся обосновать свои позитивные представления о других религиях. Именно тогда вошло в обиход выражение «люди доброй воли», которое указывает, прежде всего, на нехристиан, которые также достойны познания Истины и спасения в христианском смысле. Таким человеком, например, по мнению Иоанна Павла II, был Махатма Ганди, «индус и индуист, по-своему глубоко проникнутый евангельским духом...»⁷⁸ Центральным понятием католической мысли после II Ватиканского Собора стало понятие диалога: Бог установил диалог с миром, и Церковь также должна вести этот «диалог спасения»:

«Такой диалог христиане должны вести не только между собой, но и с другими, нехристианскими религиями, со всем миром культуры и цивилизации, вплоть до тех, кто вообще не верует. Ибо Истину нельзя ограничить. Она — для всех и для каждого»⁷⁹.

Ключевой документ, касающийся отношения Католической Церкви к нехристианским религиям, и узаконивающий практику инкультурации и диалога, которую вели монахи-бенедиктинцы, был принят 28 октября 1965 г. и назывался он традиционно по первым словам

⁷⁷ «Lumen Genitum», XIII.

⁷⁸ Иоанн Павел II, «Переступить порог надежды», XIII.

⁷⁹ Там же, XXV.

текста «Nostra Aetate», «в наши времена». Основная мысль документа была выражена во втором разделе и стала поистине революционной:

«Католическая Церковь не отрицает ничего, что истинно и свято в этих [нехристианских] религиях. Она с искренним уважением рассматривает те... правила и учения, которые... приносят нередко луч Истины, просвещающий всех людей»⁸⁰.

Однако стороннее декларативное уважение не было самоцелью: к тому моменту стало ясно, что Церковь должна вести и какие-то активные действия в отношении всего многообразия религий на земле, поэтому далее Декларация говорит и о том, что

«Она (Церковь) увещает своих чад, дабы они с благоразумием и любовью, через диалог и сотрудничество с последователями иных религий... признавали, охраняли и продвигали находящиеся у тех духовные, нравственные и социокультурные ценности»⁸¹.

Важно помнить, что все эти идеи возникли не на пустом месте: в течение многих десятилетий католические теологи размышляли на эти темы и приходили к очевидному выводу, что существует некое общее начало у всех религий, некий Центр, в котором и сосредоточена надконфессиональная Абсолютная Истина и о котором впоследствии много писал отец Беда Гриффитс, сменивший на посту настоятеля «Сатчитананда ашрама» Анри Ле Со. «Nostra Aetate» называет этот Центр «Таинственной Силой»:

«От самых древних времен по сей день существует у различных народов некое восприятие той таинственной силы, которая присутствует в ходе вещей и в событиях человеческой жизни, иногда даже признание Верховного

⁸⁰ «Nostra Aetate», II.

⁸¹ Там же.

Божества или Отца. Это восприятие и признание пронизывает их жизнь глубоким религиозным содержанием»⁸².

Мысль о Центре развивает Павел VI в энциклике «Ecclessiam Suam», где говорит о кругах диалога спасения, в центре которого стоит Христос, а далее концентрически соотносятся с Ним на разном уровне различные религии. Активное влияние на ход Собора оказали такие передовые мыслители, как Тейяр де Шарден, Ив Конгар и Анри де Любак, который некогда принадлежал к тому же кругу философов, что и отец Жюль Моншанен (таким образом, отцы Шантиванама были не только пионерами межрелигиозного диалога, но и имели тесную связь с развитием всемирной католической теологии). Интересно, что в ходе подготовки некоторых соборных документов принимал участие и будущий Папа Иоанн Павел II, Кароль Войтыла, который завязал тесную дружбу с отцом де Любаком. В своих воспоминаниях Иоанн Павел II пишет:

«Особенно я обязан отцу Ивару Конгару и отцу Анри де Любаку. Помню и сегодня, как отец де Любак поощрял меня не отступаться от той линии, которая обозначилась благодаря моему участию в дискуссии. Это было уже во время собрания в Ватикане. С тех пор я особенно подружился с отцом де Любаком»⁸³.

II Ватиканский Собор не провозгласил ни одной анафемы и не сделал ни одного догматического постановления. Многие консерваторы, не принявшие решений Собора, используют этот факт, чтобы доказать их недействительность. Следует, однако, обратить внимание на тот факт, что для большинства католиков неординарность события стала очевидной: *«На Соборе Святой Дух говорил Церкви во всей ее целостности, в ее все-*

⁸² «Nostra Aetate», II.

⁸³ Иоанн Павел II, «Переступить порог надежды», XXIV.

*общности»*⁸⁴. Главным практическим последствием Собора стало открытие дверей Церкви для новых идей, для «нового видения Реальности», о котором говорил отец Беда Гриффитс, уже находившийся ко времени проведения Собора в индийском монастыре Курисумала в штате Керала. Поскольку мы говорим об опыте христианских монахов в Индии, мы должны упомянуть о том, что индийское христианство всегда было довольно открытым и гибким, и не случайно, что опыт инкультурации и диалога уже принес богатые плоды. Слова отцов Собора о том, что *«в индуизме люди исследуют Божественную Тайну и выражают ее неисчерпаемым богатством мифов и прозрениями философии, они ищут освобождения от тревог нашего существования либо в формах аскетической жизни, либо через глубокое размышление, либо прибегая к Богу с любовью и упованием»*⁸⁵ лишь придали этому опыту официальный статус и значительно упростили жизнь христианских *ашрамов*, в том числе и «Сатчитананда ашрама», что создало благодатную почву для деятельности Беды Гриффитса, ставшего третьим выдающимся отцом Шантиванама.

2. Путь отца Беды

Будущий *Ачарья* «Сатчитананда ашрама» появился на свет в Англии в 1906 г. В отличие от своих французских предшественников, Свами Абхишиктананды и Свами Парам Аруби Ананды, его семья, хоть и принадлежала к среднему классу, жила довольно бедно, и маленький Алан (именно так звали Гриффитса в миру) с детства познал горести бедных и радости простых людей, что во многом определило его будущую жизнь и направление духовного поиска. Ко всем бедам семьи

⁸⁴ Иоанн Павел II, «Переступить порог надежды», XXIV.

⁸⁵ «Nostra Aetate», II.

Гриффитсов добавлялось то, что отец Алана рано обанкротился и оставил семью на попечение матери, которой пришлось устроиться на работу, чтобы прокормить троих детей — двух мальчиков и девочку. Гриффитсы не могли позволить себе дать детям приличное образование, и в возрасте 12 лет Алану пришлось поступить в школу для детей бедноты, принадлежащую Церкви и располагавшую также благотворительной больницей. Школа называлась «Christ Hospital» и в ней обучались исключительно мальчики. Как правило, такие школы для мальчиков не дают ни хороших знаний, ни должного воспитания: среда совершенно не располагала к образованию, и все-таки Алан Ричард Гриффитс извлек наибольшую выгоду из своего пребывания в этом учебном заведении: он достиг успехов во многих науках и завоевал уважение учителей и товарищей. По окончании школы Гриффитсу удалось получить оксфордскую стипендию и отправиться в один из лучших университетов мира для продолжения образования. В качестве основных учебных дисциплин Алан избрал английскую литературу и философию: его склонность к гуманитарным наукам и размышлениям над смыслом бытия нашла здесь максимальное приложение. Оксфордское образование в будущем сыграет важную роль в распространении наследия отца Беды: сегодня изучение некоторых его работ входит в учебную программу университета, который, несомненно, гордится своим великим выпускником. По работам Гриффитса нетрудно понять, что он прекрасно владел классическим английским языком, его так называемым «оксфордским вариантом», с особым грамматическим строем и использованием соответствующей лексики. Во время обучения в Оксфорде Алан Гриффитс много размышлял о том, как современное общество в условиях научно-технической революции влияет на сознание человека. В те времена в кругах христианской молодежи были весьма популяр-

ны работы французского иезуита отца Пьера-Тейара де Шардена, который развивал *адвайтические* идеи независимо от восточной мысли (что само по себе удивительно: несмотря на свое многолетнее изгнание в Монголию и Китай, он так и не позаимствовал никаких элементов местной культуры и религии). Первое, что очень четко осознал Тейар еще в юности, было ощущение сакральности природы: природа — не только мертвая материя, но и некий живой организм, наша Мать, проявление Божественной Энергии. Эта идея оказалась близка и Алану Гриффитсу, который впоследствии развил ее во многих своих работах. Все священно и все есть проявление Божественного — эта мысль красной нитью проходит через всю жизнь обоих философов. Второе важное прозрение Тейара заключается в том, что в основе процесса развития Вселенной, в основе эволюции лежит некая Сила, исходящая из Высшего Источника и ведущая единый космический организм от неживого к живому и от живого к разумному. Эта Сила получила название «радиальной энергии», а сам организм Тейар описывал так: *«взятое в целом живое вещество, расползающееся по Земле, с первых же стадий своей эволюции вырисовывает контуры одного гигантского организма»*⁸⁶. Тейар де Шарден по праву считается основателем христианского эволюционизма, но самое интересное в его теологической парадигме — это эсхатология, учение о финале материального бытия нашего мира. Он считал, что живое на нашей планете развивается от разрозненного в сторону единения, то есть атомы образуют молекулы, молекулы клетки, клетки организмы, а организмы, в свою очередь, должны организовать единый общепланетарный организм, который, достигнув вершины своего эволюционного развития, обретет недвойственное единство с Космическим Христом: этот момент и станет вторым пришествием и

⁸⁶ Пьер Тейар де Шарден, «Феномен человека».

«точкой омега». Тейар оптимистично смотрел на научно-технический прогресс человечества: по его мнению, стремление цивилизации к информационному единству есть важный шаг к Высшему Единству. И именно в этом вопросе их пути с Аланом Гриффитсом разошлись: в очень раннем возрасте Алан ощутил острую недостаточность сакральности и искренности в так называемом цивилизованном обществе. Да, научно-технический прогресс принес много важных открытий и достижений — но вместе с тем он разорвал связь с природой, связь с истинным «Я» человека.

«Конечно, все эти тенденции имеют и положительную ценность, но они спровоцировали насильственный разрыв с санатана-дхармой, Божественным Порядком, которым должен руководствоваться человек в своей жизни»⁸⁷.

Многие молодые люди поколения Гриффитса задумывались об этих недостатках, а в 1960-е гг. кризис мировоззрения техногенного общества и вовсе привел ко всемирному бунту молодежи, выразившемуся в появлении движений хиппи. Можно сказать, что Алан и несколько его друзей еще в самом начале прошлого столетия предвосхитили этот бунт: пытаясь сбежать от цивилизации, они планируют по окончании учебы начать общинную жизнь в какой-нибудь деревне. В 1929 г. Гриффитс получает университетский диплом по специальности «Журналистика» и пытается осуществить свою мечту. Мир, в котором он живет, кажется ему нереальным, и он разрывается между различными объяснениями этого явления, меняя свои взгляды от социалистических до агностических.

«Иллюзия этого мира — мира науки и технологии, машин и самолетов, радио и телевидения, телефонов и кино, компьютеров и космических полетов, контрацепции и

⁸⁷ Беда Гриффитс, «Возвращение к Центру», XIV.

атомных бомб — все это создает мир иллюзии, для которого человек должен умереть, чтобы познать Истину»⁸⁸ —

эти слова, написанные десятилетиями спустя после описываемых событий, как нельзя лучше характеризуют состояние молодого человека. Вскоре после выпуска из университета Алан со своими друзьями все-таки приобретает небольшой домик в старом провинциальном местечке Коствальдс, и они начинают свой знаменитый эксперимент. Их опыт чем-то напоминал опыт первых христианских монахов, а чем-то образ жизни будущих хиппи. Два принципа, которые объединяли друзей, состояли в неприятии цивилизованного стиля жизни и в единении с природой. Все это осуществлялось на основе общности интересов и быта, взаимопомощи и братских отношений между членами этой маленькой коммуны. Протестные, бунтарские настроения не мешают строить в Коствальдсе поистине духовный образ жизни: день молодых людей начинался и заканчивался совместной молитвой, кроме того, они тратили много времени на изучение Библии и других источников вдохновения, которое состояло, прежде всего, в медитативном чтении этих книг и размышлениях над их связью с человеческой жизнью и природой. Гриффитс и его друзья содержат коров, и живут на деньги, вырученные от продажи молока: пастушеский быт идеально соответствует их умонастроению. По мере приобретения внутреннего опыта они все больше и больше восхищались связью человека и природы, ярко выраженной в их собственном эксперименте. Несомненно, что именно Коствальдс проложил для Гриффитса дорогу в мир монашества, а затем и *санньясы*, где это всеединство особенно очевидно. Некоторое время спустя Алан почувствовал особое призвание к духов-

⁸⁸ Беда Гриффитс, «Возвращение к Центру», XIV.

ной жизни и решил посвятить себя священническому служению. Будучи членом Церкви Англии, он подает заявление на рукоположение в англиканские священники и после непродолжительной подготовки становится пастором. Поскольку Гриффитс уже имел высшее оксфордское образование, ему не надо было проходить курс обучения в семинарии: в Великобритании Церковь является государственным институтом и система образования в те времена была напрямую связана с религией. Молодой англиканский священник был направлен на работу в трущобные районы Ист-Энда британской столицы, где проживала преимущественно лондонская беднота. В довоенные годы ее положение было поистине ужасающим: кризисы перепроизводства, связанные с бесконтрольным развитием капитализма, приводили многие семьи к разорению, ставя их на грань выживания, что касается тех, кто изначально рождался в семьях с низким достатком, то им было весьма трудно найти свое место в жизни, ведь без хорошего образования путь в «общество равных возможностей» был для них закрыт. Алан Гриффитс был до глубины души потрясен положением жителей этих кварталов: первые дни он вообще не мог прийти в себя от ужасов, свидетелем которых ему пришлось стать. Если существует добрый справедливый Бог, то почему же невинные люди так страдают? В душу священника прокрадывались агностические мысли, которые уже становились предметом его размышлений несколько лет назад. Другой вопрос, который мучил Алана: можно ли наслаждаться жизнью, зная, что основа этого наслаждения и благосостояния закладывается в таких мучениях? Для него несомненным фактом стало то, что капитализм — априори порочная система, ведь даже само слово, используемое для его определения, имеет корень «капитал», то есть «деньги», нечто материальное, а вовсе не человеческая личность. Все вращается вокруг

материальных (а точнее, материалистических) ценностей. По мнению Гриффитса, социализм — система более высокого уровня, хотя и она не идеальна, но в основе ее хотя бы лежит понятие общества, социума, а значит, косвенно, и человеческой личности. Конечно, дефект этой системы в марксистском понимании заключается в том, что марксисты всех направлений основывают ее опять же на материалистическом понимании человека, но, возможно, это разрешимо путем диалога. Напомним, что к подобным же выводам приходил и Жюль Моншанен, путь которого во многом напоминает путь Гриффитса. Очевидно, просоциалистические (и даже прокоммунистические, как у Моншанена) тенденции были свойственны искренним философам того времени: ведь несомненным было то, что капиталистическая система давала трещину и кризис мироустройства, основанного на деньгах и материальных ценностях, был не за горами. Не имея возможности изменить положение своих подопечных, но, в то же время, не чувствуя в себе способности более находиться в этом обществе, полном страданий и разочарований, отец Алан обращается к духовным практикам, что, разумеется, было естественным выходом для священника. Он совершает многодневные посты и посвящает большую часть своего времени молитве. Очень часто его медитативные усилия приводят к экстатическим состояниям, в которых он обретает иное видение реальности, чем ему было свойственно все предыдущие годы. Некоторые из его медитаций спонтанно напоминали духовные упражнения святого Игнатия Лойолы, в которых основатель Ордена иезуитов представлял себя участником библейских событий, ставя себя на место различных героев священной истории. Гриффитс размышляет над тем, что (или кто) находится в центре его бытия: он сам или нечто иное? Западный менталитет предполагает, что личность человека, его ложное эго

определяет его суть, но Алан уже не чувствовал себе в центре всего. Парадоксально, но наше «я» не является «я» в полном смысле этого слова, у нас есть некий другой, глубинный Центр, возвращение к которому и есть смысл нашего существования. Тема Центра стала основополагающей в жизни Гриффитса, и его фундаментальный труд, растиражированный сегодня по всему миру, называется «Возвращение к Центру». Сам *Свами* впоследствии вспоминал эти мгновения, пережитые тогда в Лондоне, с особым чувством, ведь они стали началом его собственного пути к Центру: «*Я уже не мог поставить себя в центр собственной жизни!*»⁸⁹ В один из вечеров Алан как всегда медитировал на вновь обретенное истинное «Я» и удостоился особого Откровения: подобно святому Бенедикту или древним *риши*, он вдруг ясно осознал то, о чем так долго размышлял. Занимаясь духовными упражнениями, он вдруг мысленно оказался у подножия Креста, причем прочувствовал абсолютную всепроникающую реальность происходящего. Он ощутил, что Крест — это не просто символ, это само реальное присутствие Высшей Силы, которая сосредоточилась в самом его сердце. Гриффитс безраздельно предался Распятому, поставив его в сердце своего существования. Это было ощущение «истинной молитвы» и именно этот момент он счел своим «возвращением к Центру».

Осознав Тайну Бытия, Гриффитс разорвал клубок противоречий и сомнений, которые его мучили. Теперь он мог вернуться к своей повседневной деятельности и служению в новом качестве, будучи способным передать другим тот духовный опыт, который приобрел он сам. В конце 1920-х гг. он начинает ощущать некую неполноценность англиканства и вообще протестантизма, оторванного по политическим мотивам, прежде всего, от единого стержня, которым является католиче-

⁸⁹ Паскалина Кофф, «Поэт, мистик, человек».

ское единство христианского мира. Ему кажется, что, оторвавшись от Церкви Матери, протестантские церкви потеряли мистическую составляющую, которая была свойственна католическим мистикам, например Хуану де ла Крузу, Терезе Авильской, Фоме Кемпийскому и другим (при этом надо отметить, речь здесь вовсе не идет о римском клерикализме или о симпатии к консервативному католическому духовенству: вплоть до своего ухода Беда Гриффитс довольно критически и скептически относился к официальной церковной иерархии; отец Алан симпатизирует именно мистической, внутренней общности Церкви, сплоченной вокруг Рима, который также является своего рода «Центром»). Будущий *Свами*, таким образом, обращается к опыту Католической Церкви и, помимо прочего, увлекается чтением популярных тогда католических авторов, прежде всего, книгами кардинала Ньюмена. Такая литература, а также интенсивные медитативные размышления, окончательно убеждают его в необходимости вернуться в лоно Римской Церкви, о чем позже он напишет:

«Протестантизм разрушил органическое единство мистического Тела Христова, этот божественно-человеческий порядок, который Церковь установила на Западе, и каждый человек стал изолированной индивидуальной личностью. Рационализм освободил человеческий ум от Божественного и закрыл каждого человека в рамках его собственного разума»⁹⁰.

Конечно, сказать, что Гриффитс полностью отбирал у протестантизма «мистическое зерно» и спасительную благодать, было бы несправедливым, он, помимо прочего, писал, что *«католицизм, православие и протестантизм в рамках христианства со своей теологией суть различные способы выразить Единую Истину Открове-*

⁹⁰ Беда Гриффитс, «Возвращение к Центру», XIV.

ния»⁹¹, но все-таки видел в этом направлении христианской религии некую недостаточность, а сам раскол рассматривал преимущественно в негативном свете:

«...гениальные люди, которым не хватило мудрости, как Лютер и Кальвин... выпустили на свободу неисчислимые силы зла»⁹².

Алан очень хорошо прочувствовал, что, хотя у истоков протестантизма лежали благие намерения, а именно: реформировать Церковь, победить в ней всяческие предрассудки, лишить ее государственной власти, которую она пыталась узурпировать, все-таки Реформация была напрямую связана с появлением и развитием капитализма с его индивидуалистическим мировоззрением: в реальности это был настоящий отход от Центра, объединяющего всех людей, и переход от общинного мышления, со взаимной ответственностью людей, по крайней мере, принадлежащих к одной религии (а то и ко всему человечеству), к эгоистическому индивидуализму, при котором даже Христос превратился из «Redemptor Mundi»⁹³ в «личного Спасителя». Таким образом, сам Алан Гриффитс принял твердое решение стать католиком, сложив с себя свой священнический сан (до некоторого времени, разумеется), и в рождественскую ночь 1931 г., в возрасте 25 лет принял первое причастие в Католической Церкви.

С первых же дней своего пребывания в Церкви Алан Гриффитс стал живо интересоваться бенедиктинской монашеской духовностью: неподалеку от того места, где он жил, находилось старинное бенедиктинское аббатство Принкнеш, куда он периодически навещался для общения с монахами и знакомства с их образом жизни. Созерцательность бенедиктинцев очень хорошо соот-

⁹¹ Беда Гриффитс, «Возвращение к Центру», XV.

⁹² Там же, VII.

⁹³ «Искупитель мира» (лат.).

ветствовала предыдущей духовной практике молодого человека: он уже имел опыт общинной жизни в Коствальдсе, практиковал духовные упражнения и испытывал особые экстатические переживания «возвращения к Центру», поэтому у него не оставалось сомнений в том, что его судьба должна быть связана именно с этим Ордемом. 20 декабря 1932 г. он поступил в новициат монастыря, во время которого человек испытывал свою пригодность к монашескому образу жизни и по окончании которого он мог либо принести вечные обеты, либо вернуться к мирскому образу жизни. Новициат мог продолжаться от года до нескольких лет, в зависимости от устроения кандидата. Поступив в монастырь, Гриффитс принял новое духовное имя — Беда, с которым и стал известен впоследствии. Это имя обладает особой энергетикой, как модно сейчас выражаться, и сыграло значительную роль в английской истории: один из важнейших английских святых, Беда Достопочтенный, имеет для Англии такое же значение, как Кирилл и Мефодий для славян: этот раннесредневековый монах составил знаменитую «Церковную историю народа англов», которая и по сей день остается краеугольным камнем нашей исторической науки, на которой основана львиная доля современных сведений о жизни, культуре, и языке англосаксов. Послушничество Беды Гриффитса в монастыре Принкнеш длилось 5 долгих лет, после которых в 1937 г. он принес свои вечные обеты, а еще 3 года спустя он был рукоположен в священники. В 1940 г. в возрасте 34 лет отец Беда Гриффитс отслужил свою первую святую мессу в стенах родного монастыря. Подтвердив своей жизнью репутацию высокодуховного, образованного и ответственного священника, в 1947 г. он был назначен приором бенедиктинского аббатства Фарнборо, а затем другого монастыря, находившегося в Шотландии. Годы пребывания в Фарнборо не прошли для отца Беды даром: помимо обычной христианской

духовной практики, которая отличалась в его исполнении особенной неподражаемой глубиной, о чем свидетельствуют воспоминания его друзей и монахов, деливших с ним его призвание, он познакомился с элементами сакральных культур других народов. Англия — страна, которая со Средних веков славилась своими путешественниками и неизменным интересом к далеким цивилизациям, а в эпоху колониализма английские миссионеры буквально наводнили самые отдаленные уголки планеты, привозя в метрополию некоторые обрывки сведений о религиях населяющих их народов. Монастырь Фарнборо был признанным духовным центром страны, и иногда его посещали священники и монахи из других городов и стран, поэтому у отца Беды не было недостатка информации. Два знакомства, которые он завязал в аббатстве, определили его дальнейшую судьбу: это были встречи с индийским священником Бенедиктом Алапоттом и с Тони Сассман, занимавшейся изучением истории и религии народов, населяющих полуостров Индостан. Отец Алапотт неплохо разбирался в индуизме — религии своих предков, и, как и большинство индийских христиан, применял некоторые особенности индуистской философии и практики в своей повседневной христианской жизни. Что касается Сассман, то она в те времена активно изучала Священные Писания Индии — Упанишады и «Бхагавадгиту», находя много общих моментов между ними и Евангелием и трудами европейских христианских мистиков. Эти два человека — священник и ученый — вдохновляют Гриффитса на глубокое исследование восточной философии: священник начинает заниматься *йогой*, стараясь получить как можно больше информации об этой науке гармонизации материи и духа из всех доступных ему источников, а также знакомиться с шедеврами индийской духовной литературы. «Бхагавадгита» оставила глубокий след в сердце отца Беды, и он впоследствии не раз обра-

**Бедя Гриффитс,
с разрешения
«Bede Griffiths Trust».**

щается к этой книге, ставшей для него неиссякаемым источником вдохновения. Стараясь преподать ее вечную мудрость христианской цивилизации, западному миру, он всю жизнь занимается подготовкой к написанию своих комментариев к этому произведению, которые теперь известны под названием «Реки Сострадания». Однако в то время Гриффитсу кажется недостаточным просто интересоваться индийской цивилизацией, наблюдая ее со стороны. Он хочет полностью погрузиться в эту среду, вкусив в полной мере ее духовность и стать частью общества, наследующего прозрения древних *риши*. Он подает прошение о назначении его в миссионерскую поездку в Индию, однако получает отказ. Пройдет еще почти десятилетие, пока переговоры с церковным руководством не увенчаются успехом. Наконец в 1955 г. судно с Бедой Гриффитсом на борту отправляется в столицу штата Махараштра и крупнейший порт Индии, город Бомбей.

БЕДА ГРИФФИТС: «ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЦЕНТРУ»⁹⁴

Сегодня я бы хотел поговорить о возвращении к центру. С самого начала истории человечества люди находились в поиске центра общения с Богом, общения с Духом Бесконечности. Этот поиск восходит к временам палеолита: за 50 000 лет до Рождества Христова люди уже искали этот центр. И я чувствую, что сегодня мир потерял этот духовный центр, в современном мире больше нет духовного центра. Могут быть индивидуальные центры, но у мира, как у единого целого, такого духовного центра нет. Вот почему мы так ужасно разделены. Мир потрясают конфликты и непонимание — рушатся империи и происходят другие события — и для нас очень важно найти духовный центр, который соединит нас с Богом и объединит человечество. Он станет связующим звеном для всех людей.

Эпоха мегалитов

В истории цивилизации существовали различные центры, и мне кажется, что первый из них появился в эпоху мегалитов. Я не знаю, известны ли вам эти огромные каменные круги, которые можно найти почти во всех точках земного шара: гигантские каменные столбы, выстроенные по кругу. В Англии это Стоунхендж, расположенный недалеко от Сэлisbury, где я когда-то жил. Стоунхендж — это прекрасный пример. По-моему, он был построен за 3000 лет до рождества Христова; камни этого гигантского круга весят сотни тонн. Как этот комплекс был построен, никто не знает. Это удивительно, но это так. И сегодня все признают, что это был центр; это было место, где человек мог почувствовать свое единство с Вселенским Духом. Вы отделяете место,

⁹⁴ Текст представляет собой расшифровку лекции Беды Гриффитса, которую он прочитал в Перте (Австралия) в 1993 г.

tenetos, отгораживает его от остального, непосвященного мира, и пытаетесь найти священный центр. В древнем мире вся Вселенная считалась священной: земля, небо, море, однако также были особые места, где человек мог особым образом прикоснуться к священному, так и появлялись мегалиты. Мегалиты есть также на Мальте, в Испании, на побережье Бретани во Франции, в Англии (помимо знаменитого Стоунхенджа), в Норвегии и Швеции, кажется, в Японии и в Океании на знаменитом острове Пасхи. Так что во всем мире есть эти мегалиты. Раньше была теория, что они пришли из Египта, но сегодня известны более древние мегалиты, чем египетские пирамиды, которые строились в 4000—5000 гг. до Рождества Христова. Было некое движение, которое распространилось по всему миру, создавая эти центры. Возможно, это происходило на коммерческой основе. Например, Корнуолл в Англии славился месторождениями олова, и, возможно, люди искали там металлы. Так что, не исключена возможность того, что за этими постройками стояли светские причины. Но эти причины не важны, самое важное, что это были священные центры.

Следует добавить, что это сохраняется в Индии, где все считается священным. В Австралии или Америке ничего не считается священным. Все является мирским. Но в Индии, как я уже говорил, земля священна. Индийцы никогда не начнут распахивать рисовое поле, не проведя соответствующие обряды. Перед тем как посеять рис, они просят меня прийти и провести обряд благословения поля. Или, если они начинают строить дом, они делают окна и двери, но когда приходит время установить эти двери, они зовут меня, чтобы я благословил их. Они все освящают. Все необходимо благословлять. Мы не должны заканчивать работу, не предложив ее Богу. Интересно, что, когда мы создали деревенский кооператив, в который вошли 200 или 300 ткачей, я приходил на их собрания, и каждая встреча начиналась с молитвы одному из инду-

истских богов, и даже бухгалтерская документация освещалась, потому что ничто не должно было выходить из «священной зоны». Вот в чем смысл: куда бы люди ни шли, они создают священные места, начиная с 5000 г. до н.э. и до наших дней.

Горы и храмы

Другим центром является гора. Небо всегда считалось великим источником священного. Священное всегда нисходит с небес. А гора — это место, где человек ближе всего к небу, к священному, так что горы всегда считались священными. Очевидный пример — гора Олимп в Греции. В Индии гора Меру считается центром Вселенной. Это еще одна мысль: горы — это центры Вселенной. Люди не обладали большими знаниями о мире, а в горах они приближались к высшей святости и, таким образом, находились в центре всего мира. Так что горы священны, и, например, наш ашрам находится неподалеку от реки, и рядом есть два холма, один из которых возвышается прямо над равниной, и на нем находится храм Шивы, в близлежащей деревне также находится храм Шивы, и на другом холме возвышается храм. Мы окружены святыми местами: на холме храм, и в Индии практически в каждой деревне есть храмы, которые становятся местами духовного бодрствования. Такова реальность: вы всегда осознаете священный характер всех этих вещей. Так что гора — одно из таких мест.

Храм — это, несомненно, священное место, но дворцы царей также священны, потому что в Индии все цари — священные личности. Интересно, что в одном из дворцов есть три спальни. Первая из них — это обычная спальня царя, вторую он использует, когда постится, а в третьей испытывает единство с Богом. Таким образом, присутствуют три уровня: земной, средний и высший. И конечно, в Англии даже в наши дни королей и королев коронуют в Вестминстерском аббатстве. Сегодня этому не

придают большого значения, но иногда это нечто очень важное. Король — это не просто человек, которого вы выбрали, чтобы править вами, он — личность, помазанная Богом. Его власть исходит от Бога. Конечно, в таких представлениях кроется очевидная опасность, поэтому мы так часто свергаем королей, но, в то же время, это способ объединения людей через центральную фигуру. В этом есть некоторая ценность.

Теперь о Греции. Греки не были особенно религиозны, но вы знаете, что когда основывался город (а греческий мир состоял из многих городов-государств), туда вносился священный огонь, который помещали в святилище, и он становился центром. Я думаю, вы знаете, что когда во время Олимпийских Игр огонь доставлялся в Афины, это было тем же самым. Спорт также священен. В этом мире нет ничего, что бы не было священным. Таковы примеры из древнего мира.

Места паломничества

В нашем современном мире до сих пор есть священные места. Иерусалим: большинство западных людей (евреи и христиане) считают Иерусалим центром. Он был и остается местом паломничества тысяч людей. Далее, Рим: в течение всех Средних веков Рим был священным центром; удивительно, что все хотели посетить Рим, поскольку считается, что там похоронен святой Петр, а если человек где-то похоронен, то он остается в этом месте, он не уходит, он всегда присутствует там. Вы входите в присутствие. Возможно, я уже упоминал, что в Индии вы идете к святому человеку не для того, чтобы послушать его, или с другой целью, а для того, чтобы получить даршан, его присутствие, а его присутствие есть присутствие Самого Бога в нем. У нас всегда было ощущение, что святой человек — это личность, в которой присутствует Сам Бог. И я уже, наверное, говорил, и это очень трогательно, что я ношу эту одежду, кави, ее цвет свя-

щенен в Индии, и если вы ее носите, то вы посвященная личность, и индусы часто приходят и простираются передо мной, потому что видят во мне Бога. Это действительно очень трогательно. Они поклоняются не мне, а Богу, Который присутствует здесь.

У нас есть такие места, как Иерусалим и Рим, а в Индии это, конечно, Бенарес, также известный как Варанаси. Верующий индуус желает омыться в реке на берегах Бенареса и быть кремированным там. Другой аспект заключается в том, что все воды священны, а купание это также способ смерти. Вы входите в воды священной реки Ганги, вас кремируют на ее берегах, а ваш пепел развеивается над рекой. Так что, видите ли, Бенарес остается таким центром. Мекка также очевидный пример. Священный камень Кааба веками находился там, а затем вокруг него была построена мечеть. Вся мусульманская духовность сосредоточена на Каабе. И конечно, раз в жизни каждый мусульманин должен совершить паломничество по святым местам, в которых зародился ислам. Все это имеет глубокое значение, сокрытое в глубинах души, это не просто путешествие — это ответ на глубокую необходимость найти Бога, найти место, где присутствует Бог. В Библии говорится, что Иаков увидел во сне, как ангелы двигались вверх и вниз, а затем, когда он проснулся, то сказал: «Должно быть, в этом месте присутствует Бог». Он назвал это место «Бетель», «Дом Бога» и установил там столб. Это типично — место, где он увидел видение, стало священным. Я думаю, что история любого индуистского храма началась с такого события — что-то произошло, место стало священным, и там был построен храм. Таким образом, люди всегда находятся в поиске священного, и, говоря о католицизме, я мог бы упомянуть Лурд, где произошло видение Девы Марии, и год за годом миллионы людей направляются туда. Там происходят удивительные вещи и для многих людей это место священо. Это центр. Конечно, для като-

ликов Рим по-прежнему носит сакральный характер, хотя, возможно, не в той степени, как в прошлом.

Мы и Космос

Итак, наш центр — это, прежде всего, место, любое место может стать священным, и поэтому в Индии, когда вы строите дом, вы никогда не заканчиваете работу, пока не освятите его. Обычно вы устанавливаете здание в соответствии с четырьмя направлениями: север, юг, восток и запад. То есть вы ориентируете его на Космос. Это очень важно. Древние люди хотели быть связанными с Космосом. Там находился Всевышний Бог, Который присутствовал во всех частях пространства, так что люди обращались к божественному присутствию и ко всему творению. Мы — части целого. Сегодня мы ясно осознаем экологические проблемы, мы понимаем, что разрушаем мир, потому что не видим, что он священен. Мы думаем, что можем делать с ним все что угодно. Вы можете сжечь и уничтожить его, вырубить леса и так далее. Это не важно, вы просто сделаете это. Но такое мироощущение полностью противоречит опыту всего древнего мира. В древности человек не мог срубить дерево, не поклонившись ему, поскольку дух дерева продолжает существовать. Когда люди рубили дерево, они также поклонялись и просили у него за это прощения. Они были связаны со священным.

Наше мироощущение уходит корнями в Ренессанс, в XVI в. До XVI в. практически весь мир жил в состоянии осознания священного. Для Индии и Китая, а также для Африки это очевидный факт. В Европе до XV в. также было много священных мест, священных колодцев и священных деревьев. В местах, где я жил какое-то время, в Коствальдсе, все реки названы в честь святых. Слово «coln» переводится как «река», и там были Coln St Rogers, Coln St Dennis, и так далее. Все существовало в рамках этого священного мира. Ренессанс прервал эту традицию.

Надо понять, что у священного есть свои проблемы, и одна из них это проблема добра и зла. Священное — это не только добро. Природа это и добро и зло. Она прекрасна, но также она порождает громы, молнии и землетрясения. Поэтому священное опасно. Надо помнить об отрицательной стороне. Из индуистских богов (таких, как творец Брахма, хранитель Вишну, разрушитель Шива) Шива очень опасен. Но он также бог возрождения, бог благодати. Вы проходите через смерть и обновляетесь, и именно Шива обновляет вас. Как и Шива, Кали — богиня разрушения, но Рамакришна, святой современной Индии, был полностью предан Кали не в ее разрушительной форме, а как любящей матери. Здесь кроется противоположность. Шива — это и творение и разрушение. У Шивы Натараджи четыре руки, в одной из которых он держит свет, и это творение, а в другой — пламя, и это разрушение; третья рука указывает на стопы — источник благодати, а четвертой рукой он благословляет. Таким образом, Шива — это творец, разрушитель и восстановитель жизни. Эти символы привлекают миллионы людей и царствуют в их сердцах. Это пример того, как священное действует в этом контексте.

Царь

Теперь я хотел бы рассказать о личности как о центре. Прежде всего, это царь. В большинстве мест царь был священной фигурой, формой Бога. Таковыми считались китайские, японские и римские императоры, египетские фараоны, а в Израиле одной из важнейших тем была коронация царя среди жителей Ханаана в присутствии Бога. Древние говорили, что царь есть Бог. Но на самом деле они имели в виду, что царь — это символ присутствия Бога. Это очень важно. Индусы часто говорят, что гуру — Бог, но это лишь значит, что гуру — символ присутствия Бога. Бог приходит к вам через гуру. Бог является вам через царя. Идею того, что царь священен,

можно найти практически повсюду. И в христианской Церкви императоры короновались священником и посвящались Богу. Карл Великий стал правителем Запада и должен был быть посвящен Папой. На Востоке уже был император, и Карл Великий хотел приобрести такой же статус, и для этого он должен был быть помазан на царство. Образ Христа — Он и вправду стал священной фигурой.

Итак, у нас есть царь, император, и, конечно, пророк. Самуил был помазан, и он, в свою очередь, помазал Саула. Помазание Самуилом Саула — это хороший пример помазания пророком. Но пророк — это человек, который имеет прямой доступ к Богу. Таково понимание его положения. У пророка есть прямой доступ, и он открыт к присутствию Бога. И снова напоминаю вам, что Бог всегда амбивалентен. У Него есть созидательный и разрушительный аспект, что четко показано в Ветхом Завете Библии. Яхве — Бог любви, сострадания и святости, но Он также очень разрушителен. Он убивает перворожденных египтян и топит армию в Красном море, Он призывает израильтян захватить Палестину, убить мужчин, женщин и детей. Во Вселенной есть добрые и злые силы, и, говоря о Боге, нам придется как-нибудь связать Его со злыми силами. И большинство религий пытаются как-нибудь связать зло, которое есть везде, с Богом, Который также везде. Для современных людей это проблема, они часто говорят: «В Бангладеш прошел ураган, тысячи людей остались без крова. Что Бог сделал для них?» Это трудный вопрос, не так ли? Бог допускает. Какое бы зло ни происходило, Бог допускает. Таким образом, нам приходится признать, что зло, как мы его понимаем, присутствует в божественном провидении, в божественных планах.

Шаман

Для культуры американских индейцев очень важна фигура шамана. Шаман — это человек, который проявляет

духовную силу, и есть история, написанная человеком по имени Черный Лось (*Black Elk*), в которой он рассказывает о том, что когда ему было 12 лет, он отправился на гору, расположенную вдали от деревни, и оставался там 3 дня и 3 ночи без еды и воды, в полном уединении. Считалось, что он должен был получить видение от Бога. Вы отгораживаетесь от мира и открываете себя священному, это своего рода смерть. Вам нужно пройти через смерть, чтобы открыться новой жизни воскресения. Так что он оставался там. И у Черного Лося было удивительное видение американских индейцев, их предназначения в мире и так далее. Так что зачастую речь идет о таких сверхъестественных способностях. У шамана есть способности к прозрению, видению будущего, прошлого и к видению человеческого сердца. Это довольно распространенное явление. Это распространено в Индии и в Африке. Я слышал об одной африканке, которую называли «ведьмой-врачевателем», но, на мой взгляд, она была очень святой женщиной. У нее были удивительные способности понимать жизнь людей. Все приходило к ней за советом. В Тибете также живет один предсказатель. Я встречался с ним: его монастырь расположен недалеко от нашего. Он жил в нашем ашраме. Я долго разговаривал с ним: он очень простой и смиренный человек. Он рассказал мне, что когда ему было около 17 лет, у него часто были видения и он входил в состояние транса: эти явления перевернули его жизнь. Он никогда не знал, когда начнется видение. Видения или транс охватывали его неожиданно. Тибетцы начали работать с ним: они много молились, совершали различные обряды, читали мантры, чтобы он погружался в эти состояния только по своему желанию. Он смог вызывать его, но оно никогда больше не приходило к нему против его воли; причем лишь одно божество могло овладевать им, а не несколько, чтобы не смущать его. Сейчас ему 50 или 60 лет, и теперь, когда он хочет, или когда люди просят его об этом, он входит в состояние

транса. Он подготавливает себя, совершая соответствующие обряды. Он впадает в транс, и люди приходят к нему за советом, а он даже не знает, что отвечает им. Понимаете, это приходит свыше. На нужды людей приходят удивительные ответы, они приходят из сферы бессознательного. Сегодня мы сознаем, я уверен, что вы знаете об этом, что наше сознание, разум — это лишь малое пространство, и мы все пытаемся жить за счет этого пространства разума, но за его пределами есть огромное пространство бессознательного. Древний мир жил за счет бессознательного. Сознание древних людей было весьма ограничено. Но их опыт бессознательного был необъятен, так что все эти видения, откровения и воздействие божественных сил были нормальными для них. Это было естественно. Шаман просто открывал себя этим божественным силам, видел видения и входил в состояние транса. Он вел других людей. Он никогда не действовал только ради себя. Все эти силы давались ради других: ради семьи, общества, в котором он жил.

Гуру

Далее другой пример — индийский гуру. И это очень важный пример. С ведических времен за образами и концепциями индийцы искали богоосознания, и, наверно в VII—VIII вв. до Рождества Христова, провидцы стали направляться в Гималаи, где, вместо разжигания ритуального огня и жертвоприношений, они стали разжигать огонь внутри себя, свой внутренний огонь. Так, вы приносите не внешние дары, вы приносите на этот огонь самого себя, свои мысли, чувства, желания, страхи — вы отдаете все это Богу, и затем, с помощью этого внутреннего опыта, вы осознаете Высшую Реальность, которую они называли Брахман. Вы открываете сердце и осознаете источник Вселенной и источник своего собственного существования. Они смотрели на Вселенную и видели в Брахмане источник всех проявлений Вселенной; затем,

они смотрели вглубь себя и обнаруживали Атман, «Я», центр своего существа, единый с Брахманом. Этот Атман, это «Я», этот Дух внутри меня един с Духом Вселенной. Таково было их величайшее открытие, ставшее основой «Упанишад». Таким образом, гуру — это тот, кто осознал Бога, и вокруг него собиралась группа учеников, желавших разделить с ним этот опыт.

В христианском монастыре все по-другому. Мы действительно начинаем с постройки здания. Мы строим здание, собираем общину, даем им правила, и процесс начинается: и это очень хорошо. Но в индуизме все как раз наоборот: является садху (святой), он бродит по деревням, и, куда бы он ни пришел, люди собираются послушать его, и, по прошествии времени, кто-то может попросить его остаться. Затем они строят несколько хижин вокруг него, и появляется ашрам. Эта группа людей призвана разделить его опыт, видение гуру, и гуру занимает для них место Бога. В Индии много ашрамов, и теперь у нас есть христианский ашрам, где мы пытаемся делать то же самое, и наш гуру, это, конечно же, Христос. ашрам становится центром. Таким образом, гуру — это тот, кто осознал Бога и кто может поделиться своим опытом. Учтите, что в этом кроется большая опасность. Люди просто предаются гуру и становятся незрелыми. Они не растут как личности. Сейчас это большая опасность. Гуру может быть очень могущественной личностью. Раджниш — это хороший пример такой личности, пример понимания, но он властвует над людьми, управляет ими, так что гуру опасен. Но, как я уже говорил, священное всегда опасно. В нем есть удивительные силы, которые оно может открыть нам, но в нем также есть ужасные разрушительные силы. Вы можете удивиться, как много черной магии сегодня в Индии. У людей есть эти силы и они используют их, чтобы вызвать болезни и даже смерть. Так что, вы всегда должны быть осторожны с этими силами, так как они могут принести как добро, так и зло.

Священник

Затем, разумеется, идет священник. Он — типичный центр и, конечно, в Христианской Церкви Папа, епископы и священники, духовенство — представители Бога, и люди идут к священнику, чтобы получить наставления от Бога. Вы можете представить все в мирском свете и увидеть в священнике лишь руководителя общины и так далее, но я думаю, сакральный характер духовенства важен. Священник — не просто человек, через таинство посвящения он становится центром, через который мы можем связаться с Богом. И это также применимо к христианской литургии, таинству евхаристии и так далее — все это становится священным, когда мы верим, что Бог присутствует в обряде. Итак, мы ищем центр разными способами.

Духовный центр

И, наконец, последний путь — это психологический центр. Здесь я бы хотел вспомнить слова святого Павла, который всегда говорит о том, что человек состоит из тела, души и Духа — soma, psyche и pneuma. И мы должны помнить об этом, потому что сегодня многие думают, что человек имеет только тело и душу, и кроме души в нем ничего нет. И если вы верите в эту концепцию, то вы задаетесь вопросом: «Существует ли будущая жизнь или что-нибудь в этом роде?», и для вас все это очень сомнительно. Современное общество строит свою психологию на концепции тела/души. У человека есть тело, физический организм, и медицина занимается физическим организмом. Далее, есть psyche, с умом, волей, воображением, чувствами, ощущениями, всей человеческой психикой, и это все, что существует. Ученые занимаются физическим миром, а психологи — психологическим, а больше ничего не существует. Но помимо тела и души существует pneuma, Дух, и это та точка, в которой человек открывается Божественному. В каждом человеке, за предела-

ми тела и души, за пределами мыслей и желаний, есть Точка Духа, в которой вы открываетесь Вечному Духу, Самому Богу. Святой Павел четко говорит об этом в своем «Послании к Коринфянам», а в 5-й главе «Послания к Фессалоникийцам» он просит нас освятить свое тело, душу и Дух. Это находится за пределами нашего разума. Очень важно, чтобы современные христиане вновь обрели это понимание, понимание того, что за пределами тела и души со всеми их качествами, находится точка общения с Богом, и это Центр. Это психологический центр, точка, где вы не ограничены человеческими чувствами, мыслями и желаниями, а открыты Вечному. Это точка, через которую Бог действует в вас, когда вы открыты. Центр вашей души — это ваше эго, ваша личность. Мы воспитаны на идее этого центра, и все проблемы мира исходят из этого разделенного «Я». Мы все ищем свой путь, боремся с другими людьми и вызываем все эти проблемы. До тех пор пока вы не выйдете за пределы души, за пределы эго, разделенного «Я», у вас не будет духовного знания. Невозможно избавиться от этого демона. Это безнадежно. Но когда вы преодолеете эго и душу и открываетесь Духу, вы будете открыты для Вечного, Бесконечного и для всего человечества. На этом физическом уровне мы все разделены. На психологическом уровне мы также все разделены. Мы можем быть близки друг другу, но это не приносит удовлетворения. Но на уровне Духа мы все едины, сейчас и всегда. И если человек способен открыться этой точке Духа, он осознает свое единство со всем творением, со всем человечеством. И это истинная цель нашей жизни. И, как христианин, я всегда говорю о том, что Иисус был как мы: у Него было тело, тело иудея со всеми его ограничениями, у Него была душа иудея, Он говорил на арамейском языке и использовал иудейскую символику. Он ходил в храм, в синагогу. Он был иудеем в душе, но Дух Иисуса был полностью открыт Богу, Отцу. Центром всей Его жизни были отношения с Отцом. Он

всегда повторял: «Авва, Отче». И в «Евангелии от Иоанна» Он четко говорит, что Сын не может делать ничего, кроме того, чему научился от Отца. «У Меня нет никакой власти. Все исходит от Отца». Иисус был человеком. Полноценным человеком, который в этой Точке Духа был полностью открыт Богу и мог сказать: «Я в Отце и Отец во Мне. Кто видит Меня, видит Отца». Я не думаю, что кто-либо еще мог бы сказать эти слова. Вот в чем Иисус един с Отцом, в Духе. Но на уровне души и тела Он был иудеем, со всеми ограничениями. Его лексикон ограничен языком иудейского пророка. Но Сам Он жил в воскресении: Его тело умирает на кресте, в Своем тонком теле Он появляется при воскресении, но его духовное тело, где телом является Дух, возвращается к Богу и становится единым с Отцом. Таким образом, Он всегда присутствует во всех и во всем в реальности запредельного Духа.

Итак, я думаю, что нам необходимо открыть чувства священного в нашей жизни, в нашей личности, в наших городах, в нашем обществе: в современном мире нет центра, нет священного места, которое бы объединяло всех, и мы должны найти такой центр. Я думаю, что христианские церкви могли бы стать центрами, но для этого они должны открыться для всего мира, для всего Востока, для всей Африки и так далее, и, когда это произойдет, они смогут стать центрами. Конечно, для христиан центр — Иисус Христос. У нас есть Его Тело: Слово стало плотью, и Иисус Христос — Бог в материи, в жизни, в теле. Он заключает в Себе весь материальный мир. И затем Иисус, эта уникальная Личность, Его учение, Его любовь, Его сострадание, становятся центром всей нашей психологической жизни. Многие забывают об этом. Иисус всегда жил в Духе, в общении с Отцом. Вся Его жизнь была этой связью. И Его чудеса и учение исходят от этого внутреннего Духа. Иисус связывает нас с Высшей Реальностью. В Нем и через Него, в наших телах и душах мы можем открыться Божественному, которое

всегда здесь, всегда присутствует. Если мы сможем это осознать, то мы сможем изменить мир.

3. Курисумала — Гора Креста

Первые несколько лет своего пребывания в Индии Беда Гриффитс провел в окрестностях Бомбея, что, впрочем, не воодушевило священника, поскольку Бомбей был слишком европейским городом, носившим отпечаток колониальной культуры, созданной многими поколениями английских колонизаторов. Гриффитс начал искать возможности переехать в индийскую глубинку, чтобы приобщиться к образу жизни *санньяси*, к которому он так стремился, и вскоре познакомился с бельгийским цистерцианцем Франциском (Джоном) Майо, который, под влиянием идей Махатмы Ганди, прибыл в Индию и решил стать священником сирийского обряда, распространенного в Керале. К тому моменту брат Франциск уже получил предложение от епископа Сирийской Католической Церкви Захариоса Мар Атанасиоса создать христианский *ашрам* в его епархии, а некто Шри Томас Поттенкулам подарил ему для этих целей 88 акров земли на горе Курисумала (что на официальном языке Кералы переводится как «Гора Креста»). Беда Гриффитс предложил свою помощь, и в 1958 г. они построили небольшой монастырь, изолированный от внешнего мира и расположенный в труднодоступном месте. Первоначально планировалось, что там будут жить с десяток монахов, однако, несмотря на местоположение *ашрама*, спустя какое-то время община уже насчитывала 16 *санньяси*, 1 *брахмачари* и 3 *садхак* (преданных-мирян). Следуя индийской традиции *санньясы*, отец Беда принял духовное имя Свами Дхаянанда («Блаженство Молитвы»), а брат Франциск стал Франциском Ачарьей. Основным принципом жиз-

ни в *ашраме* стал принцип молчания: монахи жили в согласии с природой, прислушиваясь к естественному блаженству мира, проистекающему, по словам брата Франциска, из изначального Божественного Блаженства *Ананды*. Следуя строгим цистерцианским правилам, обитатели *ашрама* практически полностью исключали контакты с внешним миром и не имели официальной возможности путешествовать и посещать своих родных (впрочем, они могли принимать посетителей и контакты с родственниками, таким образом, продолжались). Кроме того, Франциск Ачарья и Беда Гриффитс установили четкое расписание для упорядочения жизни монахов: в 4.00 утра звонил колокол, и все собирались на утреннюю молитву, за которой следовала медитация. Затем шло занятие по *йоге* и евхаристическая литургия. В 7.00 утра монахи собирались за общим столом и завтракали, при этом каждый должен был положить себе ровно столько еды, сколько он мог съесть: Франциск Ачарья в этом отношении был приверженцем гандистской идеи «хлеба и труда», согласно которой, во-первых, любой труд есть проявление Славы Божией, а во-вторых, хлеб, который человек добывает «в поте лица своего», священен. Значительная часть пищи отдавалась беднякам из соседних деревень, которые, однако, впоследствии сами привыкли к соседству с *ашрамом* и стали придерживаться некоторых его принципов. Например, благодаря деятельности *Свами* около 100 крестьянских семей сформировали свои фермерские хозяйства, занятые производством молока, которое не только является основным продуктом питания индийцев, но и считается священным напитком, несущим в себе секрет духовной мудрости. Некоторые гости *ашрама* говорили, что Курисумала — это гора, где течет молоко и мед, вспоминая известное библейское изречение. В течение всего дня монахи «Курисумала ашрама» занимались учебой и трудом (прежде всего,

связанным с содержанием коров), а вечером собирались на *сатсанг*, во время которого беседовали со *Свами* и пели *бхаджаны*. В индуистской традиции есть понятие «*ишта-мантры*», то есть некоего молитвенного предложения, обращенного к той форме Бога, которой поклоняется данный преданный, и Франциск Ачарья установил для своих последователей *ишта-мантру* «*Ом Шри Йесу Бхагавате Намах*»⁹⁵. Все, кто находился в *ашраме*, постоянно повторяли эти слова про себя и иногда вслух, но главной молитвой все-таки считалась «*анандамайя*», молчаливое наслаждение естественным Блаженством Бытия. Поскольку «Курисумала ашрам» официально находился в юрисдикции епархии сирийского обряда, то для совместных богослужений Беда Гриффитс и Франциск Ачарья выбрали сирийский молитвенник «Пенкито», часть которого отец Беда впоследствии взял для составления литургического сборника для Шантиванама. На самом высоком месте *ашрама* находился сад, который носил название «Сада Воскресения» и считался наилучшим местом для медитации. Благодаря монастырю гора Курисумала стала не менее известна, чем священная Аруначала, и многие индийцы стремились побывать на ней. Среди выдающихся личностей, нашедших прибежище на ее склонах, был известный *гуру* из «Шри Рамакришна Матха» по имени Свами Дхармананда Гири, который провел там последние семь лет своей жизни и оставил заметки, дающие хорошее представление об этом месте:

«Я пришел как посторонний и начал следовать их практике. Их деятельность впечатлила меня, так как это была жизнь одного за всех и всех за одного. Она провозглашала одновременно достоинство труда и величие духовного поиска... Однажды я остался с монахами-цис-

⁹⁵ «О Иисус, я поклоняюсь Тебе» (санскр.).

Иисус Христос, медитирующий на лотосе (беседка для медитаций «Сатчитананда ашрама»).

терцианцами. Они — служители Божественной Любви, нищеты и целомудрия. Их монастырь — настоящий сад. Его атмосфера пронизана сладостной тишиной. Я до сих пор живу, очарованный ими. Это идеал — создавать такие места»⁹⁶.

С самого начала своего существования «Курисумала ашрам» имел тесную связь с «Сатчитананда ашрамом», поскольку саму идею создания такого монастыря Франциск Ачарья вынес из опыта Жюля Моншанена и Анри Ле Со, с которыми провел довольно много времени в начале 1950-х гг. Шантиванам оставил глубокий след в душе Ачарьи, и он попытался воплотить его в Керале, посвятив в этот путь и своего английского коллегу и брата Беду Гриффитса. В этом смысле Франциска Ачарью можно назвать учителем отца Беды, давшим ему своего рода «дикушу» в индийское христи-

⁹⁶ Из неизданных воспоминаний Свами Дхармананды Гири.

анство. Вместе с тем отцы считали себя равными во всех вопросах и принимали важные решения исключительно сообща. Помимо прочего, надо учитывать некоторую разницу в духовной жизни христиан латинского и сирийского обряда, и эта поправка была сделана при создании монастыря Горы Преображения (такое название носит Курисумала сегодня), однако с самого начала Франциск Ачарья ориентировался на цистерцианский стиль наставничества, и, уже после того как Гриффитс покинул Курисумалу, *ашрам* стал частью Цистерцианской конфедерации Австралии. Основатели *ашрама* придавали особое значение изучению древних языков — особенно санскрита и сирийского, считая, что оригинальные богослужебные тексты несут в себе особый заряд духовной энергии по сравнению с современными переводами. Хотя сам Франциск Ачарья не очень любил покидать *ашрам*, поскольку это нарушало размеренный ход его духовной практики, стремясь к возрождению древних традиций индийского и сирийского христианства, он поддерживал контакт с Экуменическим институтом св. Ефрема Сирина, высылая ему свои переводы старинных сирийских молитв и наставлений святых, а также оставив за этим учреждением право публиковать свои научные и философские труды. Когда в 1968 г. Беде Гриффитсу поступило предложение возглавить «Сатчитананда ашрам», брат Франциск стал единственным *ачарьей* Курисумалы, однако это практически не изменило жизнь монастыря: все, что было наработано священниками за годы их совместного руководства, осталось в силе, и это позволило «Курисумала ашраму» до сего дня сохранить свое изначальное духовное очарование простоты и святости. Дон Франциск Майо оставался самым желанным гостем в Шантиванаме, а его наставления стали пользоваться успехом и популярностью во многих странах мира. Этот человек до самого дня своего ухода 31 января

2002 г. нес человечеству свое послание мира и созерцательности. Что касается Беды Гриффитса, то за десятилетие, проведенное вместе с братом Франциском, он также активно работает над книгами и статьями, самой успешной из которой становится исследование «Христос в Индии», посвященное индийской христианской традиции и возможности рассмотреть образ Иисуса из Назарета в контексте индийской (и, прежде всего, тамильской) культуры. Книга оказалась настолько успешной, что в 1963 г. Гриффитса приглашают в несколько крупных западных университетов в качестве преподавателя, и он читает серию лекций в Нью-Мексико. Тема лекций — диалог между Востоком и Западом — вызывает всплеск интереса к католическим *санньяси*, и отцу Беде приходится давать массу интервью и проводить встречи, посвященные этой тематике. Таким образом, период Курисумалы, длившийся с 1955 по 1968 г., стал для Беды Гриффитса временем активной и плодотворной подготовки к миссии *ачарьи* и духовного наставника «Сатчитананда ашрама».

БЕДА ГРИФФИТС: «ПОСЛАНИЕ ЕФЕСЯНАМ»⁹⁷

Возможно, святой Павел и не писал об этом, но этот текст — некая кульминация Павловой мысли и в действительности очень глубокий отзвук великих «Упанишад» в Новом Завете. Очень хорошее, глубокое прозрение: Бог, богатый милостью, по любви, которой Он возлюбил нас, когда мы были мертвы во грехе, оживил нас вместе со Христом. Главная тема здесь, как и во всех писаниях святого Павла, — действие Благодати. Мы были мертвы во

⁹⁷ Проповедь Беды Гриффитса на тему 2-й главы «Послания Ефессянам», произнесенная в «Сатчитананда ашраме» в 1988 г.

грехе, разлучены с Богом, а затем эта милость Божья, эта Его любовь, нисходит на нас. Это великая истина, которую нам надо осознать, — беспричинная (безусловная) любовь Бога. Это ужасная мысль, что вы должны быть хорошими, что должны делать все возможное, а затем, по результатам, Бог вас полюбит. Наоборот, когда вы не хорошие, когда вы неправильно поступаете — Бог вас любит. Любовь Бога — это безусловная любовь, которая избавляет вас от греха, от страдания, от самой смерти, так что это истинное действие благодати. И это — великая тема святого Павла: когда мы были мертвы во грехе, Бог оживил нас во Христе. У святого Павла есть очень глубокая идея, которая заключается в том, что мы все члены одного Тела. Мы не спасаемся, как изолированные личности, мы все составляем одно тело человечества, и Христос принял это тело человечества в Себя, в Божество. И через Него мы открываемся божественному свету. Мы умерли в преступлениях и грехах, но затем, через смерть и воскресение Христа, через Пасхальную Тайну, мы открылись Божественному Свету. Это значит, что все человечество разлучено с Богом грехами и открыто Богу благодатью Божией во Христе. Такова тема рассуждений святого Павла.

«...(по благодати вы были спасены) и воскресли с Ним и сядете с Ним на Небесах во Христе Иисусе». Это некая солидарность: мы части тела Христа, и, поскольку Христос умирает и воскресает, мы умираем и воскресаем вместе с Ним. «Пребывание с Ним на Небесах» — эту фразу надо понимать в терминах сознания, а не пространственных отношений. Мы часто сталкиваемся с этим. Эта фраза означает, что открываются новые грани сознания. Находиться во грехе и в смерти — означает пребывать на самом низком уровне сознания: вы погрузились в мир чувств, в окружающий вас мир. Когда приходит благодать Христа, она открывает вам более глубокий уровень сознания и затем ведет вас за его пределы.

Алтарь главного храма «Сатчитананда ашрама».

«Он посадил нас рядом с собой в Небесной обители»; в Индии мы говорим о Космическом Порядке: вы идете за пределы человеческого в мир божественного, в мир ангелов и сил. Таково трансцендентное сознание. И мы открыты этому трансцендентному сознанию. Эту Тайну и провозглашает святой Павел.

«Пребывать в Небесных обителях во Христе Иисусе, который проявит неизмеримые богатства благодати и милости к нам». Неизмеримые богатства благодати: вам не нужно карабкаться к Богу. Конечно, есть некоторый путь, вид йоги. Видите ли, йога — это способ гармонизации тела и ума, открытия себя, а затем что-то должно повести вас выше. Должен прийти Дух и поднять ваше сознание на более высокий уровень. Благодать ведет нас в Высшие миры; мы можем делать все, что в наших силах, готовить себя и так далее, но реальное движение в сторону Бога — это всегда дар благодати. Иногда он приходит безо всяких усилий с нашей стороны, когда лю-

ди просто страдают. Хороший пример тому — Манник-кавасагар: мы читаем отрывки из работ этого тамильского мистика почти каждый день. Снова и снова он повторяет: «Я был обычным Божьим псом, бродившим бесцельно, тратившим мою жизнь попусту, но Он пришел и позвал меня, явил Себя мне и воскресил меня, сделав единым с Собой». Такова абсолютная благодать. И здесь мы видим ту же самую идею: «Он проявил неизмеримые богатства благодати в милости к нам в Иисусе Христе... Благодатью вы были спасены по вере, не по вашим добрым делам». Это главная тема святого Павла и таковой она остается после Послания к Римлянам с рассуждениями о законе и благодати. Вы не спасаетесь законом, трудами, благими деяниями, хорошим характером, добродетелью — вы спасаетесь благодатью Бога, которая приходит к вам без усилий с вашей стороны. Безусловная любовь призывает вас из вашего нынешнего состояния. «По вере, не через добрые дела — это дар Бога, не от дел, чтобы никто не хвалился». Это очень важно, потому что с другой стороны есть смерть, и тут ничего не поделаешь. Мы должны трудиться, молиться, заниматься всей этой деятельностью, но мы всегда должны помнить, что это лишь небольшой вклад с нашей стороны, которые помогают благодати Божьей действовать в нас. Мы молимся, мы медитируем, мы занимаемся йогой — но это лишь дает нам возможность открыться действию благодати, позволить ей начать свою работу в нас.

Далее Павел ведет нас к прекрасной мысли: «Не по нашим делам... поскольку мы — соработники в Иисусе Христе, Которого Бог приготовил заранее, чтобы мы пребывали в Нем». Все хорошее, что мы можем сделать, — приготовлено для нас; все подготовлено, и мы должны лишь действовать. Мы думаем, что делаем все сами, мы прилагаем усилия, мы делаем все возможное, и так далее. Но когда мы пробуждаемся, мы осознаем, что все было запланировано заранее и что-то иное действует в нас,

побуждает нас действовать так, как запланировано. В действительности, дело жизни — отыскать путь, приготовленный для нас. У каждого есть свой путь, и если мы откроем наши сердца и наши умы — мы найдем этот путь и будем идти по нему. Есть знаменитая история, которую я перечитывал сегодня, в которой главный герой увидел картину своей жизни, и он увидел, что на каждом этапе его пути Иисус Христос шел рядом. Он увидел свои шаги, и Христос всегда был рядом. Далее, он увидел тяжелый момент жизни, и там оказалась всего одна пара следов, вторая исчезла. Затем, когда жизнь налаживалась, вторая пара следов вновь появлялась. Может показаться, что когда все шло неправильно, Христос покидал его. Но Христос сказал: «Наоборот, когда дела шли плохо, Я нес тебя на руках. Это Мои следы ты видел, а не свои». Так что, вы видите, что Бог сопровождает нас на каждом этапе жизни, и мы должны идти вместе с Ним, позволять Ему действовать в нашей жизни. Таково величайшее послание Евангелия.

4. Послание недвойственности

Как мы уже рассказывали в предыдущих главах, после ухода Жюля Моншанена «Сатчитананда ашрам» остался на некоторое время без присмотра: Свами Абхишиктананда активно путешествовал, а впоследствии и вовсе решил оставить обитель и начать вести отшельнический образ жизни в Гималаях. В его жизни Шантиванам уже сыграл важную роль, и его гораздо больше заботило осознание недвойственности, вне зависимости от места, времени и обстоятельств, чем послание *ашрама*. Казалось, что начинание Моншанена и Ле Со окончилось неудачно: без настоятеля, *ачарьи*, *гуру*, *ашрам* не мог существовать и был обречен на медленное умирание. Дела уже и так шли не лучшим

образом — место казалось покинутым и брошенным. Однако в 1968 г. отец Беда Гриффитс все-таки решился заняться воссозданием Шантиванама и вдохнуть в него новую жизнь. Он принимает новое духовное имя «Свами Даянанда» (Блаженство Сострадания) и отправляется в Тамил-Наду. Это решение стало судьбоносным не только для самого *ашрама*, но и для многих последователей и друзей пионеров диалога, коими были первые отшельники *Сатчитананды*. Уже с начала 1970-х гг. можно было говорить о «трех отцах-основателях Шантиванама», и этот термин используется до сих пор, подразумевая Жюля Моншанена, Анри Ле Со и Беду Гриффитса. Эти три не похожих друг на друга человека, но объединенные мечтой о том, чтобы прожить христианскую жизнь в контексте индийской духовности, совершили настоящую революцию в духовной жизни как христиан, так и индуистов.

Отец Беда прибыл в Шантиванам в сопровождении двух других монахов и сразу же принялся работать над книгой под названием «Веданта и христианская вера», в которой сравнил и сопоставил индийскую духовную мысль с христианской теологией. Надо сказать, что важным отличием работ Беды Гриффитса от работ его французских предшественников был всесторонний охват духовных проблем на материале различных цивилизаций мира: если Моншанен был типичным представителем французской духовной элиты (в хорошем смысле этого слова), а Ле Со полностью погрузился в индуистское мироощущение, то Гриффитс, рассуждая о духовных вопросах, использует примеры, взятые из христианства, индуизма, даосизма, ислама, национальных религий народов Америки и Африки и из многих других источников. Всеохватность мысли отца Беды позволяет его ученикам говорить о нем как об учителе всех народов: *«Отец Беда — Учитель не только индийцев*

или христиан. Он — *Учитель всех*»⁹⁸. Раскрывая философию недвойственного единства и Высшей Тайны, лежащей за пределами чувственного познания, Гриффитс часто обращается к религии американских индейцев, отмечая, что, например, у племени дакота есть четкие представления о Великом Духе Таку Ваккан, являющем собой Тайну, которую остальные боги и духи представляют лишь частично, являясь отблеском Высшего Принципа. *«Эта Тайна лежит за пределами всех религий, от самых примитивных до самых развитых»*⁹⁹.

С появлением Беды Гриффитса в Шантиванаме *ашрам* преобразается: он превращается в живой и действующий центр медитации, инкультурации и индуистско-христианского диалога. Ежедневно проводятся лекции и беседы на различные духовные темы, поются христианские и индуистские гимны и *бхаджаны* на английском, тамильском и санскрите. Общая медитация становится неотъемлемым атрибутом монастырской жизни. Вообще то, каким мы видим *ашрам* сегодня, есть следствие кропотливой и длительной работы Гриффитса и его помощников: начиная от литургического сборника «Сандхья-Вандана», на текстах которого построено богослужение, и заканчивая новыми хижинами и алтарным помещением, выстроенным по его предложению. Хижины, в которых живут монахи, претерпели во времена Гриффитса некоторые изменения: они сохранили свою простоту, но стали строиться из глины и покрываться соломой. Были также добавлены столы и табуретки для работы, а также простые деревянные кровати без матрасов: для многих гостей *ашрама*, которые стали периодически посещать обитель, было весьма затруднительно придерживаться тех строгостей, которые бытовали, когда настоятелями были

⁹⁸ Из вечерних бесед с настоятелем «Сатчитананда ашрама» отцом Джорджем Неллианилом, октябрь 2006 г.

⁹⁹ Беда Гриффитс, «Возвращение к Центру», II.

Моншанен и Ле Со. Отец Беда с сожалением отмечал, что ему пришлось пойти на эту уступку европейскому образу жизни в связи с тем, что не все люди, родившиеся за пределами Индии, могли привыкнуть спать на полу и есть правой рукой, используя вместо тарелки банановый лист. Хижина Гриффитса не отличается от остальных: он участвует в жизни *ашрама*, во всех ее мелочах: от уборки территории до приготовления пищи, которая по-прежнему была исключительно вегетарианской и простой. Отец Беда умел налаживать контакт с любым собеседником, и поэтому именно при нем Епископальная Конференция Индии официально одобрила методы духовной практики, которую использовали монахи «Сатчитананда ашрама», и теперь никакой бюрократ от Церкви не мог придаться к ним. Помимо прочего, получили одобрения такие моменты литургии, как *арати* и сидение на полу во время мессы (этот пункт может вызвать улыбку у современного читателя, но в то время в Церкви активно шли серьезные споры о том, в каком положении необходимо читать какие молитвы, когда преклонять колени, а когда совершать поклон кивком головы; даже и сегодня католические консерваторы требуют запретить распространенную традицию причастия «в руку» и повсеместно ввести исключительно причастие «в уста», которое было атрибутом дореформенной Тридентской Мессы).

Как мы знаем, в Индии большинство *ашрамов* возглавляются тем или иным *гуру*, который и является духовным наставником всех его обитателей. Этот вопрос неизменно возник и в отношении отца Беды, который, как *ачарья* «Сатчитананда ашрама», проводил все его мероприятия, медитации, лекции и давал индивидуальные наставления. Сам Гриффитс отказывался от громких титулов, поскольку *Сатгуру* всех христиан — это Иисус Христос, однако он рекомендовал принимать непосредственное духовное наставничество, если

такая возможность имела. Несмотря на нежелание быть формально провозглашенным гуру, он был признан очень многими индуистами и христианами, уже погружившимися в индийские духовные реалии, настоящим гуру, который может привести человека к познанию Истины как своим собственным примером, так и через свои наставления. Очень многие люди, интересующиеся вопросами индуистской и христианской духовности, приходили к отцу Беде со своими вопросами, часть из которых касалась именно возможности сочетания, казалось бы, противоречащих друг другу идей индуизма и христианства¹⁰⁰. По свидетельству людей, находившихся в *ашраме* в 1970–1980-е гг., европейские гости часто спрашивали о таких вещах, как реинкарнация, соотношение личностей Кришны, Будды и Христа, возможности создать некий синтез христианства и индуизма. С самого начала отец Беда отрицательно отзывался о попытках создать новую синтетическую религию: даже в индуизме человек выбирает некий духовный идеал, *ишта-дэвату*, и стремится к нему с верой и преданностью, рассматривая другие образы Божественного как его проявления. Да, все религии исходят из одного Центра и все ведут к постижению Истины, и мы должны вести постоянный и настойчивый диалог между ними, взаимно обогащая наши традиции, но это вовсе не значит, что мы должны отказаться от наших собственных убеждений. Смысл диалога не в том, чтобы принять индуизм или скрестить две (три и более) религии, раскрывающие Единую Тайну разным философским и теологическим языком, а в том, чтобы осознать истины своей религии в контексте иных религий, каждая из которых представляет собой луч, идущий из сердца всех духовных традиций — из

¹⁰⁰ Здесь и далее изложение идей отца Беды Гриффитса по воспоминаниям сестры Паскалины Кофф, из личной переписки автора с ней.

Вечной Религии, из *санатана-дхармы*. Несовершенство христианских церквей вовсе не повод отказываться от них: как показала история, на место раскритикованной и уничтоженной религии приходит новая, потому что в этом материальном мире Истина должна быть облечена в какую-то материальную структуру:

*«Когда церковная организация, помпезно учрежденная и обладающая богатством и властью, более не способствует единению человечества в любви, она перестает исполнять миссию, для которой была создана. Каково же решение этой проблемы? Следует ли упразднить Церковь, отказаться от догм, ритуалов и организации? Многие подвергаются такому искушению, но этот метод никогда не действует. Все заканчивается созданием другой Церкви, других догм, других ритуалов и другой организации...»*¹⁰¹

Сестра Паскалина Кофф, которая провела целый год в Шантиванаме, вспоминала, что во время всего периода ее пребывания в *ашраме* отца Беду постоянно спрашивали о реинкарнации, что, несомненно, было щекотливой темой для католического священника в Индии. Как правило, Гриффитс говорил, что Католическая Церковь не принимает этого учения, но и не считает его еретическим, однако, как христианам, нам совсем не нужно это учение, поскольку для нас важно то, что мы все призваны Христом к недвойственному единству, которое есть у участников Святой Троицы: *«Как Ты, Отче, во Мне, так и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едины»*¹⁰². Если ученые когда-либо откроют, что реинкарнация и вправду существует, то это никак не повлияет на наше учение, если же нет — то это тоже не особенно важно. В своих трудах отец Беда глубже рассматривает этот вопрос в свете *адвайтической* мыс-

¹⁰¹ Беда Гриффитс, «Возвращение к Центру», XVI.

¹⁰² «Евангелие от Иоанна», 17.20–21.

ли, вспоминая слова Шанкары о том, что «единственный субъект перевоплощений — Господь», а также учение св. Фомы Аквинского, о котором уже говорилось выше и согласно которому «все люди суть один Человек». Если человек имеет три составляющие: Дух (именуемый в веданте *Атманом*, а в христианской философии Пневмой), душу (*дживатма* или психе) и тело, то Дух — это не что иное, как Сам Бог, Святой Дух, *Параматман*, наше истинное «Я», которое также является истинным «Я» всех остальных существ, и именно о нем можно сказать, что он принимает формы (или становится истинным «Я») одновременно многих существ, что, однако, не доказывает необходимости *дживатмы*, или элемента, который делает нас отличными от Бога, рождаться заново в материальном теле (хотя и не является обоснованием обратного).

«Человечество как единое целое, человечество в ходе истории, есть тело Единого Духа. Все люди, как говорит Аквинат, суть один Человек. Именно этот человек пал в Адаме и искупился во Христе... Христос воплощен в каждом человеке и даже воплощен во всей Вселенной»¹⁰³.

Беда Гриффитс унаследовал от своих французских предшественников идею, что *ведантический* принцип *Сат-Чит-Ананда* есть пророческое предвосхищение Тайны Троицы, развив эту мысль в своих последующих произведениях. Помимо прочего, его собственным прозрением стала попытка сопоставить путь проявления *Брахмана* в индуизме с различными ипостасями Троицы христианского Бога: непостижимый сверхличностный абсолютный *Ниргуна*¹⁰⁴ *Брахман* есть Отец, проявленный в этом мире личностный *Сагуна*¹⁰⁵ *Брах-*

¹⁰³ Беда Гриффитс, «Возвращение к Центру», III.

¹⁰⁴ «Надкачественный» (санскр.): «*нир*» — «над», «*гуна*» — «материальное качество», изначальная ипостась *Брахмана*.

¹⁰⁵ «Обладающий качествами» (санскр.): «*са*» — «под», «*гуна*» — «материальное качество», второе проявление *Брахмана*.

ман есть Сын, Слово, являющее Истину, наконец, Божественная Энергия *Шакти* есть Святой Дух, представляющий собой женское Божественное Начало:

*«Дух — это женский принцип в Божественном, Мать всего Творения. Именно в Ней посажены семена Слова, и она питает их, порождая в мире»*¹⁰⁶.

Поскольку все индуистские проявленные Божества (по крайней мере, в *адвайте*) относятся к категории *Сагуна*, то в них Гриффитс видел различные стороны Космического Христа, проявленного таким образом во всех религиях. Особенно часто он обращался к образу Нараяны (*Пуруши*) как к проявлению Космического Человека и к образу Шивы Натараджи, в котором он видел образ победы Христа над смертью: вечный танец Натараджи есть танец жизни, во время которого он осуществляет эволюционные изменения в мироздании, вместе с тем попирая ногами карлика, символизирующего зло. Говоря о таких важных для индуизма ликах Божественного, как Кришна и другие *аватары* (земные воплощения Вишну), отец Беда отмечал, что в них Бог проявился особым образом:

*«То, что Кришна — Высшее Существо, Отец Вселенной, пронизывающий все Творение и пребывающий в сердце каждого человека, ясно являет "Бхагавадгита"»*¹⁰⁷.

Однако он находил в этих образах некую незавершенность Откровения, моральную амбивалентность и отстраненность от жизни людей. Эти личности являлись на землю, совершали определенные деяния, исполняли свою миссию, однако Христос в отличие от них не только побывал на нашей планете, но и остался с нами «до скончания века», став реальным воплощением того недвойственного единства, о котором го-

¹⁰⁶ Беда Гриффитс, «Возвращение к Центру», XVIII.

¹⁰⁷ Там же, XII.

ворили авторы Упанишад. Конечно, такая же амбивалентность наблюдается и в образе древнееврейского бога Яхве, восприятие которого эволюционирует от самых примитивных представлений кочевого пастушеского народа до универсальности пророков. Кроме того, для индуизма, по мнению Гриффитса, не очень важна историческая составляющая *аватар*: они являются скорее поэтическое воплощение идеи Божественного, становясь символами Абсолюта. В этом отец Беда приближается к Махатме Ганди, который писал:

«Я не знаю, жил ли когда-нибудь Кришна — герой "Махабхараты". Мой Кришна не имеет ничего общего с историческим прототипом. Я бы никогда не склонил голову перед Кришной, который убивал из гордости или перед Кришной, которого неиндусы представляют как развратного юношу. Мой Кришна — совершенное воплощение, он чист во всех смыслах этого слова. Он создал "Бхагавадгиту" и вдохновил миллионы людей. Если мне скажут, что "Махабхарата" — историческая книга и что Кришна, ее герой, действительно свершил все, что ему приписывают, я бы отказался от идеи, что он — воплощение, даже под страхом изгнания из индуистского сообщества. Для меня "Махабхарата" — глубокая религиозная книга, полная аллегорий, а вовсе не историческая хроника. Это настолько яркое описание вечного поединка, происходящего внутри нас, что иногда нам кажется, что ее события происходили в реальности. Я также не считаю, что "Махабхарата", которую мы читаем сейчас, — непогрешимая копия оригинала. Думаю, что в нее была внесена масса изменений и поправок...»¹⁰⁸

В отличие от Ганди отец Беда признавал наличие исторического прототипа у Кришны, однако, по его мнению, для нас важно само послание этой личности,

¹⁰⁸ Махатма Ганди, отрывки из статей в журнале «Молодая Индия», 1925–1931 гг.

а не ее историчность. Что касается Иисуса из Назарета, то в этом человеке Бог радикально вмешался в ход исторического процесса, явившись в нашей временной и пространственной реальности, в конкретный исторический момент, «при Понтии Пилате».

Чтобы упорядочить духовную жизнь *ашрама*, Беда Гриффитс составляет молитвенник под названием «Сандхья-Вандана». В традиционном индуизме этот термин относится к молитвам, которые *брахманы* возносят три раза в день и которые считаются их «*нитья-кармой*», вечной обязанностью. Кастовая система запрещала проводить подобные ритуалы людям, не родившимся в *брахманских* семьях, однако отец Беда полагал, что эта система воспринимается современными индусами неверно: *брахман* — это любой человек, который посвятил себя Богу, который имеет «качества *брахмана*». В христианстве нет и не может быть деления на касты, поскольку Бог создал людей равными, а Иисус спас всех, вне зависимости от личных достоинств и недостатков. В основе сборника лежат тексты на санскрите, тамильском и английском, которые используются во время богослужения. Мечтой отца Беда было создание и официальное одобрение Церковью особого «чина индийской литургии», наподобие латинского, греческого, сирийского или армянского обряда, и фактически «Сандхья-Вандана» становится воплощением этой мечты. Несмотря на то что в реальности литургическая практика Шантиванама носит совершенно особый характер, не похожий на другие, формально она все-таки остается частью латинского обряда со значительными поправками. Сердце «Сандхья-Ванданы» — древняя «Гаятри мантра», которая была помещена на первую страницу книги. С «Гаятри мантры» начинается каждое богослужение в *ашраме*, и в этом Гриффитс не отступил от *брахманской* традиции, которая легла в основу духовной практики монастыря.

Первоначально эта *мантра* упоминается в «Риг-Веде» и, по мнению ученых, была обращена к богу Солнца:

*«Ом бхур бхувах сваха
Тат Савитур вареньям
Бхарго дэвасья дхимахи
Дхйо йонах праподайят»*¹⁰⁹.

Савитур — одно из имен лучезарного бога, каждое утро выезжавшего на своей сверкающей колеснице на небосклон над землей Ариев. Однако совершенно очевидно, что уже во времена *риши* это слово стало ассоциироваться с Высшим Существом, символом которого было солнце, как указано в «Бхагавадгите»:

*«О Арджуна, Я — Дух (Атма) в душе всех существ. Я — начало, середина и конец всех вещей. Я — хранитель и из всех источников света Я — светлое солнце, Я — сверхъестественные властители ветра, а из звезд Я — луна» (10.21)*¹¹⁰.

Следовательно, меняется и смысловое наполнение «*Гаятри*», и она становится основным гимном, воспеваемым ежедневно в честь Абсолютной Истины, проявляющей себя в различных формах. Уже в «Рамаяне» мудрец Агастья рассказывает Раме о славе Высшего Источника Света, скрытого за образом солнца:

*«Восходящее солнце с золотыми лучами, свет мира, поклонение и хвала: оно — Царь Вселенной, Господь. Ему поклоняются все боги и демоны... Он — Высшая Душа всех богов... Он — Брахма, Вишну и Шива... Он — Царь Небес и Повелитель Ада, Он в каждом боге, которому поклоняются от века, Он — Господь — Воитель, Царь Златого Чертога...»*¹¹¹

¹⁰⁹ «Риг-Веда», II.62.10.

¹¹⁰ «Бхагавадгита» в переводе д-ра Рамананды Прасада (Международное общество Гиты).

¹¹¹ «Рамаяна», песнь 106.

Отец Беда Гриффитс воспринял «Гаятри мантру» и передал ее своим ученикам как обращение к Божественному Логосу, в котором молящийся просит привести его к самосознанию:

*«ОМ, мы медитируем на лучезарное Слово,
Рассеивающее тьму невежества в трех мирах!
Да дарует нам этот славный Господь
Истинное знание!»*

После рецитации *ОМ-кары* и «Гаятри» монахи поют один из трех *бхаджанов* на санскрите, определенных для каждого времени суток, затем — вступительные молитвы Чина Сирийской Литургии, два псалма — на английском и тамильском, — после чего приступают собственноручно к литургическому действию. Отец Беда посчитал возможным использовать в песнопениях такие имена Божества, как *Говинда* и *Мукунда*, которые обычно употребляются по отношению к Кришне и означают соответственно «Пастух» и «Приносящий Освобождение», поскольку любимый его североиндийский поэт Кабир, о котором мы рассказывали в первой главе, понимал их как имена сверхличностного Абсолюта, независимые от того или иного проявления Ишвары (Господа). Движимый желанием как можно полнее представить в ашраме духовную культуру Индии, Гриффитс вводит в обиход литургические чтения не только Библии и трудов Отцов Церкви, но и отрывков из Священных Писаний Индии, Мира, а также цитаты из работ тамильских мудрецов и святых. Монахи ежедневно знакомятся с многовековой мудростью «Бхагавад-гиты» и Упанишад, размышляют над стихотворениями вдохновенных поэтов-*бхактов*. Отец Беда отказался от идеи стандартной *ишта-мантры* для всех монахов: для медитации каждый может выбирать тот стих или слог, который кажется ему ближе, при этом для совместных утренних и вечерних *намаджап* выбраны мантры «Кри-

ста джая джая Криста джая джая Криста джая джая намо намо» и *«Йесу Йесу джей джей намо»* соответственно. После 9 часов вечера, как и в «Курисумала ашраме», наступает время всеобщего молчания: обитатели монастыря готовятся ко сну.

Желая глубже познать тайны индуистской философии и практики, Беда Гриффитс в начале 1970-х гг. связывается с другом Абхишиктананды Раймоном Паниккаром, вместе с которым совершает несколько паломнических поездок по Индии и проводит всевозможные конференции на интересующие его темы. Также в этот период он пишет свою знаменитую работу «Возвращение к Центру», первые экземпляры которой монахи *ашрама* получают к 70-летию *Свами*. В этой книге Гриффитс рассматривает все стороны духовности, о которых он размышлял все эти годы. В одной из заключительных глав он как бы подводит итог своему диалогу с различными школами *веданты*, говоря о том, что каждый из трех выдающихся *ачарьев* Средневековья (Мадхва, Рамануджа и Шанкара) внес неоценимый вклад в развитие философской мысли Индии и всего мира, и они стоят в одном ряду с великими греческими мыслителями. Однако главное в их послании — это прозрения, которые направили их на путь размышлений о сути Абсолютной Истины: Шанкара постиг, что все сущее пребывает в состоянии недвойственности, Рамануджа подчеркнул, что недвойственность не означает утрату личностных качеств человека, а Мадхва указал на необходимости предания себя Высшему Существо. Особое значение отец Беда придавал диалогу христианства и *шайва-сиддханты*, распространенной среди тамильских *пандитов* (ученых). По его мнению, идея о том, что недвойственное единство с Богом реализуется на основе любви к Нему, и при этом личностное послание каждого человека не тонет в океане Абсолютного, как нельзя лучше соответствует христианско-

му мировосприятию. Общение с *шиваитами* заставляет Гриффитса обратиться к поэзии патриарха тамильской литературы Маниккавасагару, который жил в VIII в. и прославился как автор южноиндийского эпоса «Тирувасакам», полностью построенного на идее преданности Высшему Существо, коим для Маниккавасагара был Шива.

Несмотря на всеобщее признание заслуг Беда Гриффитса в самой Индии (по крайней мере, в епархии Тиручираппалли, епископ которой, Гарриель Сенгол, впоследствии говорил, что «дон Беда Гриффитс — великий дар Церкви Индии; Он был святым»), иногда он сталкивался с непониманием со стороны некоторых представителей римской иерархии, но его мудрость быстро разрешала все вопросы. Отец Беда относился к нападениям в свой адрес со «смирненным безразличием», обезоруживая, таким образом, своих оппонентов. По большому счету деятельность монахов «Сатчитананда ашрама» была признана в католическом мире, и на мероприятия, проводившиеся в монастыре, часто приезжали высокие гости, в том числе из Рима. В частности, в 1973 г., «Комиссия по диалогу в Индии» организовала в *ашраме* крупную международную конференцию, которую отметили своим присутствием не только два местных епископа, но и кардинал Россано, представлявший ватиканский «Секретариат для нехристиан».

«На трехдневной встрече, в которой участвовало более 50 человек, католиков, протестантов и индуистов, царила атмосфера открытости и дружелюбия, что явилось особым достижением, учитывая тот факт, что частую с обеих сторон превалирует страх и подозрительность.

Дискуссии также представляли собой огромный интерес. Тон встречи был личностным и экзистенциальным. Каждому представилась возможность задать себе во-

прос: «Что моя религия означает для меня, и как я отношусь к партнерам по диалогу?» Это было не академическое обсуждение религиозных отличий, которое ведет в никуда, а обмен духовным опытом, который ведет к истинному единству в богореализации. Это стало очевидным во время молитвенных служб, которые совместно проводились в часовне, построенной в стиле индуистского храма. Индуисты чувствовали себя как дома, поскольку богослужение состояло из чтений, молитв и гимнов, как из христианских, так и из индуистских источников. Было очень трогательно слушать индуистские молитвы и песни, выражающие печаль о грехе и жажду благодати, призывы к самоотречению и описание блаженства единения с Богом. На этом уровне индуисты и христиане получили опыт общения друг с другом и с Богом»¹¹².

Монсеньор Россано поделился своим видением принципов диалога христиан с представителями других религий, и эти принципы на тот момент были официально признаны официальным Римом. Самым важным, с его точки зрения, стало то, что монахи Шантиванама идут путем взаимообогащения с индуистами, буддистами и другими людьми, основываясь на некоем общем духовном опыте, находящемся за пределами познания. Кардинал указал на то, что

«В каждой религиозной традиции, не только в индуизме и христианстве, но и в буддизме, исламе, религиях африканских народов и американских индейцев, присутствует необъятная глубина религиозного опыта: каждый народ осознает Божественную Тайну на собственном языке, системе символов и образе мысли. Диалог подразумевает то, что каждый остается верным своей собственной традиции, но пытается открыться для осознания Божественной Реальности через другой образ мысли и ее выражение. Этот процесс можно сравнить с тем, как

¹¹² Беда Гриффитс, «Единая Тайна».

белый цвет, расщепляясь, дает начало другим цветам: красному, синему, зеленому, желтому, каждый из которых отличается от другого, а иногда даже переходит в его противоположность, и все-таки, когда они возвращаются к своему Первоисточнику, они снова становятся едины»¹¹³.

Во многом под влиянием идей Гриффитса делегаты Нагпурского семинара по евангелизации, съехавшиеся в Северную Индию со всех стран мира, приняли Декларацию, о которой пишет сам отец Беда в статье «Единая Тайна». Центральным посланием встречи стали слова о том, что

«Неизреченная Тайна, центр и основа реальности и человеческой жизни, в различных формах и различным образом действует среди народов мира и придает высший смысл человеческой жизни и устремлениям. Тайна, которую называют различными именами, ни одно из которых не может полностью отразить ее суть, ясно открылась и проявилась в Иисусе из Назарета»¹¹⁴.

БЕДА ГРИФФИТС: «АШРАМ И ЕВХАРИСТИЯ»

Ватиканский Собор провозгласил, что Евхаристия — источник и цель жизни Церкви. Я всегда видел в этом проблему. Конституция о Священной Литургии была создана литургической комиссией. До Ватиканского Собора на протяжении почти пятидесяти лет в Церкви было очень сильно литургическое движение, но его деятельность была весьма ограничена, у нее были ограниченные перспективы. Они подготовили эту конституцию заранее, и она была завершена одной из первых. То есть в на-

¹¹³ Беда Гриффитс, «Единая Тайна».

¹¹⁴ Там же.

чале Ватиканского Собора существовала определенная точка зрения, но она не включала в себя дальнейшее развитие. Я придерживаюсь взгляда, что Святой Дух — источник и цель деятельности Церкви, и в теологии св. Фомы Аквинского слово «*sacramentum*» означает «знак», и для него в Евхаристии хлеб и вино есть «*sacramentum*» или знак. И понятие «знак» контрастирует с понятием «*res*», «реальность». Реальность это что-то, на что указывает знак. Хлеб и вино — знаки и они что-то означают. И он учит, что «*sacramentum*» и «*res*», знак и обозначаемый предмет, есть тело и кровь Христа. Таково наше обычное понимание. Но далее он говорит, что «*res*», реальность Евхаристии, обозначаемая и осуществляемая нами, есть единство мистического Тела Христа. Он утверждает, что значение и цель Святой Евхаристии — единство мистического Тела Христа. Это очень традиционный взгляд и отцы Церкви на самом деле использовали словосочетание «Мистическое Тело» в отношении тела Христова в Евхаристии.

До недавнего времени большинство католиков думали, что Тело Христа в Евхаристии — это Тело на кресте. Многие люди считали, как кто-то объяснял мне, что если бы завеса (иллюзии) была убрана, то мы бы увидели Иисуса на кресте, как Он был распят, и вы присутствуете с Ним на кресте. Теологически это неверно. Мы должны различать, чем является Тело Христа в Евхаристии. Это не Тело на кресте, а Тело в воскресении, Которое не ограничено пространством и временем, и полностью едино с Богом. Таким образом, в Евхаристии через материальные хлеб и вино мы открываем себя для реального присутствия Иисуса в духовном Теле и в единстве с Отцом и Святым Духом. Католики очень привязаны к мысли, что Иисус полностью присутствует лишь в хлебе и вине и что самое важное для осознания реального присутствия Иисуса — это как можно чаще участвовать в Причастии. Но Иисус реально присутствует в Духе по-

всюду. Во всем Творении Иисус присутствует в каждой песчинке, в каждой мельчайшей частице. Святой Фома Аквинский задавался вопросом: «Как Бог проявляется в Творении?» И отвечал: «Прежде всего во всех предметах через Свою силу; Он поддерживает все сущее словом Своего могущества». И далее он отмечает: «Он не присутствует через Свою силу на расстоянии, потому что в Боге нет расстояния; таким образом, Он присутствует во всех предметах. Он не присутствует во всех предметах частично, потому что у Бога нет частей; Он присутствует в Своей сути». Таким образом, суть Божества, Пресвятая Троица, Христос в Его духовном Теле, присутствует в каждой частице материи. Вся Вселенная существует во Христе, в Боге. Мы видим завесу материи, но реальность Тела Христова всегда в Боге и всегда присутствует повсюду.

В Евхаристии Христос присутствует особым образом. Иисус хотел стать ближе для Своих учеников. Люди нуждались в каком-нибудь знаке Его присутствия. У Святого Духа нет знаков, но Иисус хотел дать нам знак Своего присутствия, и Он выбрал хлеб и вино, наиболее распространенные виды пищи, и явился ученикам в образе этих знаков. Вы можете хранить этот хлеб и это вино на алтаре и поклоняться Его присутствию в них, но вы не должны ни на секунду забывать, что Он присутствует во всем. Он присутствует в каждом человеке. Каждый человек создан по образу Божию. За нашим физическим телом скрывается присутствие Самого Бога в каждом человеке. Так что в Евхаристии Иисус проявляет особый вид Своего присутствия, очень смиренный. Нам необходимо что-то трогать, ощущать и чувствовать, и Он приходит к нам таким особым образом ради нашего блага. Есть чудесная индуистская традиция, согласно которой аватара, или Бог, присутствует в храмовом изображении. Локачарья, тамильский теолог XIV в., говорил: «Бог, будучи невидимым, становится видимым в храмо-

вом изображении. Бог, находящийся за пределами нашего познания, становится ближе к нам. Невидимый Бог позволяет Себя увидеть. Бог, к Которому нельзя прикоснуться, позволяет дотронуться до Себя». Это священное присутствие, которое имеет глубокий смысл, но Сам Бог не ограничен образом, не ограничен Евхаристией. Поэтому я и говорю, что мы не должны делать Евхаристию центром нашей жизни, но в то же время мы не можем без нее обойтись. Во времена св. Бенедикта у монахов могло не быть мессы вовсе, и уж конечно, они не участвовали в ней в другие дни, помимо воскресений и праздников. Понятие «месса» происходит от латинского слова «*missa*», которое произносится в конце евхаристического богослужения: «*ite missa est*», «идите, я отпускаю вас». Это разрешение покинуть обряд, но по определенным причинам это слово было выбрано для обозначения всей Евхаристии. В Правиле св. Бенедикта часто упоминается «*missa*», однако, как стало известно, это слово обозначает не Евхаристию, а молитвенные собрания. После обычных молитвенных богослужений существовало разрешение уйти, «*missa*».

Св. Бенедикт не был священником, и все его монахи были мирянами. Монашеское движение было движением мирян. Во времена св. Бенедикта монахам советовали избегать двух типов людей: епископов и женщин, поскольку епископ мог сделать их священниками, а женщины склонить к супружеству. Монах не был священником, он был членом общины мирян. Сегодня происходит все больший и больший рост общин мирян. Мы все чувствуем, что наши религиозные сообщества становятся слишком структурированными, мы обязаны следовать стольким правилам, что они постепенно становятся ограничениями. Я встречался со многими братьями и сестрами, которые чувствуют то же самое. Община — это организация со своими правилами и уставами. И мы все ограничены ими. Мы теряем нашу внутреннюю свободу. Томасу Мер-

тону удалось обрести свободу в очень жесткой цистерцианской системе, преодолев ее ограничения и сделав ее открытой. И мы надеемся на это сегодня: открыть эти структуры, потому что религиозная община должна быть общиной любви. Вы можете нуждаться в руководстве и правилах, но то, к чему мы действительно призваны, — это спонтанная любовь, которую мы должны разделить в любви Божьей.

В наши дни люди ищут общины мирян, где мужчины и женщины, не женатые (не замужние) и семейные, живут вместе, посвящая себя Богу и общине. Общины мирян в Южной Америке — модель такого сообщества. Они поддерживают отношения с приходом и епископом, но организуют свои собственные общины. Они размышляют о своей жизни, читают Писание, участвуют в Евхаристии, приглашая священника, который просто служит им. Их цель — посвятить всю свою жизнь Богу: экономически, социально и политически. Такова модель современной Церкви. Вот почему я не советую преувеличивать роль Евхаристии. Она очень ценна, это Таинство, великий знак присутствия Иисуса, но Он проявляется разными путями, и если мы будем ограничивать себя Таинствами, то утратим открытость к Его присутствию повсюду. Иисус присутствует в некаталиках и в нехристианах. Многие думают, что Иисус среди нас, но все остальные люди остаются вовне. Но Иисус присутствует в любом человеке, который открыт Благодати и Любви. Многие католики и протестанты сегодня говорят, что вы не можете спастись, если не верите в Иисуса Христа. Совершенно очевидно, что это бессмыслица, поскольку большая часть человечества всегда были за пределами Церкви и никогда не слышали об Иисусе Христе. Австралийские аборигены уже 40 000 лет живут в Австралии, что Бог делал с ними все это время? Они впервые услышали об Иисусе Христе всего 100 лет назад. Иисус умер за все человечество и Благодать Христа и Святого Духа

предлагается каждому человеку от начала и до конца мира. Даже если вы не исповедуете никакую религию, когда у вас есть любовь, доброта, бескорыстие, дружелюбие — то все это проявление божественной Благодати в вас. А если у вас есть религия — будь то индуизм, буддизм, ислам или любая другая, — то Благодать Бога во Христе нисходит к вам через Святого Духа в этой религии. Мы все участвуем в этой Благодати Бога, и христиане говорят, что это смерть и воскресение Христа, Его жертвоприношение абсолютной любви к миру, позволяет Благодати действовать во всем человечестве. Но эта Благодать может быть невидима.

Церковь — это Таинство Христа. Таинство — это знак — вся Церковь, ее иерархия, Таинства, доктрины, законы — все это знаки Божественной Тайны, которая есть Сам Христос. За этими знаками и словами скрывается реальность. На самом деле, если бы меня спросили, «Какова реальность Католической Церкви?», я бы ответил, что это общение учеников Христа, имеющих общение через Святого Духа, как дети Отца в бытии Троицы. Такова суть Церкви: общение людей в Любви Бога, открытой во Христе. Общение в Любви есть высшее назначение Церкви. Где есть общение в Любви, там есть Церковь. Как христиане, и в особенности как католики, мы должны высоко ценить Таинства. Они играют важнейшую роль в нашей жизни. Доктрины Церкви и иерархия также занимают свое место. Но это — sacramентальная Церковь. Институт Церкви есть Таинство, знак присутствия Бога. Все догматы Церкви суть знаки. Божественную Тайну нельзя точно выразить словами или понятиями. Не существует слов, которые могут адекватно описать ее. Максимум, что они могут сделать, это указать на эту Тайну, которая находится за пределами человеческих выражений. Мы должны пойти дальше sacramентальных знаков и даже дальше знака Христа. Сам Иисус есть Таинство Бога. Человеческая природа

Иисуса, Его жизнь, смерть и воскресение — знаки Божественного присутствия на земле. Мы должны пойти дальше человеческой сути Иисуса к Самой Божественности. Сам Бог находится за пределами всех этих знаков. Бог не ограничен Евхаристией или Церковью или Иисусом в Его человеческой форме. Он превосходит все слова, мысли и знаки.

Медитация — это искусство, занимаясь которым мы выходим за пределы тела и чувств. Мы стараемся успокоить тело практикой йоги, если это необходимо, а затем успокоить чувства. Мы не подавляем чувства, а учимся приводить их в гармонию, чтобы тело пребывало в мире. Затем мы встречаемся с умом, который бродит повсюду, и пытаемся привести его в состояние гармонии. Мы опять-таки не подавляем ум, мы осторожно подходим к нему, пытаюсь привести его к спокойствию и единству, зачастую используя мантры. Индуисты говорят, что таким образом он становится «однонаправленным», «экеграха». От блуждающих чувств, мыслей и ощущений, мы сосредоточиваемся на одной точке. Из этой точки мы идем за пределы тела и ума и встречаемся с Божественной Реальностью. В состоянии медитации мы напрямую встречаемся с Божественным. Косвенно мы нуждаемся в Нем в Таинствах и в мире, но напрямую и немедленно мы встречаем Христа как Бога во внутреннем опыте сердца. Таково созерцание. В христианской традиции медитация имеет рассудочный характер; созерцание же — это точка, в которой человек открывается Божественному. Созерцая, мы приводим ум в состояние спокойствия, и тогда туда приходит Бог и заполняет его. Так мы встречаемся с полной Реальностью. Умирая, мы становимся лицом к лицу с этой Реальностью. В состоянии медитации мы пытаемся достичь тишины, которая сродни самой смерти, и ощутить скрытую Тайну.

Задача ашрама — дать людям возможность открыть для себя тайну, находящуюся за пределами этого мира.

**Ворота
«Сатчитананда
ашрама».**

Церковь, мир и все человечество находятся в поиске Бога, и мы должны освободиться от всех ограничений, чтобы войти в сферу Божественного Присутствия. Бог призывает нас. Бог присутствует во всем, вытаскивая людей из их узких рамок, эгоизма, ограничений и приводя к Себе. Таково значение и цель жизни.

5. Реки Сострадания

К концу 1970-х гг. Беда Гриффитс был уже довольно известным человеком в католическом мире. Его знали не только как автора множества книг по диалогу между восточной и западной культурой и религией, но и как просветленного духовного учителя, способного привести человека к «новому видению Реальности». Его часто приглашают выступить с лекциями в универ-

ситетах и монастырях в различных странах мира, особенно в США, где он проводит почти год (1979–1980), переезжая из одного города в другой и беседуя со священниками, монахами и мирянами. Результатом этих поездок становится сборник лекций, озаглавленный как «Космическое Откровение», а также целый ряд аудиозаписей, некоторые из которых были впоследствии расшифрованы и изданы отдельно. Вернувшись в «Сатчитананда ашрам», отец Беда начинает работать над комментариями к «Бхагавадгите», в которых доносит идеи произведения до христианской аудитории, делая их доступными к пониманию на Западе. Книга появляется на прилавках книжных магазинов в 1987 г. под названием «Реки Сострадания» и сразу становится библиографической редкостью. В каком-то смысле «Реки Сострадания» стали иллюстрацией внутренней сути отца Беды, символом всей его миссии, ведь даже само его духовное имя «Даянанда» переводится как «Блаженство Сострадания».

В конце 1989 г. здоровье *Свами* пошатнулось: материальное тело уже не выдерживало таких нагрузок, какие он мог себе позволить в молодости. У отца Беды постепенно развивалось заболевание сердца, последствия которого не заставили себя долго ждать: 25 января 1990 г. у него случился первый сердечный приступ. Интересно, что в жизни Беды Гриффитса повторились почти те же события, что некогда происходили со *Свами Абхишиктанандой*: приступ, окончательное самосознание, *махасамадхи*. В отличие от Ле Со отец Беда прожил еще 3 года после первого опыта и у него было больше времени осмыслить происходящее и поделиться мистическими ощущениями с другими. Отец Беда потерял сознание прямо в своей хижине в Шантиванаме, увидев при этом саму Божественную Любовь, которая помогла ему справиться со смертью. Позже он вспоминал, что получил в это мгновение мощный *ад-*

вайтический опыт, осознав себя поглощенным Единым Божественным Началом, которое, ко всему прочему, имело женскую природу. Позднее он говорил своим ученикам:

«Я бы хотел поделиться с вами моим адвайтическим опытом... Я был захвачен и переполнен Любовью. Во мне открылось женское начало, и я обрел новое видение. Я увидел, что Любовь есть базовый принцип всей Вселенной. Я увидел Бога в земле, в деревьях, в горах. Это привело меня к убеждению, что в мире нет ни абсолютного добра, ни абсолютного зла»¹¹⁵.

Адвайтический опыт Беды Гриффитса проявился в двух образах: с образом Черной Мадонны (за которой угадываются очертания древней богини *Шакти*, символизирующей, с одной стороны, Святого Духа, духовную энергию Высшего Существа, а с другой стороны, напрямую связанной с Матерью-Природой, с темной стороной Божественного, проявленной в материи) и с образом Распятого Христа, который *«отдался Темной Силе»¹¹⁶*, Смерти, которая на самом деле есть иное проявление того же Света и Жизни, о которых мы рассуждаем в христианстве. В «Бхагавадгите» Кришна несколько раз обращается к образу Смерти и во всех случаях отождествляет ее с Богом:

«Я — всепоглощающая смерть и источник будущих существ. Я — семь богинь (дэви) или ангелов-хранителей семи качеств — славы, процветания, речи, памяти, разума, решимость и снисходительность». (10.34)

«Верховный Господь сказал: "Я — время (или смерть), могучий разрушитель мира. Я пришел, чтобы уничтожить всех этих людей. Даже если ты не будешь участво-

¹¹⁵ Беседа Беды Гриффитса с учениками в Джайхарикале, 1991 г.

¹¹⁶ Паскалина Кофф, «Поэт, мистик, человек».

вать в битве, все воины, участвующие в битве с обеих сторон, прекратят свое существование"». (11.32)¹¹⁷

Для отца Беды стало очевидно, что физическая смерть, или смерть своего ложного эго, даже если она и не затрагивает материальное тело, есть путь к самосознанию и недвойственности. Со времени сердечного приступа лик Черной Мадонны сопровождает *Свами* повсюду, и он настойчиво говорит о том, что необходимо безраздельно предаться Божественной Матери, чтобы она заполнила всю человеческую суть Любовью:

«Я почувствовал необходимость предаться Матери... Я осознал, что предание себя Смерти и умирание для своего эго есть предание Любви в ее полноте»¹¹⁸.

Гриффитс рассуждает с учениками о том, что даже Сам Иисус на кресте полностью предался Темной Матери, «вошел в Темную Ночь», почувствовал себя оставленным друзьями, семьей и даже Богом: «*Боже Мой, зачем ты оставил Меня?*» — таковы были его предсмертные слова, упоминаемые Евангелистами. И только став ничем, Христос смог стать всем, вернувшись в состояние изначального единства с Отцом через Темную Мать. Путешествие в Ад, о котором говорит «Апостольский Символ Веры», есть не что иное, как нисхождение в глубины подсознания, и эта мысль также постоянно высказывается отцом Бедой.

Несмотря на предупреждения врачей, в последующие два года Беда Гриффитс продолжает активно путешествовать: он посещает Европу, Америку и другие уголки мира, выступая с лекциями и проповедями. В 1991 г., во время своего визита в Австралию, *Свами* встречается с Его Святейшеством Далай-ламой XIV, который путешествует из страны в страну, лишенный

¹¹⁷ «Бхагавад-Гита» в переводе д-ра Рамананды Прасада (Международное общество Гиты).

¹¹⁸ Из записей учеников Беды Гриффитса.

возможности жить в стране, главой которой он считается. Далай-лама обладал хорошим чувством юмора и был прост в общении, и эти его черты оказались общими с характером отца Беда. Духовный лидер тибетского буддизма высоко оценил усилия Гриффитса в области диалога с буддизмом и отметил особую святость этого человека. Буддисты, сопровождавшие Далай-ламу, были удивлены его глубокими познаниями в области философии махаяны и признали его просветленным учителем. Несмотря на серьезные различия в учении двух великих религий, отец Беда серьезно относился к мистическому опыту буддийских святых и говорил:

«Будда, Кришна и Христос: каждый из них представляет собой уникальное Откровение Бога, Божественной Тайны и каждого следует воспринимать в его историческом контексте в соответствии с его собственным образом мысли».

«Различия необходимы, но они не обесценивают Откровение Будды или Кришны».

В октябре 1992 г. Беда Гриффитс вернулся в «Сатчитананда ашрам» и посвятил последние дни своей жизни медитации и работе над статьями. Начиная с января 1993 г. он стал испытывать регулярные недомогания, которые снова привели его к нескольким сердечным приступам. Отец Беда покинул этот мир 13 мая 1993 г. в своей хижине в Шантиванаме, окруженных преданными учениками и друзьями. *Махасамадхи* (могила) Свами Даянанды находится на территории «Сатчитананда ашрама», рядом с местом захоронения его ближайшего ученика Свами Амалдаса. Хижина Беда Гриффитса открыта круглые сутки, чтобы каждый мог увидеть, где и как жил один из трех отцов-основателей Шантиванамы.

Памятник-самадхи
Беды Гриффитса
(Свами Даянанды)
в «Сатчитананда
ашраме».

САТСАНГ С БЕДОЙ ГРИФФИТСОМ¹¹⁹

Вопрос: *Вы говорили о том, как Иисус будет «отделять овец от козлов». Что Вы можете в этой связи сказать об аде? Что имеет в виду Иисус, когда говорит о нем?*

Ответ: Это очень сложный вопрос, и последнее время я много размышляю об этом. Мое мнение таково: Иисус воплотился как иудей в I в. н. э. Он воспринял религию на арамейском и еврейском языках, от матери и приемного отца. Он вырос как еврейский мальчик, думая и говоря точно так же, как и другие иудеи его времени. Если вы посмотрите на язык Иисуса, то уви-

¹¹⁹ Текст был подготовлен Паскалиной Кофф для одного из проектов Фонда Беды Гриффитса на основе его интервью и произведений.

дите, что это язык иудаизма того времени: пришествие Мессии и установление Его Царства и так далее. Он оставил у своих учеников четкую уверенность в том, что Мессия, как они и ожидали, вернется, возможно, даже при их жизни. Таким образом, Он жил внутри этой иудейской традиции. И я думаю, что когда Он говорит о Суде — об овцах и козлах — он рассуждает в рамках этой традиции, со всей ее ограниченностью. Мы должны осознать, что за всей этой двойственностью рая и ада, добра и зла, жизни и смерти существует Высшая Реальность, и она недвойственна.

Великое прозрение Индии заключается в том, что все, что мы постигаем с помощью чувств и разума, имеет двойственную природу. Человеческий ум познает через двойственность: разум и материя, сознательное и бессознательное, время и пространство — все эти понятия дуалистичны. И это истина, хотя и ограниченная. У нее всегда есть рамки. За пределами этой двойственности находится недвойственная Реальность, которая ведет все существующие реалии к Единству. Для меня это величайшее прозрение. Как христиане, мы все должны открыть для себя эту Реальность недвойственного за пределами дуализма. Таким образом, даже двойственность рая и ада — это лишь один из уровней Истины.

Мы должны осознавать, что есть различные уровни Истины. Приведу один пример: если я скажу, что солнце встает на востоке и садится на западе, — это истина, истина с точки зрения чувственного восприятия. Но затем, когда я открою для себя, что Земля движется вокруг Солнца, я, напротив, буду говорить, что солнце не встает и не садится. Это Земля движется, и она представляет собой твердое тело, которое вместе с другими планетами обращается вокруг Солнца; Солнце в свою очередь обращается вокруг центра галактики и так далее. Таков ньютоновский взгляд на мир и он отражает

истину с некоторыми ограничениями. Теория относительности идет дальше, и сегодня, благодаря квантовой физике, мы используем другую парадигму Вселенной. Таким образом, все понятия находятся на разных уровнях истины, и мы никогда не достигнем Абсолютной Истины, пока находимся в этом мире двойственности и человеческих концепций. Все эти модели Вселенной, и современные ученые с этим согласны, истинны с определенными оговорками, но они не полноценны и никогда не станут таковыми.

Я думаю, что Иисус, в частности в синоптических «Евангелиях», учил людей на том уровне Истины, который им подходил и который подходит большинству людей. Мы нуждаемся в разделении добра и зла, рая и ада — но за пределами этого есть другой уровень истины, который открывается нам в «Евангелии от Иоанна». Святой Иоанн ведет нас в мир, находящийся за пределами этих пар противоположностей. Самая глубокая мысль «Евангелия от Иоанна» заключена в словах: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино». Такова Недвойственная Реальность: Иисус и Отец полностью едины, между ними нет никакой двойственности. И все мы также призваны к этому недвойственному единству между Отцом, Сыном и Святым Духом. Таково христианское Откровение! И оно недвойственно. Так что, по правде говоря, рай и ад — это уровень Истины, необходимый для многих людей, а в прошлом он был нужен большинству людей. Сегодня для многих это учение становится проблемой. Я думаю, что мы должны преодолеть мир дуалистического мышления и осознать наше призвание идти дальше этих пар противоположностей, чтобы осознать Абсолютную Истину, которая заключена в общении Любви с Отцом через Иисуса Христа. Таково наше предназначение.

В: *Отец Беда, чтение тибетского текста «Дзогчен» вызвало у Вас определенный энтузиазм. Не могли бы Вы прокомментировать этот аспект буддийского учения в его связи с христианской мистикой и индуистской адвайтой?*

О: «Дзогчен» («Dzogschén»), который я только что открыл для себя, это прекрасный текст на тему недвойственности. Отличительной чертой тибетского буддизма (и, в некоторой степени, буддизма махаяны в целом) является понимание того, что Недвойственная Реальность включает в себя всю Реальность. Эта истина не ставит под сомнение ни одного из аспектов реальности материального мира, однако она рассматривает весь материальный мир со всем его разнообразием как часть Недвойственной Реальности. Иногда говорят, что мир — аспект недвойственного, заключая, что сансара и адвайта суть одно. Адвайта — это Недвойственная Реальность, а сансара, изменяющийся мир пространства и времени, находится в лоне адвайты и является аспектом адвайты.

В: *Однажды Вы сказали об исхождении из Бога и о возвращении к Богу. Не могли бы Вы поподробнее рассказать, как это происходит?*

О: Каждый из нас пришел из вечности, из потаенных глубин Отца, и проявился в Слове. Здесь мы обрели имя и форму. Здесь мы осознаем себя от века. В Отце мы существуем вечно в непостижимом единстве без различия. В Сыне мы существуем вечно как различные сущности, и в то же время без различия, потому что все существа в Боге есть Бог. Таково наше вечное и несотворенное положение в Слове. Но когда мы проявляемся во времени, мы становимся различными и отделенными. Таким образом, мы начинаем свое существование не только в Боге, но и в нас самих. Однако милость Бога всегда привлекает нас назад, к Нему. Мы вышли

из Бога, чтобы существовать самим в себе, чтобы познать себя как различные и отдельные существа. Каждый из нас — отдельное и уникальное отражение Бога с потенциальной возможностью быть свободным, выражать свою волю и проявлять себя как существо. Именно в этот момент мы можем решить отделиться от Бога, отказаться признавать нашу зависимость от Него и создать иллюзию независимости, став объектом действия майи. А можем принять решение вернуться к Богу, найти наше истинное Я в Нем, познать себя как Его проявление и как проявление Его Слова. Такова драма грехопадения и искупления.

В: *Когда Вы говорите об освобождении и предании себя Пустоте, как Вы соотносите это освобождение и страдание с чувством индивидуальной преданности?*

О: Это действительно проблема! Вы можете осознать это только на практике, в своей жизни. Кабир, великий поэт из Северной Индии, к произведениям которого мы постоянно обращаемся, все время говорит о любви и непривязанности, так как они идут вместе. Непривязанность означает отказ от своего эго. Основным фактором, который нас сдерживает, является ум, сосредоточенный на эго, и, согласно индуистскому учению, ум состоит из манаса, буддхи и ахамкары. Мы обладаем манасом, или аналитическим, научным умом, и ахамкарой, «Я-сознанием» — мы полностью подчинены этому эго, этому «Я». С одной стороны, оно способствует нашему росту, а с другой стороны, поработывает нас. Мы должны разрушить эго, открыть нечто, находящееся выше эго и увидеть Божественное. Но далее, конечно, эта идея несколько сбивает с толку. Вы должны подняться [над собой], а затем вернуться. На самом деле, нам всегда приходится подниматься и возвращаться — это постоянное движение. В какой бы ситуации вы ни находились, вы должны встретить ее и

подняться над ней — не позволяйте обстоятельствам просто вести вас. Но затем, когда вы поднялись над проблемой, в тот же момент вы возвращаетесь и беретесь за ее решение — таким образом, налицо два действия в одном. И снова вы должны подняться над двойственностью. Лишь на собственном опыте вы сможете познать, как привнести сознание Единого в комплекс действий и явлений вашей повседневной жизни. Это дело всей жизни — действительно научиться этому. И я думаю, что медитация — это один из главных путей. Медитируя, мы пытаемся успокоить тело и чувства, привести в порядок ум со всеми его мыслями и проникнуться сознанием Присутствия. Чем больше мы осознаем Присутствие, тем больше Оно захватывает наш ум, тело и проникает во все наше существо. Таким образом, всегда есть два движения, которые происходят одно за другим, одно вслед другого и одно с другим.

В: Отец Беда, Вы очень часто говорите о глубинном Центре внутри нас, который можно осознать только опытным путем. Не могли бы вы рассказать об этом Центре и объяснить, как это понятие связано с тем, что индусы называют «вечной религией»?

О: Эту вечную религию можно обнаружить в любой религии, она лежит в основе религии и является ее источником. Однако ей нельзя дать четкого определения. Вечная религия представляет собой реальность, находящуюся за пределами догм, и справедливость, превосходящую все законы. Но в любом случае, ее можно отыскать в сердце каждого человека. Это закон, «начертанный на их сердцах». Его нельзя познать с помощью чувств или разума — это опыт постижения глубин души. Кто-то сказал: «Материальные чувства не могут ни познать Бога, ни соединиться с Ним. Такие способности, как рассудочная деятельность, воля и па-

мать, могут лишь открыть Его существование, но не могут стать местом Его обитания в тебе. Однако в глубине тебя есть корень, из которого происходят все эти способности, как лучи из центра, или как ветви Древа Истины. Эта глубина и именуется Центром, Основанием или Дном души. Эта глубина есть единство, вечность. Я уже коснулся темы бесконечности твоей души — она бесконечна и ничто не может удовлетворить или умиротворить, кроме бесконечности Божества». Именно в этой глубине находится истинная религия. Это источник, в котором берут свое начало все религии, цель к которой они стремятся, и он находится в сердце каждого человека. Именно из этого центра человек пал и именно к этому центру он должен вернуться. Каждая религия пытается познать эту истину и найти путь возврата.

Так что каждый должен найти Центр в себе самом — эту основу существования, закон жизни. Он сокрыт в глубинах каждой души и ждет, когда мы его обнаружим. Это сокровище, зарытое в поле, драгоценная жемчужина. Это единственная вещь, которая нужна, чтобы удовлетворить все наши желания и ответить на все наши нужды. Однако толстый слой привычек и убеждений скрывает от нас этот Центр. Мир строит вокруг него свои ограждения. Этот Центр есть первобытный рай, из которого мы пришли, и о котором Вордсворт сказал: «Небеса были с нами в нашем детстве». Когда-то мы все были невинны, чисты и святы, поскольку произошли от Бога, затем мы попали в этот мир и ангел со сверкающим мечом преградил нам путь назад. Все эти тайны сокрыты в бессознательном. Там до сих пор есть изначальный рай и грехопадение происходит в жизни каждого из нас. Травма рождения в этом мире. Так появляются слои привычек и убеждений, привязывая нас к этому миру, начиная действовать тогда, когда мы еще находимся в утробе матери. Так появляется великая сеть

майи, которая скрывает от нас наше истинное «Я» и превращает нас во врагов своего дома. Но всегда можно найти путь назад. Каждый миф или ритуал первобытных религий — это откровение скрытых тайн бессознательного и путь к открытию нашего истинного «Я».

В: *Медитация — это точка соприкосновения Востока и Запада. Каким образом западная традиция может научиться медитации у восточной?*

О: У нас на Западе есть замечательная традиция медитации (размышления). Она берет свое начало в Новом Завете (у св. Иоанна и св. Павла, но особенно в Евангелии от Иоанна) и она особым образом была развита греками, прежде всего св. Григорием Нисским, выдающимся отцом IV в., который многое позаимствовал в греческой традиции. Со своим братом св. Василием он отправился в Афинский университет, языческий университет и занялся изучением греческой философии, в частности платонизма. Они привнесли это учение в свое христианское миропонимание и разработали замечательную мистическую традицию. Св. Григорий Нисский выделял три пути: путь очищения (очищение себя от греха и привязанности к ложному эго), путь самосознания (просвещения), когда человек раскрывает себя для божественного откровения — откровения Бога миру, и, наконец, путь единения, идя по которому человек возвышается над словами и концепциями и погружается в божественную пустоту (тьму). Такова мистическая традиция, с которой христианство вошло в Средние века. Есть замечательная английская средневековая книжка «Облако незнания», описывающая облако, за которым наш ум встречается с Богом в незнании. Ваш разум не действует, вы преодолеваете незнание и открываете для себя Бога.

Таким образом, у нас есть глубоко укорененная в традиции медитативная практика, во время которой че-

ловец возвышается над чувствами и разумом и открывается запредельной божественной тьме. В нашем ашраме мы используем Иисусову Молитву в качестве мантры. В большинстве традиций вы пытаетесь сконцентрировать свой ум, повторяя то или иное слово, в котором содержится жизненная сила. Вы садитесь, контролируете дыхание и успокаиваетесь. Вы повторяете мантру, которая фокусирует ум и позволяет Вам подняться над ним. Таков метод и западной медитации. Мы видим, что сегодня многие ищут способ медитировать, но у многих христианских церквей нет такого метода. В Католической Церкви у нас есть метод св. Игнатия, который идеально подходит начинающим. Св. Игнатий разработал его для того, чтобы подняться над уровнем размышления, однако, как правило, все заканчивается именно на этом уровне. С помощью этого метода можно медитировать на том или ином отрывке из Евангелия, а затем двигаться к более глубокому уровню единства с Богом и Христом. Вы должны подняться к Высшей Цели, которая находится за пределами слов, мыслей, образов и выше любого сотворенного объекта. Такова христианская традиция, но мне кажется, что нам необходимо вести диалог с восточной традицией, чтобы обновить нашу собственную. Это жизненно необходимо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ШАНТИВАНАМ: 10 ЛЕТ СПУСТЯ

1. Новое видение Реальности

В середине декабря 2006 г. в «Сатчитананда ашраме» прошли празднования столетнего юбилея отца Беды Гриффитса, на которые съехалось более 70 человек со всех стран мира. Торжества возглавил ученик *Свами*, брат Джон Мартин Куварапу, который на сегодняшний день считается одним из ведущих теологов Камальдолезской Конгрегации и всего Ордена святого Бенедикта. Почти неделю священники, монахи и миряне обменивались своим видением философии и жизни отца Беды, а также участвовали в богослужениях и *сатсангах*, проводившихся в память об Учителе. По окончании праздника все гости собрались на совместный ужин с жителями деревни Таннирпалли, которые также помнят знаменитого англичанина, ставшего для них добрым другом и помощником. До сих пор тамильские девочки со всей округи приезжают заниматься в школу кройки и шитья, основанную *Свами*, что значительно облегчает их жизнь и позволяет найти неплохую работу. Зачастую, с уходом выдающихся учителей и святых, их дело так и остается незавершенным. Не имея достойных продолжателей, эти *гуру* становятся молчаливыми и безучастными памятниками самим себе и своей философии. Монахи Шантиванама выдержали испытание потери своего лидера, и на сегодняшний день «Сатчитананда ашрам» — это хоть и небольшая, но признанная монашеская община, которая регулярно принимает гостей и учеников. Большинство паломников едут в монастырь на практику и для изучения опы-

та инкультурации через активное участие в жизни монахов. Инициаторами программ во многих случаях становятся епископы и другие высокопоставленные иерархи Церкви, заботящиеся о духовном здоровье своей паствы. Как уже говорилось, Шантиванам — камальдозский монастырь (то есть он входит в Конгрегацию Камальдоли, центр которой находится в Ареццо, Италия). Беда Гриффитс, будучи бенедиктинцем, хотел, чтобы опытом его общины могли воспользоваться монахи и миряне по всему миру, и изучал философию и практику различных конгрегаций Ордена, планируя стать частью одной из них. Камальдозцы — пожалуй, самая созерцательная из бенедиктинских групп, и, помимо прочего, они накопили богатый опыт межрелигиозного диалога и инкультурации. В наши дни Конгрегация располагает монастырями в различных уголках планеты: в Бразилии, в Танзании, в Польше, во Франции, в США и, конечно, в Индии. Резиденция Генерального Приора Конгрегации расположена в монастыре Сакро-Эремо в Италии. История камальдозцев началась в XI в., когда бенедиктинский аббат, святой Ромуальд, решил основать монастырь, обитатели которого посвящали бы свою жизнь медитации, проживая в уединении и встречаясь лишь для совместных богослужений. История святого Ромуальда заслуживает отдельного внимания: этот человек родился в 951 г. в семье герцогов-правителей Равенны. С самого детства он купался в роскоши и ни в чем себе не отказывал, однако вскоре начал осознавать неполноценность такого образа жизни. Чашу его терпения переполнил случай, благодаря которому он и стал монахом: его отец, герцог Онести, постоянно враждовал с другими феодалами, и однажды сам Ромуальд стал свидетелем убийства основного противника семьи, некоего Серджио. Ощущая свою причастность к содеянному, молодой человек принял решение искупить вину своего кла-

на и принял постриг в одном из окрестных бенедиктинских монастырей, славившихся строгостью устава. Очень скоро он стал образцовым монахом, почти святым, что вызвало острую зависть некоторых братьев, и однажды они чуть не убили его. Это событие в очередной раз перевернуло мировоззрение Ромуальда: он решил, что Ордену необходима немедленная реформа, и спасение монашеской культуры лежит в возвращении к идеалу пустынников первых веков христианства, а именно в изолированной жизни и непрерывной созерцательной молитве. Получив разрешение от местного епископа и приобретя участок гористой местности в качестве пожертвования от одного богатого феодала, Святой построил небольшой «эрмитаж» под названием Сакро-Эремо, который привлек многих людей, стремившихся к созерцательной уединенности. В 1072 г. община была выведена из под юрисдикции местного епископа, и создание Конгрегации можно было считать свершившимся фактом. Идеи святого Ромуальда привлекали все новых и новых сторонников, и уже к XIV в. насчитывалось около десятка монастырей, возглавлявшихся его последователями. Несмотря на провозглашенную философию монашеской жизни в уединении, в Конгрегации оставалось место и для монахов-общинников, или киновитов, что привело к некоторым разногласиям, в связи с которыми Конгрегация раскололась на несколько независимых монастырей и групп монастырей, а также возникла новая бенедиктинская Конгрегация эремитов. К началу XX в. возникла острая необходимость объединения этих групп, связанных между собой общим духовным наследием и практикой, в одну каноническую структуру, и в 1935 г. Папа Пий XI провозгласил создание общей Конгрегации камальдолезцев ордена святого Бенедикта (*Congregatio Camaldulensis Ordinis Sancti Benedicti*), а также создание родственной ей Конгрегации камаль-

долезских эремитов Монте-Короны (Congregatio Eremitarum Camaldulensium Montis Coronae), руководство которой по определенным причинам отказалось от объединения с большинством наследников святого Ро-муальда. Отец Беда был убежден, что именно Конгрегация камальдоли как нельзя лучше отвечает учению трех основателей *ашрама*: ее философия была построена на идеях всеединства и достижения интеграции с Богом, а ее духовная практика носила особый медитативный характер. По просьбе отца Беды Генеральный Приор Конгрегации дон Бенедетто Калати принял «Сатчитананда ашрам» под свое начало, и Шантиванам стал одним из восьми основных центров камальдозезской духовности. Сам тогдашний Приор отличался весьма широким видением Реальности и был настроен на диалог с миром и другими религиями, так что опыт трех *Свами* был для него ответом на многие вопросы и подтверждением плодотворности того пути, по которому он вел вверенных ему братьев-монахов. Бенедетто (Луиджи) Калати, как и основатели *ашрама*, родился во времена расцвета «эпохи итальянских Пиев» (в 1914 г.), когда иметь свое мнение в Церкви было весьма сложно. Его родители были бедными, и уже в подростковом возрасте он был помещен в кармелитский монастырь, жизнь в котором потрясла его своей строгостью и определенной долей лицемерия. Он стал мечтать об истинном духовном опыте и обратил свой взор в сторону Камальдоли, где, по его словам, Истина не подвергалась цензуре церковных бюрократов, а Слово Божие изучалось «*sine glossa*», без цензуры со стороны политически ангажированных религиозных властей. Когда Бенедетто исполнилось 16 лет, он сбежал из своего монастыря и нашел убежище в стенах Сакро-Эремо. В течение долгих лет Калати в уединении медитировал и следовал укладу монашеской жизни, а в 1951 г. был назначен представителем Ордена при Святом Престоле. Рим-

ский период жизни дона Бенедетто знаменуется его активной теологической деятельностью: он возглавляет кафедру средневековой монашеской духовности при монашеском институте Сан-Ансельмо и общается с видными философами и интеллектуалами того времени. В 1969 г. Бенедетто Калати становится Генеральным Приором Конгрегации. Девизом его наставничества стало вдохновенное прозрение святого Григория Великого, Папы Римского, который нашел в себе смелость сказать, что *«последний из верующих может понять Слово точно так же, как Папа»*. Он вырабатывает четыре принципа камальдозеской духовности, которые становятся лейтмотивом деятельности и мироощущения членов Конгрегации на многие годы:

1. Регулярная медитация над Словом Божиим и общение на духовные темы;
2. Признание первенства Личности над Законом;
3. Совместная молитва;
4. Диалог с миром и другими религиями.

Ко времени вступления Шантиванама в Камальдозескую Конгрегацию монахи под руководством дона Бенедетто уже достигли многих успехов в области изучения духовности нехристианских религий, а также в сотрудничестве с их представителями, но опыт Беды Гриффитса бурным потоком влился в их образ жизни и практику. Незадолго до смерти отца Беды Папа Римский Иоанн Павел II высоко оценил деятельность монахов Конгрегации в целом и Свами «Сатчитананда ашрама» в частности. Во время посещения монастыря Камальдоли 13 сентября 1993 г., понтифик произнес историческую речь, в которой заявил:

«Выбрать Бога также значит смиренно и терпеливо, согласно Божьему плану, вести экуменический и межрелигиозный диалог. Общины вашего Ордена, особенно в Ка-

лифорнии и в Индии, уже в течение многих лет ведут духовный поиск, через молитву и диалог с буддийскими и индуистскими монахами, основанный на взаимном уважении»¹²⁰.

Помимо монахов-камальдолезцев учениками отца Беды Гриффитса считают себя десятки людей во всем мире. Его философия и «видение Реальности» распространяется благодаря созданной в 1994 г., вскоре после его *махасамадхи*, «Сангхе Беды Гриффитса», центр которой находится в Великобритании, а филиалы разбросаны по всему миру. По мнению участников *Сангхи*, послание отца Беды не ограничено христианским миром, поэтому участвовать в ее деятельности может любой желающий, а основная цель движения — развитие видения *Свами* в современном мире и поиск Истины у истоков всех духовных традиций. «Сангха Беды Гриффитса» организует регулярные встречи, *сатсанги*, медитации и другие мероприятия, основанные на ритме жизни «Сатчитананда ашрама», при этом католические священники, участвующие в «Сангхе», проводят во время этих собраний богослужения в соответствии с «Сандхья-Ванданой» Беды Гриффитса. Помимо «Сангхи Беды Гриффитса» существуют и другие организации, которые распространяют учение отца Беды в сотрудничестве с ней либо самостоятельно. Здесь, прежде всего, следует упомянуть Фонд Беды Гриффитса, который, будучи католической организацией, ставит своей целью обновление медитативной жизни в современной Церкви и мире. Самые крупные центры Беды Гриффитса находятся в Индии («Сатчитананда ашрам»), Италии (монастырь Камальдоли) и США (монастырь Нью-Камальдоли). Хотелось бы особо отметить женский монастырь Сестер Непрерывного Поклонения, Осэдж, который находится в штате Оклахома, США:

¹²⁰ Отрывок предоставлен отцом Бруно Барнхартом, ОСБ, Кам.

его настоятельница — сестра Паскалина Кофф — одна из самых верных учеников и продолжателей дела Беды Гриффитса. Ее обитель построена на тех же принципах, что и Шантиванам, поскольку сама сестра Паскалина провела целый год в компании *Свами* в «Сатчитананда ашраме». Монастырь появился на карте Америки в 1980 г., когда сестра Паскалина и ее помощники построили в лесу, который является домом для индейцев племени осэдж, небольшую часовню. Непосредственная близость к реке Арканзас позволяет гостям ощутить атмосферу Шантиванам на другом конце земного шара. Помимо традиционных католических богослужений и медитаций, основанных на принципах, разработанных Бедой Гриффитсом, сестры монастыря организуют встречи, посвященные культуре и философии дзэн-буддизма, размышляя над наследием отца Томаса Мертон и других пионеров диалога с восточными религиями.

Духовный путь предшественников Беды Гриффитса, *Свами Абхишиктананды* и *Жюля Моншанена*, во многом отличается от его собственного пути, и особенно это касается жизни *Анри Ле Со*. *Абхишиктананда* один из первых принял отчаянное решение получить посвящение не только в христианское монашество, но и в индуистскую *санньясу*, и безраздельно предался не двойственному единству, которое стало для него Высшим Идеалом. Покинув Шантиванам, *Свами* вдохновил целую плеяду христианских *санньяси* на повторение его пути, и в первую очередь своего любимого ученика *Марка Свами Аджатананду*. Традиция двойного посвящения не получила широкого распространения, однако ряд монахов, основавших свои христианские и экуменические *ашрамы* на севере Индии, продолжили дело *Абхишиктананды*. Самый успешный опыт в этом отношении показал секретарь «Общества *Абхишиктананды*» *Свами Атмананда*, который, будучи

христианином сирийского обряда, получил посвящение в индуистском ордене «Удасин Пантх», став учеником Шри Свами Чандры Удасина. Атмананда провел четыре года в полном уединении в иудейской пустыне, следуя традиции сирийских отцов-пустынников, а в 1997 г. обосновался в Ришикеше, недалеко от которого осенью 2006 г. он открыл экуменический «Аджатананда ашрам». Само Общество Абхишиктананды появилось сразу же после ухода Анри Ле Со, в декабре 1973 г. У его истоков стоял друг Абхишиктананды, доктор Раймон Паниккар, ставший президентом Общества в год его официальной регистрации (1978). Отец Раймон был рукоположен в католические священники в 1946 г. Его отец был индийцем и индуистом, а мать — католичкой испанского происхождения. Сам Паниккар появился на свет в 1918 г. в Испании, а переехал в Индию лишь в 1954 г. Прожив в Варанаси несколько лет, он написал ряд работ, посвященных индийской философии и культуре, среди которых труд «Ведический опыт», который представляет собой антологию *ведических* гимнов на английском языке. Книга «Неизвестный Христос индуизма», изданная в Лондоне в 1964 г., вызвала интерес мировой общественности, и отец Раймон был приглашен вести курсы сравнительного религиоведения во многих университетах мира. После ухода на пенсию в 1988 г., Паниккар вернулся в Испанию и возглавил центр межкультурных исследований «Vivarium», а также стал консультантом ЮНЕСКО по межрелигиозному диалогу. Что касается Общества Абхишиктананды, то его возглавила профессор Беттина Баумер, также знавшая Абхишиктананду лично. В настоящее время члены Общества занимаются поиском и изданием работ Анри Ле Со, многие из которых были написаны специально для учеников и друзей *Свами*, а после его ухода были утрачены. Общество Абхишиктананды активно сотрудничает с Ассоциацией Жюля Моншанена и Ан-

ри Ле Со, которая распространяет идеи этих отцов на их родине, во Франции.

Опыт отцов Шантиванама оказался полезен не только их ученикам и друзьям, но и всему христианскому миру. Помимо организаций, напрямую связанных с «Сатчитананда ашрамом», большинство католических миссий, занимающихся диалогом с нехристианскими религиями, помнят имена Жюля Моншанена, Анри Ле Со и Беды Гриффитса и пользуются их достижениями в этой области. Среди них — Международное общество христианской медитации, основанное в 1975 г. бенедиктинским священником Джоном Мейном в Великобритании. Мейн получил посвящение в мир медитации еще в 1950-е гг., когда, работая в Куала-Лумпуре (Малайзия), он познакомился со Свами Сатьянандой. *Свами* научил англичанина медитировать, непрерывно повторяя *мантру*, и впоследствии дал ему христианскую *мантру*, с помощью которой Джон научился погружаться в созерцательное единение с Высшим Началом. Став священником, Мейн заинтересовался опытом христианских святых и нашел множество параллелей между их медитативным опытом и собственными ощущениями, возникавшими в связи с рецитацией *мантры*, что впоследствии привело его к мысли о необходимости поделиться открытием с другими. Простота принципов христианской медитации привлекла к отцу Джону множество учеников, и сегодня Международное общество христианской медитации — крупная христианская организация с филиалами во многих странах мира. С 1982 г. ее возглавляет преемник Джона Мейна, отец Лоренс Фримен, который часто путешествует по всему миру, читая лекции и проводя занятия с учениками. Многие члены «Сангхи Беды Гриффитса» одновременно участвуют в программах Общества. Другая крупная католическая структура, воплощающая в жизнь идеи отцов-основателей Шантиванама, — Междуна-

родный комитет по монашескому межрелигиозному диалогу, который на официальном уровне проводит мероприятия, связанные с изучением опыта нехристианских религий и их применения в христианской среде.

В России мало кто знает о жизни и философии Жюля Моншанена, Анри Ле Со и Беды Гриффитса, и все-таки, учитывая интерес российского читателя к индийской культуре, а также тесные связи, которые существуют между Россией и Индией, можно надеяться, что их опыт будет воспринят и оценен по достоинству. Исследования трех отцов нельзя ограничить рамками католической духовности, ведь даже в пределах христианского мира их послание было принято и реализовано представителями англиканских, методистских и православных церквей. Не будем забывать, что в первых межрелигиозных конференциях, организованных в 1960-е гг. Свами Абхишиктанандой, принимали участия и православные монахи, а митрополит Антоний Сурожский даже поддерживал личные дружеские отношения с монахами «Сатчитананда ашрама», благодаря которым воспринял многие аспекты восточной духовности. В самом начале своего индийского пути отец Беда Гриффитс обратился к опыту индийского православия в контексте местной культуры, основав «Курисумала ашрам» с использованием сирийского обряда. Сирийская Православная Церковь имеет древнюю историю на территории южных штатов Индии: хранители наследия святого Фомы из Кералы, о которых мы рассказывали, придерживаются именно сирийского варианта христианства, а в настоящее время она также ведет активный диалог с католицизмом и индуизмом. Часть индийских православных общин находятся в каноническом общении с Римской Церковью (Сиро-Малабарская и Маланкарская Церкви), и «Курисумала ашрам» был создан под началом епископа Маланкарской Церкви, став, таким образом, мостом не

только между христианством и индуизмом, но одновременно и между католицизмом и православием. Использование некоторой части сирийского обряда в литургии «Сатчитананда ашрама» также носит знаковый характер: все люди, вне зависимости от их религиозной или церковной принадлежности, призваны к не двойственному единству, по примеру трех Личностей христианской Троицы: Отца, Сына и Святого Духа. Таково послание Жюля Моншанена, Анри Ле Со и Беды Гриффитса, и таково провозвестие Шантиванама.

ПРАВИЛО СВЯТОГО РОМУАЛЬДА¹²¹

*Пребывай в своей келье, как в раю;
Отбрось весь мир и забудь о нем;
Как опытный рыбак наблюдает за добычей,
Тщательно следи за своими мыслями.
Путь, по которому ты идешь, — это путь псалмов —
Не оставляй его.
Если, придя с энтузиазмом послушника,
Ты не можешь выполнить то, что хотел,
Непрестанно пой псалмы в своем сердце,
Пытаясь уразуметь их суть;
Если твой ум блуждает и уводит тебя прочь,
Не оставляй задуманного, беги назад
и попытайся снова.
Прежде всего, осознай, что ты в Присутствии Бога;
Пусть твое сердце пребывает в восхищении,
Как если бы ты стоял перед Царем.
Опустоши себя полностью,
Сиди и ожидай,
Довольствуйся Божьими дарами,*

¹²¹ Святой Бруно Керфуртский, «Житие пяти братьев», глава XIX.

*Словно цыпленок, который пробует все,
но не ест ничего,
Кроме того, что приносит мать.*

2. Паломничество в Шантиванам

Лучший способ попытаться передать атмосферу Шантиванам — это рассказать о личном опыте пребывания в этом месте. Первая ассоциация, которая приходит в голову, когда вспоминаешь об *ашраме*, — это уголок Эдема, воссозданный людьми в своей первоизданной красоте. Территорию монастыря окружает кокосовая плантация и заросли различных тропических деревьев. Отовсюду раздаются голоса птиц, а со стороны Таннирпалли слышны звуки, свойственные тамильской деревне: крики людей, стуки молотков, мычание коров, которых местные крестьяне ведут на водопой к священной Кавери. Река неторопливо несет свои воды в сторону древнего Шри Рангама, являясь источником жизни для людей и животных, населяющих Тамил-Наду. Сам *ашрам* утопает в зелени и цветах, а отсутствие городского шума создает ощущение радостного спокойствия.

Поездка от аэропорта южноиндийского городка Тиручираппалли до «Сатчитананда ашрама» заняла у нас чуть меньше часа. Таксист остановил машину у ворот с большой красной табличкой: «Сатчитананда ашрам. Шантиванам». Вокруг не было ни души — только сторож — маленький старичок-тамил — встретил нас и проводил до беседки. Через некоторое время он вернулся за нами и сообщил, что настоятель монастыря, отец Джордж, проводит воскресную мессу в храме *ашрама*. Было около 5 часов вечера, темнело. Дойдя до храма, который представляет собой каменную открытую террасу с *гонурамом* (элемент тамильской архитек-

Хижина (келья) монахов «Сатчитананда ашрама».

туры) и крышей, покрытой пальмовыми листьями, мы не решились войти прямо посреди богослужения и присели напротив входа. Когда месса закончилась, отец Джордж подошел к нам и, улыбнувшись, спросил: «Вы, кажется из Швеции?» — «Из России». — «А, да, я помню. Сколько дней вы собираетесь провести у нас?» — «Это будет зависеть от того, когда мы возьмем билеты до Рамешварама. Думаю, 2–3 дня». Настоятель был одет как индийский *свами* (*дхоти*, рубашка и туника шафранного цвета, *тилак*¹²² на лбу). Он предложил нам пройти в беседку и некоторое время, пока нам готовили хижины, провел с нами. Отец Джордж не очень разговорчив, но весьма дружелюбен: он все время погружен в себя, а, общаясь с другими людьми, всегда

¹²² Тилак — знак, который наносят на лоб и другие части тела верующие индусы.

улыбается и разговаривает очень мягко. Я успел задать ему два вопроса: знал ли он лично Беду Гриффитса, и нужно ли какое-то особое посвящение, чтобы повторять *мантру* «Ом Намах Кристайя». Оказалось, что отец Джордж — первый настоятель *ашрама* после отца Беды и его непосредственный ученик. Что касается посвящения, то *Свами* ответил так:

«Чтобы повторять мантру, не нужно никакого особого посвящения. Можно повторять "Ом Намах Кристайя". И вы, наверно, знаете эту мантру — МА-РА-НА-ТХА. Ее тоже можно повторять».

Он также напомнил, что существует множество других христианских *мантр*, и каждый должен выбрать ту, которая подходит ему по внутреннему ощущению. Через какое-то время, вместе с другим монахом, который был одет очень просто — рубашка и брюки (как потом мы выяснили, его тоже звали брат Джордж), отец Джордж проводил нас до наших хижин (все монахи и гости живут в индивидуальных каменных хижинах с пальмовыми крышами — внутри простая кровать с противомоскитной сеткой, стол, стул. В некоторых есть туалет восточного образца и кран с водой, в других один туалет на несколько хижин на улице. Хижины находятся на некотором удалении от храма и центральной части *ашрама*, чтобы ничто не мешало уединению монахов. Мне досталась хижина под номером 9, а моему спутнику под номером 3. В 18.00 начиналось вечернее богослужение, и, устроившись в хижине, я пошел за своим приятелем, но, как и положено в первый раз, заблудился — полная темнота, лес, отдельные хижины монахов — в такой ситуации трудно найти дорогу. И все-таки к 6 часам мы были у храма. Оставив обувь снаружи, мы вошли, совершили *намаскар* (поклон) в сторону алтаря и сели на циновку, как и все остальные. Большинство собравшихся были монахиня-

ми (в разноцветных *сары*, кстати говоря) и монахами (в белоснежных или шафранных *дхоти*). Последними пришли *Свами*: отец Джордж и брат Мартин. Священники и монахи расположились вокруг жертвенника на небольших подставочках или подушках, в точности как располагаются *брахманы* вокруг жертвенного огня. Сам жертвенник представляет собой некое подобие лотоса, украшенного цветами. Перед братом Мартином лежала толстая книга, перед остальными монахами — различные музыкальные инструменты: тарелочки, погремушка, барабан-*кхола*. После непродолжительного молчания отец Джордж начал петь священный слог *ОМ*, и этот звук вскоре подхватили все остальные. После троекратного воспевания *ОМ-кары* священники и все собравшиеся начали декламировать «Гаятри мантру»:

*«Ом бхур бхувах сваха
Тат Савитур вареньям
Бхарго дэвасья дхимахи
Дхйо йонах прачодайят».*

Гаятри так же была пропета три раза. Воспевание священных мантр произвело довольно сильный эффект — все посторонние мысли отошли на задний план, и мы подготовились к самому богослужению. Священники и монахи начали петь *бхаджан* «*Ванде Сатчитананда*» («Поклонение Троице (*Брахману*)»), который используется в качестве вечерней молитвы со времен Беды Гриффитса. Во время пения они подыгрывали себе на тамильских народных инструментах, и атмосфера напоминала *сатсанг* в тамильском деревенском храме. Когда пение *бхаджана* было завершено, мы прочитали вступительные молитвы к Чину Сирийской Литургии (который также использовал еще отец Беда), псалом на английском и псалом на тамильском, после чего начались чтения. Во время вечерней молитвы пер-

вое чтение включало в себя отрывок из трудов тамильских мудрецов и святых, а второе — отрывок из Нового Завета с объяснениями брата Мартина (мы читали «Послание св. Павла Фессалоникийцам»). Комментируя текст, *Свами* высказал очень важную мысль:

«Истина безусловна. Ее нельзя ограничить временем, местом или обстоятельствами. Когда христиане были меньшинством — их преследовали. Теперь, когда они большинство, — они преследуют других. Ничего не меняется».

Далее брат Мартин говорил о толерантности и диалоге различных традиций (ведь именно диалог и инкультурация — главные темы Шантиванама). Когда *Свами* окончил свои объяснения, мы все вместе пропели «Magnificat»¹²³ на тамильском языке, после чего наступило самое удивительное и красивое время в богослужении: весь свет погас, отец Джордж направился к алтарю и стал предлагать Богу огонь *арати*. Все встали. Выйдя из алтарного помещения, *Свами* пошел по кругу, поднося огонь каждому из собравшихся. Все дотрагивались до огня ладонью или обеими ладонями, а затем дотрагивались до своей головы или лица. Во время *арати* мы пели *бхаджан* Свету от Света: «*Джйотишам Джйотише*». Вслед за отцом Джорджем шел другой монах, предлагая каждому чашку с порошком для нанесения благоприятных символов на лоб и на горло — по примеру *Свами*, мы нанесли немного порошка на лоб, согласно индийской традиции. Вечернее богослужение заканчивалось. После *арати* все совершили *вандану* (полный поклон) в сторону алтаря и стали потихоньку покидать храм, направляясь в сторону трапезной.

Трапезная, как и храм, представляет собой открытую каменную террасу, внутри нет ни стульев, ни столов — только соломенные циновки на полу. По стенам

¹²³ «Величит душа Моя Господа», гимн Марии из I главы «Евангелия от Луки».

развешаны иконы и фотографии: Иисус Христос, Рамана Махарши, Беда Гриффитс... Во главе круга сидят отец Джордж и брат Мартин. Когда мы вошли в зал, большинство мест уже были заняты, и отец Джордж взглядом показал мне на место рядом с собой: я просидел рядом со *Свами* все четыре дня пребывания в *ашраме*. Перед едой брат Мартин начал петь *бхаджан*:

*«Ом Шакти Ом Шакти Ом Шакти Ом,
Путру Шакти Путра Шакти Пара Шакти Ом» —*

эту молитву мы пели каждый вечер. Затем дежурный монах (дежурить могут все, включая самих *Свами*) разносит еду, раскладывая каждому по тарелкам (еда, разумеется, только вегетарианская — как правило, это рис или лепешки с какими-нибудь подливками, вроде *дала*, *масалы* и т. д.). Напиток — *ласси*, кофе, чай, молоко (молоко дают коровы, которые живут в Шантиванаме и за которыми ухаживают монахи и местные крестьяне). Иногда на десерт монахи едят бананы. Согласно индийской традиции, монахи и гости едят руками — нам, как европейцам, предложили ложки — иногда мы их брали, иногда ели руками. Вкушать пищу принято молча. После еды брат Мартин декламирует стих из «Бхагавадгиты», где Кришна говорит о том, что Бог — это также огонь пищеварения, переваривающий четыре вида пищи:

*«Ахам ваишванаро бхутва
пранинам дехам ашритах
пранапана-самайуктах
начамй аннам чатур-видхам» (15:14)¹²⁴.*

Теперь можно было идти мыть посуду: в *ашраме* каждый моет посуду сам за себя: *Свами*, монахи, гости.

¹²⁴ «Становясь огнем пищеварения, Я пребываю в телах всех живых существ. В союзе с жизненными силами (*праной* и *апаной*), Я перевариваю четыре вида пищи».

Сначала выбрасываются остатки еды (хотя, кроме нас, никто еду и не оставлял, а позже я узнал, что еще со времен Курисумалы Беда Гриффитс проповедовал гандистскую идею греховности напрасной траты хлеба и других продуктов питания), затем смывается грубая грязь, после чего, во время второй мойки, посуда моется с мылом, затем смывается мыло и, наконец, четвертая мойка — это дезинфекция в кипятке. Правда, в первый раз монахини, гостившие в *ашраме*, отобрали у нас тарелки и домыли их сами, проявив индийский обычай гостеприимства. С братом Мартином я также впервые столкнулся в мойке: когда он увидел меня, то засмеялся и взял за руку в знак приветствия.

Время после ужина посвящено общению. Все собираются в беседке, общаются друг с другом и с отцом Джорджем. Оказалось, что в *ашраме* не очень много монахов, а все монахини, которых мы видели, приехали из разных частей Индии и принадлежат к различным конгрегациям: для них это был опыт инкультурации и диалога, как и для нас. Мы все разместились по кругу, отец Джордж начал расспрашивать всех нас, как прошел день, как нам нравится в *ашраме*. Затем он попросил всех сестер и, разумеется, нас по очереди представиться и назвать свою конгрегацию. Всем собравшимся он сказал, что наш интерес к отцу Беде настолько велик, что мы приехали из России специально, чтобы увидеть, где он собственно жил. Потом *Свами* попросил нас что-нибудь спеть на русском, но мы отказались (увы, пение — не наша сильная сторона). По просьбе отца Джорджа я начал рассказывать о России и о Католической Церкви в России. Я не был готов занять место *Свами* и читать лекции, поэтому не могу сказать, что моя речь была такой уж грамотной и подготовленной, но все-таки монахини слушали с интересом: сомневаюсь, что они когда-нибудь еще сталкивались с россиянами. Я рассказал о нашем веб-проекте, посвященном

Шантиванаму, о том, что мы уже опубликовали и что собираемся добавить. Отец Джордж задавал много вопросов: как живется в России после распада СССР и падения коммунизма, каково положение Церкви в России и т. д. В целом мне пришлось говорить довольно долго до того момента, когда наконец *Свами* заговорил об истории *ашрама* и целях его создания.

«Западная цивилизация отличается от восточной так же, как мужчина отличается от женщины. В каждом из нас есть и мужской и женский аспекты. У мужчин доминируют мужские качества, у женщин женские. Взаимодействие культур также можно сравнить с взаимодействием мужчины и женщины. У Беды Гриффитса есть замечательная работа под названием "Брак Востока и Запада" — (обращаясь ко мне): ты, кажется, говорил о ней — даже в браке есть мужской и женский аспект, и наша конечная цель — их гармония. На Западе есть разум, на Востоке — духовность. Точно так же, у монеты две стороны, их нельзя разделить. Нам надо использовать этот опыт».

Одна из сестер задала вопрос о том, когда *Свами* обратился [в христианство], на что он остроумно заметил:

«Меня не интересует обращение, меня интересует стабильность (смех)... На самом деле нет никакого другого обращения, кроме как обращение сердца».

Далее *Свами* перешел к личности отца Беды Гриффитса:

«На самом деле Беда Гриффитс — духовный Учитель всего мира. Он не только Учитель индийцев. Он — гуру, мастер мирового уровня. Он жил очень скромно — в простой хижине. У нас до сих пор есть его хижина, и она открыта круглые сутки, днем и ночью — она там, за храмом».

Мы все посмотрели в сторону храма, а на следующее утро отправились на поиски хижины, что оказалось не простым делом. *Свами* продолжал:

«У нас есть храм — как Иерусалимский Храм (смех)... Люди стремятся создавать храмы. Бог безграничен и непостижим, и они пытаются приблизить безграничного Бога к себе и строят храмы».

Затем отец Джордж заговорил о самой сути монашества:

«Раннехристианские монахи не жили общинной жизнью, они путешествовали, перемещаясь от города к городу, от страны к стране. В Европе постоянно проводились праздники, и когда монахи узнавали, что где-то проводится праздник, они направлялись туда. Так и двигались — от праздника к празднику (смех). Поэтому пришел св. Бенедикт и установил Правило, упорядочил монашескую жизнь. С некоторыми изменениями мы используем "Правило св. Бенедикта" до сих пор».

Приближалось время вечерней *намаджапы*, воспевания Святых Имен. *Свами* пригласил нас в храм. Свет в храме уже не горел, только маленький огонек освещал алтарь. Мы расселись в темном помещении. Нас окружала темнота и звуки ночного леса. Брат Мартин занял свое место и через некоторое время начал петь:

*«Йесу Йесу Джей Джей Намо
Йесу Йесу Джей Джей Намо»*

Множество голосов подхватили мотив, и *намаджапа* продолжалась минут 15, после чего наступила тишина и мы молча отправились в наши хижины. Пошел дождь. Были слышны разнообразные звуки леса. Наступила полная темнота.

Монахи Шантиванама просыпаются очень рано, и уже около 5 утра мы были на ногах. В первую очередь

мы решили уточнить расписание *ашрама*, которое вывешено в беседке для *сатсангов*. Вот как оно выглядит:

5.00 Angelus (звучит колокол)

5.30 Намаджапа

5.45 Медитация (с братом Мартином)

6.30 Утренняя месса: ОМ (3 раза)

«Гаятри мантра» (3 раза)

Утренний бхаджан из «Сандхья Ванданы»

Молитвы из Сирийской Литургии

Псалмы: 1 на английском и 1 на тамильском

1-е Чтение: из Священных Писаний Индии

2-е Чтение: из Ветхого Завета

Объяснения Свами

Евхаристическая Литургия, чтение Евангелия и арати перед Святыми Дарами

Завтрак

12.00 Дневная молитва: ОМ (3 раза)

«Гаятри мантра» (3 раза)

Дневной бхаджан из «Сандхья Ванданы»

Молитвы из Сирийской Литургии

Псалмы: 1 на английском и 1 на тамильском

Арчана

1-е Чтение: из Священных Писаний Мира

2-е Чтение: из отцов Церкви

16.00 Сатсанг с братом Мартином (Класс брата Мартина)

Медитация

19.00 Вечерняя молитва: ОМ (3 раза)

«Гаятри мантра» (3 раза)

Вечерний бхаджан из «Сандхья Ванданы» (Ванде Сатчитананда)

Молитвы из Сирийской Литургии

Псалмы: 1 на английском и 1 на тамильском

1-е Чтение: из Тамильских Святых

2-е Чтение: из Нового Завета

Объяснения Свами

Бхаджаны

Арати

Ужин

Вечерний сатсанг

21.00 Намаджана

Монастырский колокол зазвонил ровно в 5.00, в это же время дежурный монах открыл алтарь. На улице было темно, пели утренние птицы, мычали ашрамские коровы. Постепенно все подтянулись к храму и расположились внутри. В 5.30 зашли *Свами* и началась утренняя *намаджана*: каждое утро в *ашраме* воспеваются Святые Имена

«Криста Джая Джая

Криста Джая Джая

Криста Джая Джая

Намо Намо».

Окончив *намаджану*, все направились в беседку для медитации, в центре которой установлена статуя (*мурти*) Иисуса Христа, медитирующего на лотосе. Занятия по медитации проводит брат Мартин:

«Примите удобную позу, держите спину прямо, голову прямо. Закройте глаза. Осознайте свое тело, осознайте тяжесть земли. Примите все безусловно. Если какая-то часть тела дает о себе знать, например чешется, — не обращайтесь внимания. Осознайте звуки — близкие и далекие (а окрестности ашрама наполнены звуками: поют птицы, кричат петухи, мычат коровы, люди принимаются за работу, вдалеке слышен стук колес поезда), примите их безусловно. Вы не хотите ничего изменить. Вас все устраивает. Примите все безусловно. Осознайте свое дыхание. Не меняйте его, не пытайтесь контролировать. Просто осознайте его и примите его безусловно. Осознай-

те свой ум. Заставьте свой ум пройти от макушки до пяток и наоборот, и так несколько раз. Представьте себе небо — бескрайнее и голубое. В небе вы видите солнце. Возможно, вначале вы не сможете увидеть солнце, но продолжайте представлять себе его. Солнце светит в голубом небе. Солнце — это символ Бога. Оно излучает свой свет на всех без исключения, точно так же, как Бог излучает Свою любовь. Продолжайте смотреть на солнце».

Таким образом, в течение какого-то времени мы сосредоточивались на солнце, пока не погрузились в настоящую глубокую медитацию. Когда пришло время выходить из этого состояния, Свами начал обратный процесс:

«Теперь пройдем обратный путь: осознайте свой ум, пусть он пройдет несколько раз от макушки до пяток и обратно. Осознайте свое дыхание. Не меняйте его и не пытайтесь контролировать. Осознайте звуки — близкие и далекие. Примите их безусловно. Вы не хотите ничего изменить, вас все устраивает. Осознайте свое тело, тяжесть земли. Примите это безусловно».

На самом деле каждая из ступеней медитации проходила довольно долго — мы осознавали свое тело, звуки, дыхание, ум и так далее. Когда кто-то шевелился, Свами напоминал, что необходимо сохранять неподвижность. В конце медитативного процесса мы все вместе три раза пропели священный слог ОМ и завершили занятие: «ОМ Шанти Шанти Шанти». Открыв глаза, мы обнаружили, что уже было светло — и этот контраст сразу бросился в глаза. Состояние было совершенно особым, не похожим на обычное.

В 6.30 начиналась утренняя месса. Расположившись на полу храма и разобрав брошюры «Сандхья Ванданы» и псалмов, мы, как и во время других молитв, троекратно пропели ОМ-кару и «Гаятри мантру», затем ут-

ренный *бхаджан*, выбранный когда-то Бедой Гриффитсом (и с тех пор традиция не изменилась), прочитали молитвы из Сирийской Литургии и псалмы — на английском и тамильском. По утрам первое литургическое чтение включает в себя отрывки из индийских священных Писаний, и мы читали 16-ю главу «Бхагавадгиты», в которой Кришна описывает две природы воплощенных существ: демоническую и божественную. Во втором чтении мы рассматривали главу из Ветхого Завета, за которой следовали краткие объяснения брата Мартина. После проповеди начинается Евхаристическая Литургия: читается традиционная молитва «Confiteor»¹²⁵ (на английском), затем священник готовит престол к освящению Даров: жертвенник украшается цветами, сбрызгивается водой, окуривается благовониями. Во время подготовки жертвенника и вознесения Святых Даров помощник священника проводит *арати* перед святыми дарами и звонит в колокольчик, а священник читает *арчану* «*Ом Бхагавате Сатчитанандай Намах*». Причастие предлагается всем христианам и представляет собой национальную индийскую лепешку и сок. После Таинства один из монахов обносит всех небольшим сосудом с сандаловой пастой, которую преданные наносят на лоб в качестве благоприятного знака, символа присутствия Святого Духа. Завтрак в этот день показался особенно вкусным и питательным — ведь утренняя духовная практика отнимает много сил. Перед завтраком отец Джордж прочитал короткую молитву, а после — брат Мартин пропел *шлоку* из «Бхагавадгиты», о которой говорилось выше.

Как мы уже не раз упоминали, «Сатчитананда ашрам» расположен на берегу притока священной реки Кавери. Первые монахи *ашрама* регулярно совершали омовение в реке, поскольку воды в самом монастыре в

¹²⁵ «Исповедуюсь» (*лат.*) — очистительная молитва, предваряющая католическую мессу.

те времена не было. Когда у нас появилось свободное время, мы решили увидеть эту реку и, по возможности, искупаться в ней. Мы вышли за ограду обители и направились вниз по дороге. Пока мы шли, нам встретилось много крестьян, которые вели своих коров на водопой и обратно, а также работников кокосовой плантации, расположенной по соседству. Коровы оказались весьма дружелюбными, и если сначала я боялся проходить мимо них, то позже мы спокойно фотографировались рядом. Вода в священной Кавери была чистая и прозрачная. Приток, который протекает мимо *ашрама*, не отличается глубиной: коровы спокойно переходили его вброд, а человеку в глубоком месте вода доходила до пояса. Мы зашли в реку по колено, умылись, а затем побродили по ее мелководьям, наблюдая за природой, коровами и крестьянами. Покинув берега реки, мы направились в деревню Таннирпалли. Интересно, что, хотя ее жители не богаты (встречаются даже очень бедные хижины), на улицах никто не спит и ужасающей нищеты, как в Бомбее или Ченнае, нет. Въезд в деревню охраняет небольшой алтарь Шри Анджанеи (Ханумана), героя «Рамаяны» и благородного слуги Рамы, кроме этого в деревне много других алтарей и статуэток божеств. Жители деревни, как и остальные индийцы, очень непосредственны: запросто здороваются, просят вместе сфотографироваться (особенно дети), готовы все показать и рассказать. Наше внимание привлекло небольшое *мурти* кобры около главного храма Шивы — мы так и не смогли идентифицировать этот образ: возможно, это Мировой Змей Шеша, а может, и просто местное Божество, каких много в тамильских деревнях. В самом центре деревни находится Школа кройки и шитья, которую основали монахи Сатчитананда ашрама для местных девочек, чтобы они могли бесплатно приобрести востребованную профессию. Один из местных жителей пригласил нас в свой дом и научил пра-

вильно надевать *дхоти*, так что к следующему богослужению в *ашраме* мы были одеты как настоящие монахи.

В полдень монастырский колокол призвал нас на дневную молитву, структура которой практически не отличалась от утренней: троекратная *ОМ-кара*, троекратная «Гаятри Мантра», Дневной *Бхаджан* из «Сандхья Ванданы», два псалма. В полдень за псалмами следует *арчана*, индуистский вариант литании: священник провозглашает какое-либо из имен или эпитетов Бога/Марии, а все отвечают: «*Намо намасте, Криста намасте*». Первое чтение полуденной молитвы включает в себя отрывки из Священных Писаний Мира (мы читали Священное Писание сикхов, «Гуру Грантх Сахиб», почитаемое сикхами в качестве живой личности, последнего *гуру* сикхизма). Текст для второго чтения был выбран из работ отцов Церкви. Как и другие богослужения, дневная молитва завершается нанесением благоприятных знаков сандаловой пастой или порошком.

Перед обедом мы вместе с братом Мартином пели *мантру*:

«Харе Йесу Харе Йесу
Йесу Йесу
Харе Харе,
Харе Криста Харе Криста
Криста Криста
Харе Харе»,

а во время еды одна из монахинь читала вслух отрывок из автобиографии Беды Гриффитса, где он рассказывал о своем увлечении социалистической идеей в молодости, а также о том, как он прошел путь от англиканского священника до агностика и от агностика до монаха-бенедиктинца. Закончив трапезу, мы пообщались с монахинями и со священником-иезуитом, который

приехал в Шантиванам изучать опыт инкультурации: индийские монахи и священники отличаются особым дружелюбием и мягкостью, чувством юмора и простотой — с ними никогда не чувствуешь дистанции или высокомерия.

В 16.00 мы отправились в беседку для медитаций, чтобы принять участие в *сатсанге* с братом Мартином. Перед началом встречи нам всем снова пришлось представиться: сестры назвали свои имена и конгрегации, а я сообщил, что мы работаем над русскоязычным проектом, посвященным жизни и учению Беды Гриффитса. Все монахини пришли с блокнотиками и тетрадками и конспектировали слова Свами. Сначала он рассказал об *ашраме*, в котором мы находимся, а затем перешел к основной теме лекции — философии Упанишад. В тот день рассматривалась «Иша Упанишада»:

«Мы с вами находимся в ашраме. Что такое "ашрам"? (Сестры предлагают свои варианты ответов.) На самом деле термин "ашрам" состоит из двух частей. "А" — это отрицание. Мы что-то отрицаем. Что же мы отрицаем? Термин "шрама" указывает на заботы, тяжелый труд. Таким образом, "а-шрама" — это отказ, отдых от забот и тяжелого труда. В ашраме мы освобождаемся от забот и сосредотачиваемся на духовной сфере. И понятие ашрама в индуизме отличается от понятия монастыря в христианской традиции. Чтобы появился ашрам, нужен святой человек, который сможет его основать. И все самые известные ашрамы в Индии основаны гуру и носят их имена. Если ашрам основан Свами Шиванандой, то мы называем его "Шивананда ашрамом". Если основатель Рамана, то ашрам носит имя "Рамана ашрама". Наш ашрам имеет два имени: одно христианское — другое индуистское. Это "ашрам Пресвятой Троицы", но у него есть и другое название. Какое? Вы знаете? (Сестры предлагают вариант: "Шантиванам".) Шантиванам — да, но есть и еще одно

название. Это "Сатчитананда ашрам". Это очень важные символы — Троица и Сатчитананда. Символ диалога традиций. И сегодня мы поговорим об индуизме, об Упанишадах, а завтра рассмотрим христианство, и выясним, какие между ними есть сходства, общие моменты, и какие отличия. Учение индуизма базируется на философии Упанишад. И Упанишады учат, что все едино, все божественно. Самая значимая из Упанишад — это "Иша Упанишада", и она начинается очень важным утверждением: "Ишавасьям идам сарва" — все пронизано Богом, Ишварой. Это утверждение настолько важно, что говорят, что если бы не существовало всех остальных индийских Писаний, если бы они все исчезли, а осталась одна "Иша Упанишада", индуизм все равно существовал бы и был великой религией. Более того, даже если бы "Иша Упанишада" исчезла, а осталось это одно-единственное утверждение — "ишавасьям идам сарвам" — индуизм бы все равно существовал. Это основная мысль "Упанишад" — все пронизано Богом. Бог есть все. Это первое утверждение. И второе утверждение: "отрекись и наслаждайся". Две истины: "все есть Бог" и "отрекись и наслаждайся". И первое утверждение — это объективная истина, следующая из Писаний и из опыта, а второе — субъективная истина, то есть то, что следует из первого. Но как можно отречься и наслаждаться? От чего мы, собственно, должны отречься? От мира? Можем ли мы сказать, что мир плох? Не можем, потому, что мир сотворен Богом, и, если мы говорим, что мир плох, значит, Бог плох. Следовательно, мир не может быть плохим. Даже в Библии сказано, что мир хорош. Некоторые говорят, что если я откажусь от секса, тогда это будет истинным отречением. Секс плох. Но ведь и секс сотворил Бог, а все, что сотворил Бог, — хорошо. Надо просто правильно применять то, что Он сотворил. От чего же тогда нам надо отказаться? (Версия сестер: "от своего я? От майи?") От неверных представлений о себе. Если все есть Бог, если Бог пронизывает все, значит...

Я хочу привести вам небольшую притчу. Жила-была Вода. И однажды она решила выйти замуж. Но она была католичка, и брак должен был быть католическим. В Католической Церкви нет развода. Ей надо было найти такого жениха, с которым бы ее невозможно было разлучить. К Воде посватались пять женихов: Камень, Дерево, Котел, Соль и Лед. Кого из пяти женихов выбрала Вода? (Звучат разные версии — Соль и Лед.) Камень можно положить в Воду, он замочится, но можно ли их разлучить? Да, конечно — его легко можно вытащить назад. Их можно разлучить. Поэтому это не католический брак. Дерево — оно полностью пропитывается водой. Но их также можно разлучить. Котел — мы наливаем в него Воду, и Вода в нем, и он в Воде. Но при желании Воду можно вылить. Остается Соль и Лед. Кого же выбрала Вода? Поднимите руки, кто считает, что Соль. Теперь, кто считает, что Лед... Соль все-таки можно разлучить с Водой — как? Воду можно выпарить. И это тоже не католический брак. А можно ли выпарить Лед? Лед полностью растворяется в Воде, потому что истинная природа Льда — это и есть Вода. Поэтому это настоящий католический брак. Итак, проблема в том, что мы не знаем о своем истинном положении. Если Вода — это Бог, то я могу думать, что я — Камень, что я чуть-чуть соприкасаюсь с Богом. Или, на более высоком уровне, я могу думать, что я Дерево, и я полностью пропитаюсь Богом. Или я буду считать себя Котлом и буду чувствовать Бога в себе. Или даже растворяюсь в Боге как Соль — но все это не точные описания. Согласно Упанишадам, я должен осознать себя как Брахман. "Ахам Брахмасми". "Я — Лед, а Бог — Вода". И теперь мы видим, от чего нам надо отказаться — от ложной концепции я. И тогда мы будем наслаждаться своей истинной природой. Отрекись и наслаждайся. В нашем нынешнем положении мы не можем понять, что это за наслаждение. Как львенок из другой притчи, которую вы, вероятно, слышали. Она очень известна. Однажды семья

овец воспитала маленького львенка, и он думал о себе как о ягненке — блял, ел траву, пил молоко и так далее. И как-то другой лев пришел воровать ягнят из загона и с удивлением обнаружил такого льва-овцу. Он стал его уговаривать вернуться в лес, пытаясь объяснить его истинную природу, но лев-овца не верил ему. Тогда настоящий лев притащил его к озеру — и показал ему их отражения, которые были абсолютно идентичны. И лев, воспитанный среди овец, понял, что он также лев. Он осознал свое истинное положение — лесного хищника. Итак, осознав нашу истинную природу, мы сможем наслаждаться ею».

Свами затронул также и некоторые другие темы, дав прекрасные объяснения философии «Иша Упанишад», а вскоре после *сатсанга* мы снова собрались вокруг лотоса, и брат Мартин провел с нами вечернее занятие по медитации. Основная практика была такой же, как утром, — мы осознавали постепенно наше тело, твердость почвы, звуки, ум, дыхание, но сам объект медитации был несколько иным:

«Вы идете по манговому лесу. Вокруг вас много манговых деревьев, они очень красивы. Посреди леса стоит самое большое, зеленое и красивое манговое дерево, вы подходите к нему и начинаете с ним разговаривать: "Дорогое дерево, я иду по дороге самосознания, укажи мне эту дорогу". Дерево отвечает: "Войди в меня, и ты увидишь эту дорогу". Вы входите в дерево, полностью погружаетесь в него. Вы начинаете ощущать, что вы — дерево. Вы говорите: "Я — дерево. Я расту корнями вниз, вглубь, к Богу, а ветвями — вверх, в мир. Такова моя природа — я принадлежу одновременно миру и Богу. Я не могу изменить свою природу — если я перестану расти вверх, дерево умрет, если перестану расти вниз, то не буду получать энергии корней. Каждый раз, когда я вдыхаю — я получаю милость Бога, когда выдыхаю — отдаю себя миру».

Так мы вдыхали и выдыхали много раз, медитируя на вдох и выдох, получая милость и отдавая себя одновременно. Затем, как и утром, Свамиджи вывел нас из состояния медитации в обратном порядке.

Во время вечерней молитвы мы продолжили читать «Послание св. Павла Фессалоникийцам», а брат Мартин дал новые объяснения на тему преследований. Если в предыдущий день говорилось о том, почему некогда преследуемые христиане сами иногда становились гонителями, то в понедельник вечером *Свами* коснулся причин недоверия к христианам в Индии. Дело в том, что христиане общались и помогали таким людям, к которым индусы даже боятся подойти, — к неприкасаемым, бедным, прокаженным. И это вызывало у индийцев страх, неуверенность. Первейшая причина гонений — неуверенность в себе. В тот вечер отец Джордж сообщил: *«Завтра — 10 октября, день ухода Жюля Моншанена, одного из основателей нашего ашрама. Хотя он и не был официально канонизирован, для нас он остается истинным гуру»*. Мы спели *Свами* Парам Аруби Ананде *бхаджан «Сатчитананда Гуру»*, а на следующее утро было назначено *арати* у его *махасамадхи*.

После ужина все снова собрались в беседке, и отец Джордж, после некоторого общения, предложил поговорить на тему *адвайты*.

«Адвайта — это "не-двойственность". Основной защитник этой философии — Шанкара. Шанкара учил, что все едино, все есть Брахман, а различия вызваны майей, иллюзией. Есть одна смешная история про Шанкару: один раджа решил проверить, верит ли сам Шанкара в свою теорию, и отпустил бешеного слона, который тотчас погнался за Шанкарой, Шанкара взобрался на высокое дерево и там переждал, пока слон пробежит. Довольный раджа стал спрашивать философа: "Что же ты победил, разве ты не учишь, что все иллюзия?" Находчивый

Шанкара ответил: "На самом деле, нереальный раджа отпустил нереального слона, нереальный слон погнался за нереальным Шанкарой, нереальный Шанкара взобрался на нереальное дерево..." (смех) В христианстве адвайта проявлена в Иисусе: Он говорит "Я и Отец одно". На самом деле, существует 3 школы веданты: абсолютный монизм, школа Шанкары, которая учит, что все едино, затем квалифицированный монизм, школа Рамануджи (мы недавно говорили о нем — кивок в мою сторону), где Бог — единое целое, а мы Его части, и, наконец, дуализм, школа Мадхвы. И эти три школы представляют три уровня сознания. И этот знак, который мы рисуем на лбу после богослужения, — это символ недвойственности. У вас есть два глаза — и это двойственность, но выше них мы рисуем символ, и это символ нашего внутреннего единства».

Затем Свами предложил задавать вопросы, и первый вопрос, который задали сестры, почему индуизм относится враждебно к христианству. Ответ настоятеля был таким:

«Индуизм не относится враждебно к христианству. Индусы называют свою религию санатана-дхармой, вечной религией. И она включает в себя все. Индусы знают много проявлений божественного. Другое дело — отношение к самим христианам, которые, к сожалению, часто свидетельствовали против Христа. Вспомните насильственное насаждение христианства в Южной Америке... В Индии сложилась совсем другая культура — и когда христианские миссионеры пытаются привить вместе со своей религией западный образ жизни и культуру, то это вызывает отторжение. Представьте, как будет выглядеть огромный христианский собор в индийской деревне (смех). Многие протестанты в Индии не считаются с этим — например, здесь много миссионеров-пятидесятников, которые ведут миссионерскую деятельность».

**Хижина (келья) монахов «Сатчитананда ашрама»:
внутреннее убранство.**

Я задал вопрос о том, являются ли все монахи *ашрама* последователями философии недвойственного единства, на что отец Джордж сказал, что это зависит от их внутреннего ощущения — каждый выбирает сам. Не все придерживаются именно недвойственного единства. После общения со *Свами* и вечерней *намаджапы* мы еще раз посмотрели расписание и отправились спать: на следующий день нас ожидала поездка в Шри Рангам.

Вторник, 10 октября 2006 г. — годовщина *махасамадхи* *Свами* Парам Аруби Ананды. После утренней мессы мы, во главе с нашими *Свами*, направились к могилам отцов-основателей, обступили *махасамадхи* Жюля Моншанена кругом, и отец Джордж начал проводить арати. Между тем все пели:

*«Джая Гурудэва, Джая Гурудэва,
Джая Джая Джая Джая
Джая Гурудэва».*

Позавтракав, мы подошли к отцу Джорджу и рассказали ему, что собираемся отправиться в Шри Рангам на *даршан* Шри Ранганатхи (Вишну-Нараяны), а затем с помощью местного маленького мальчика мы сели в автобус на Шри Рангам, который оказался гораздо более комфортабельным, чем остальные автобусы Индии, где нет ни окон, ни дверей и всю дорогу пронзительно громко играет национальная музыка. От остановки до самого храма Шри Ранганатхасвами нам пришлось идти пешком около 8 километров, в том числе и по мосту через реку Кавери (так как Шри Рангам расположен на острове, образованном двумя притоками реки). Отказавшись от заманчивого предложения посмотреть (за деньги, разумеется) на церемонию кремации, мы оказались у подножия величественного тамильского храма с расписными башенками, украшенными множеством статуэток богов и богинь, а также растений и священных животных. В нескольких шагах от храма мы набрали на небольшой центр Международного Общества Сознания Кришны и именно благодаря этому впоследствии попали в святая святых храма. В храме Кришны было всего два человека: мужчина и женщина. Мы сняли обувь, поприветствовали их, произнесли священную для кришнаитов фразу «*Харе Кришна*», рассказали немного о себе и спросили, как нам попасть в храм, учитывая, что вход туда для неиндусов воспрещен. Служитель оказался весьма приятным и дружелюбным: он посоветовал нам нарисовать на лбу *вайшнавский тилак* и надеть бусы из *туласи* (которые мы купили здесь же). *Тилак* нам нарисовали на месте и посоветовали ни у кого ничего не спрашивать, просто проходить куда нам надо, а на все вопросы отвечать: «*Харе Кришна*», поскольку «*разумеется, что преданных Харе Кришна пускают везде*». Вооружившись атрибутами настоящего *вайшнава* и *махамантрой*, мы отправились дальше. Прямо у подножия храма находится еще одна кришнаитская святыня — отпеча-

ток стоп Шри Чайтаньи Махапрабху, бенгальского святого — основателя движения. Мы остановились перед ней, чтобы выразить свое почтение. По совету хранителя обуви храма мы купили еще и дешевые *дхоти* (поскольку у нас уже были одни) и сразу же надели их. Пройдя через пару ворот и базарную площадь, мы попали внутрь храмового комплекса: в полумраке древних колонн беспрерывно нараспев повторялась *мантра* «*ОМ Намо Нарайаная*», обращенная к Вседержителю мира Вишну (термин Нарайяна можно перевести как «Тот, на Ком все покоится»). Обойдя боковые алтари, мы направились к главному святилищу. Несмотря на нашу одежду, сначала нас остановил привратник и попросил подождать своего начальника, который мог принять решение о том, пускать нас или нет. Когда подошел главный привратник, я совершил *намаскар* и сказал, что мы — преданные *Харе Кришна* и специально приехали издалека, чтобы «обрести *даршан* Господа Шри Ранганатхи». Нас пропустили без проблем, более того, мы на собственном опыте выяснили, как хорошо индийцы относятся к европейцам-кришнаитам: все проходящие *брахманы* приветствовали нас: «*Харе Кришна*» и были очень гостеприимны. На *даршан* к Шри Ранганатхе в тот день пришло не очень много народу (так что нам повезло): мы отстояли небольшую очередь и затем предстали перед величественным образом Ади-Пуруши (Изначальной Личности), лежащим на змееподобном ложе, в компании со своей супругой богиней удачи Лакшми. *Даршан* длился несколько секунд, после чего священник предложил нам огонь *арати*, налил нам священную воду, которой омывают божество и положил несколько листочков *туласи* — священного дерева Вишну, которое представляет собой разновидность базилика. Воду полагалось выпить, а *туласи* съесть. После *даршана* мы хотели посетить *махасамадхи* Шри Рамануджи, о котором мы говорили накануне вечером, но, увы, храм был за-

крыт. После Шри Рангама у нас больше не было проблем с посещением храмов, предназначенных только для индусов, — нас пускали везде. В тот же день мы посетили храм Шримана Ганапати (Ганеши), расположенный на вершине Рок-Форта, куда пришлось довольно долго забираться по лестницам, вырубленным внутри скалы, а затем на ее поверхности, и вернулись в *ашрам* к вечернему богослужению.

Во время вечерней молитвы брат Мартин рассматривал отношение Духа, души и тела с точки зрения св. Павла. Он говорил о том, что на самом деле наша личность состоит не только из души и тела, она, как и Божественная Субстанция, имеет три аспекта: Дух, душа и тело. Проблема заключается в том, что Дух принадлежит духовному миру, и он вечно счастлив, пребывает в блаженстве (*ананда*), тело принадлежит к материальному миру, и оно также находится в гармонии с природой. Противоречие возникает на уровне души — потому что душа находится как бы посередине: между миром Духа и миром материи. Мы не можем отказаться от материи в пользу Духа или от Духа в пользу материи: оба пути внесут диссонанс в нашу личность. Мы должны найти гармонию в себе.

«Бог говорит: "Будьте святы, ибо Я свят". Что это значит? Значит ли это, что мы и вправду можем достичь уровня святости Бога? Это невозможно. Мы не можем быть такими же святыми, как Бог, потому что на самом деле только Бог свят. Как же тогда понимать эти слова? На самом деле святость заложена в каждом из нас: мы не можем стать святыми, но мы можем осознать ту святость, которая и так находится внутри нас. Мы не можем стать, мы можем осознать».

Когда наш последний ужин в *ашраме* был завершен и мы все собрались в беседке, отец Джордж предложил

обсудить еще одну важную тему: тему христианства в Индии.

«Христианство зачастую ассоциируется с западным образом жизни, но Христос родился на Востоке. Сначала христианство распространилось в греко-римском мире. Каждая религия имеет две составляющих: учение и философия. Самое главное в религии — это ее внутренняя суть, ее учение, а философия — это как бы "транспортное средство", способ, которым эта суть доставляется к принимающей стороне. И это транспортное средство может быть разным. В течение многих веков христианство доставлялось на основе греческой философии: блаженный Августин сформировал свою философскую систему на основе платонизма, учения Платона. Затем пришел св. Фома Аквинский, и его философия до сих пор самая распространенная в христианском мире. Св. Фома основывался на системе Аристотеля. Это все очень хорошо для западного мира. Это не плохо — это очень хорошо. Но культуры Востока и Запада отличаются друг от друга. Что хорошо для Запада — плохо для Востока. Например, на Западе мессы проводились на непонятном для индийцев латинском языке. И мы не можем проводить так мессу здесь, в Индии — нас просто никто не поймет. И три основателя Шантиванама осознали, что нужно сначала выслушать, а уже потом говорить. Слушать и говорить — таковы принципы диалога. Мы должны чему-то научиться у индийцев — мы можем взять у них принципы медитации, йоги, а поделиться с ними нашим христианским опытом».

В процессе обсуждения темы возник вопрос об отношении самих индуистов (нехристиан) к личности Иисуса Христа. Отец Джордж упомянул, что многие индийцы считают Иисуса *аватарой* и поклоняются Ему как *аватаре*.

«Это такой вариант синкретизма. А вообще для индийцев любая великая личность — аватара. Мать Тереза, например, для них — аватара (смех)».

Я тут же вспомнил, что несколькими днями раньше в Ченнае один индеец-христианин говорил нам: «Мы не считаем, что у нас один Бог, а у индийцев другой. Бог один. И иногда после мессы мы идем в храм Лакшми-Нараяны, а индусы приходят к нам в церковь и поклоняются Марии». Повсюду в Индии мы видели христианские алтари, как правило, посвященные Деве Марии Милапорской, одетой и украшенной в точности как украшаются *мурти* индуистских божеств. Перед Пресвятой Девой курились ароматные палочки, и индийцы, согласно индуистскому обычаю, снимали обувь, подходя к алтарю, дотрагивались до образа и затем обходили вокруг него, совершая *парикраму* (обход по часовой стрелке вокруг святыни). Даже в крупнейшем Кафедральном соборе Ченная, Соборе св. апостола Фомы, Распятый Иисус стоит на лотосе в окружении павлинов (священных птиц индуизма, как правило, ассоциирующихся с сыном Шивы Муруганом, *ваханой* (транспортным средством) которого они и являются). Украшение изображений Иисуса, Марии и святых цветочными гирляндами также широко распространенное явление. В этот же вечер нам представили новых гостей из Европы, двое из которых (супружеская пара из Дании) были лютеранами и занимались проблемами межконфессионального диалога.

Последняя утренняя месса в Шантиванаме стала для нас настоящим подарком: в храме было включено все освещение, перед монахами лежали всевозможные музыкальные инструменты, включая *мриданги*, индийскую фисгармонию и другие. Начиная с *ОМ-кары* и «Гаятри Мантры», все *бхаджаны* и молитвы пелись в сопровождении этих инструментов: *киртана* (воспевание

Вход в «Сатчитананда ашрам».

славы Бога) казалась настоящим праздником. Мы были очень рады, что увидели шантиванамскую литургическую культуру во всей красе. Также отец Джордж объявил всем, что мы сегодня покидаем *ашрам*, и пожелал нам удачной дороги. После завтрака мы собрали свои вещи и зашли к настоятелю, чтобы поблагодарить его и попрощаться. В это время в *ашраме* производилась съемка программы о жизни монахов, и нас попросили сказать несколько слов в камеру. Мы также сделали фотографии *Свами* и оставили небольшое пожертвование. Пообщавшись на прощание с гостями из Дании, мы покинули территорию *ашрама*, совершив последний *намаскар* в его сторону: «*Джая Шри Свами Абхишиктананда, Джая Шри Свами Парам Аруби Ананда, Джая Шри Свами Даянанда, Джая Сатчитананда ашрам!*»

3. Беда Гриффитс и его наследие: интервью с Н. Колофф

Николас Колофф — человек, который был лично знаком с отцом Бедой Гриффитсом. В настоящее время он работает над проектом, посвященным обучению заключенных принципам йоги и христианской медитации. Интервью было взято автором книги 22 марта 2007 г.

— *Николас, не могли бы Вы немного рассказать о себе?*

— Да, конечно. Я православный, член Русской Православной Церкви, и это отражает мою личную позицию и мое происхождение — мой дедушка был русским.

— *То есть Вы живете в Англии и исповедуете православие...*

— Я живу в Англии и я православный. Православная Церковь в Англии насчитывает около 150 000 членов, из которых примерно треть (50 000) принадлежат к Русской Православной Церкви.

— *Вы были лично знакомы с отцом Бедой Гриффитсом, расскажите, пожалуйста, как Вы с ним познакомились?*

— Я познакомился с его работами, поскольку его книга «Возвращение к Центру» числилась первой в моем университетском списке книг для обязательного чтения. Первый курс назывался «Введение в философию религии», и первая книга, которую я должен был прочитать, была «Возвращение к Центру». Как прилежный студент, я прочитал эту книгу, и она потрясла меня до глубины души. К тому времени я уже занимался медитацией, так что эта работа поразила меня — меня очень интересовала Индия и диалог между индийскими традициями, индуизмом и буддизмом, и христианством. Книга отца Беды стала как отличным началом мо-

его университетского курса теологии, так и прекрасным введением в философию Гриффитса.

— *Каким видом медитации Вы занимались, если не секрет?*

— О, это очень интересно — я начал увлекаться трансцендентной медитацией, поскольку, когда мне было тринадцать лет, моя мама начала ее изучать.

— *У Махариши?*

— Да, и это изменило ее жизнь в совершенно разных сферах, очень положительно сказалось на ней. Она стала своего рода «евангелистом» трансцендентной медитации, научила ей всю семью, и мы медитировали вместе. Так что в тринадцатилетнем возрасте я научился трансцендентной медитации. Позднее, когда мне было восемнадцать, я прочитал книгу о христианской медитации, «Внутреннее путешествие», и я воспринял этот метод. Я также начал применять Иисусову молитву, которая лежит в самом сердце православной духовности. Таким образом, медитация стала частью моей жизни уже в самом раннем возрасте, и это привлекло меня к отцу Беде.

— *Значит, Вы занимались медитацией и, в то же время, были христианином...*

— Да, я одновременно практиковал свою христианскую веру и медитацию.

— *Как, собственно, и учил Беда Гриффитс...*

— Как и учил Беда Гриффитс, и как он ощутил в своей жизни, признав дзэн и такую же практику медитации.

— *Что же, прежде всего, привлекло Ваше внимание в «Возвращении к Центру»?*

— Я думаю, что две вещи: во-первых, то, как эта книга была написана, — я имею в виду, что отец Беда был знаковым писателем, а во-вторых, упор на единство. Одним из самых ранних опытов, который я испытал в одиннадцатилетнем возрасте, было очень яркое осознание единства всех религий, единства, которое находится за пределами всех религий, по мере приближения к Истине. Та или иная религия может заключать в себе больше истин, чем другие, но, в то же время, за всеми религиями лежит одна и та же Реальность. И это осознание пришло ко мне подсознательно, когда мне было одиннадцать, и именно этот опыт сформировал мой взгляд на мир. Итак, это был упор на единство, который следовал и из текста, он был выражен очень четко и обязывающе.

— *И Вы решили написать автору?*

— О да, мне помог поэт и ученый Уильям Блейк, который знал отца Беду и у них был общий друг С. С. Льюис. Он дал мне адрес отца беда в Шантиванаме, я написал ему о своем опыте, который произошел со мной в одиннадцать лет, и описал мощное чувство единства, превосходящего все традиции.

— *Вы помните, что он Вам ответил?*

— Я очень четко помню его ответ. Прежде всего, надо сказать, что он ответил очень быстро — одной из привычек отца Беды было сразу же отвечать на все письма, которые он получал. Ответ был написан на аэрограмме — маленьком голубом листочке, его собственной рукой. Текст был очень теплым и ободряющим, отец Беда подтвердил мой опыт, отметив, что начало пути — это всегда личный опыт, и все, во что можно верить, исходит из личного опыта. Также в письме было приглашение посетить *Шантиванам* и предложение продолжать переписку, что я и сделал. В течение мно-

гих лет, два-три раза в год, я писал ему и получал его ответ. Во время нашей переписки я начал работать над проектом для заключенных, направленным на то, чтобы помочь им встать на духовный путь, и в особенности обучить их медитации и йоге. Мы попросили отца Беду стать патроном нашей организации, и он согласился. Наша переписка стала личностной и практической. Отец Беда также решил переписываться с небольшой группой заключенных, сопровождая их в их духовном пути, отвечая на их вопросы, изучая их понимание медитации и их собственного духовного пути. Он переписывался с этой небольшой группой заключенных до последних дней своей жизни. Когда я встретился с ним, я обнаружил, что он постоянно использует примеры нашей работы в тюрьмах, в качестве иллюстрации того, что никакие обстоятельства не могут воспрепятствовать духовной жизни. Жизнь в тюрьме очень трудна, опасна, и если можно заниматься духовной практикой даже тем, то тем более ею можно заниматься где угодно.

— *Беда Гриффитс начал давать Вам наставления, и Вы стали считать его своим гуру?*

— Я бы не назвал это термином «гуру», я бы, пользуясь известным ирландским выражением, назвал отца Беду своим «духовным другом». Он был попутчиком в духовном пути, всегда наставляя людей и оценивая их опыт, всегда мягко убеждая их и всегда стремясь помочь разобраться в собственном опыте и понимании. Он всегда делал это очень лаконично, кратко и с большим состраданием.

— *Встречались ли Вы с отцом Бедой лично?*

— Да, мы встречались дважды, во время его последних поездок в Англию...

— *В 1990-е гг.?*

— Да, в 1990-е, и в первый раз он приехал, чтобы выступить на конференции, посвященной мистике и науке, научному объяснению мистической картины мира, его очень интересовал этот вопрос, как это можно заметить в «Новом видении Реальности». После участия в конференции мы вместе провели вечер в беседах. Второй раз был его последним визитом в Англию, и мне показалось, что между этими двумя встречами была большая разница, некое ощущение преображения, и я бы описал свой собственный опыт как «трансформацию». Во время первой встречи я чувствовал, что передо мной, несомненно, святой человек, исполненный сострадания, с некоторыми внутренними противоречиями между индийским образом жизни, который он избрал, и своим происхождением из среды английского среднего класса, с определенной привлекательной закрытостью и, в каком-то смысле, с трудностями в эмоциональной сфере, свойственными англичанам — я сейчас говорю, как англичанин, а также со скрытым желанием выразить их. Во время второй встречи все это полностью исчезло. Я чувствовал, что он полностью спокоен, излучал мир и пребывал в гармонии с самим собой, как с материальной, так и с психологической точки зрения, он принимал свое прошлое и настоящее, не задумывался над тем, что сказать и о чем говорить, наслаждался тишиной. Для меня же наиболее важным стало его присутствие, чем его слова.

— *То, что называется даршаном?*

— Да, именно! Ощущение простого присутствия кого-то. Во время этой последней встречи мы обедали вместе, на обеде также был отец Лоренс Фримен, и когда я шел туда, я приготовил множество вопросов, которые хотел задать отцу Беде, но когда мы расселись, все мои вопросы просто испарились. Это очень важно. Бы-

ло важнее наслаждаться присутствием святого человека, имевшего глубокое ощущение святости. Можно было разговаривать о чем угодно, это было не важно — было важно, как и с кем об этом говорить.

— *Много ли в Англии последователей Беды Гриффитса и Свами Абхишиктананды?*

— Существует группа, «Сангха Беды Гриффитса», в которой почти 250 членов. У них есть свой веб-сайт и они регулярно проводят встречи в стиле Шантиванама — в течение последних десяти лет в июне—июле они приглашают брата Мартина и очень серьезно относятся к тому, чтобы продолжать традицию отца Беды. Также очень многие интересуются работами Беды Гриффитса и Свами Абхишиктананды — например Мюррей Роджерс, который был близким другом Абхишиктананды и недавно умер в Оксфорде, всегда с удовольствием рассказывал о жизни и свидетельстве *Свами*. И, конечно, в Оксфорде живет Ширли дю Буле, автор биографий отца Беды и Свами Абхишиктананды. Так что существует очень большой интерес. Возможно, он не так очевиден в среде традиционных католиков и в общинах, из которых вышел Беда Гриффитс — хотя там с теплотой вспоминают о нем, — но это общая проблема для людей, который становятся известными, знаменитыми.

— *Выходит, Церковь не поддерживает эту работу?*

— Ну, на самом деле, она не поддерживает, но и не препятствует. Но существует другой очень важный канал распространения наследия отца Беды, это Международное общество христианской медитации и Центр христианской медитации в Лондоне, которые возглавляются отцом Лоренсом Фрименом, человеком, очень открытым опыту Беды Гриффитса и Свами Абхишиктананды: отец Беда был одним из ежегодных докладчи-

ков Общества в Нью-Хармони. Они упорно трудятся, чтобы расширить контекст применения христианской медитации. В английской Церкви, я имею в виду английскую Католическую Церковь, существует старинная либеральная традиция, и Церковь пытается быть очень открытой, и, разумеется, отец Беда известен в Католической Церкви как писатель, многие статьи которого опубликованы в «Tablet» — основной интеллектуальной католической газете в Англии, и его голос звучал в английском католицизме до самой его смерти.

— *Знают ли о Беде Гриффитсе английские православные?*

— Некоторые знают, и это связано с деятельностью митрополита Антония Сурожского, который был сторонником межрелигиозного диалога и вообще видной фигурой в английском христианстве — писателем и проповедником. Он, в частности, активно участвовал в христианско-индуистском диалоге и всегда поощрял христиан вести серьезный диалог с другими традициями.

— *Мой последний вопрос: что Вы думаете о будущем традиции христианской медитации, учения Беды Гриффитса и Свами Абхишиктананды, в мировом христианстве?*

— Карл Рахнер, один из архитекторов II Ватиканского Собора, говорил, что Церковь должна стать Церковью мистиков, или она станет ничем. Это очень радикальное высказывание. Я думаю, что роль христианской медитации растет и углубляется в Церкви, с момента ее возрождения в 1960–1970-х гг. Это очень сильная и живая традиция, и другие христианские направления также присматриваются к ней, включая евангельских христиан — разумеется, с ограничениями, но все-таки есть определенные тенденции. Я ду-

маю, что необходимость в тишине и медитативной глубине постепенно осознается как важная и центральная часть христианской традиции и практики. Это движение быстро растет и развивается. Моя мама, которая руководит двумя группами медитации, как-то встречалась с англиканским епископом, который хотел создать в своей епархии сеть таких групп, при поддержке епархии. Так что я полагаю, что это очень сильная традиция. Я не думаю, что она охватит всю Церковь, но, несомненно, она внесет свой вклад в жизнь Церкви в будущем. И она постоянно растет. Когда я читал книгу Ширли о Свами Абхишиктананде, я подумал, что он посадил очень маленькое семечко, но оно динамично растет, становясь деревом. Люди смогут полностью оценить его, когда оно вырастет окончательно.

БЕДА ГРИФФИТС: «ЦЕРКОВЬ»

Я бы хотел поделиться своими размышлениями о Церкви, которые, я думаю, будут полезны всем нам. Возможно, многим они покажутся сомнительными, поскольку в наше время возникло множество новых толкований, но, как я уже сказал, мне кажется, что они важны для всех нас. И, разумеется, это очень своевременная тема: важно понимать, что именно мы подразумеваем под словом «Церковь» — если католики имеют в виду Римско-Католическую Церковь, то следует вспомнить, что в XV в. Провансальский Собор постановил:

«Святая Римская Церковь верит, проповедует и учит, что никто не может спастись за пределами Римской Церкви, будь то язычник, иудей, еретик или схизматик: все они отправятся в вечный огонь, приготовленный для Дьявола и его ангелов, если до момента смерти они не вступят в Церковь».

Такова была официальная католическая доктрина до недавнего времени, и нам следует знать об этом.

Православная Церковь заявляет, что Иерусалимская, Антиохийская и Александрийская Церкви были основаны задолго до Римской, и именно Восточные Церкви наследуют древней Апостольской Церкви. В XVI в. пришел Лютер и провозгласил, что и Римская, и Восточные Церкви деградировали, и нам следует вернуться к истинной Церкви Христовой, установленной в Новом Завете, — так появилась Лютеранская Церковь. Затем была создана Англиканская Церковь, которая приняла идеи Реформации, но попыталась сохранить католическую традицию, став, таким образом, своеобразным «средин-

ным путем». Кальвин и представители некоторых других реформированных церквей обосновали идею, что в ранней Церкви не было епископов, а были пресвитеры, таким образом, мы получили Пресвитерианскую Церковь. При этом все из них убеждены, что именно их Церковь истинная! Пятидесятники учат, что Святой Дух снизошел на Церковь в день Пятидесятницы, и этот же самый Дух присутствует среди нас, и когда мы открываемся Ему, мы становимся истинной Церковью. Наконец, есть люди, которых я очень уважаю, — это члены «Общества Друзей», или Квакеров: они говорят, что Святой Дух присутствует в сердце, и, если вы сидите в тишине и занимаетесь молчаливой медитацией, Святой Дух даст вам все необходимое. Вам не нужны ни священники, ни Таинства, ни доктрины: просто сидите и ожидайте Святого Духа. И это еще один путь.

Итак, все эти группы существуют до сих пор, и каждая из них считает, что именно она исполняет истинную волю Иисуса в отношении Церкви. Теперь попытаемся представить себе, как Сам Иисус представлял Себе Церковь. Надо сказать, что именно в этом вопросе критика Библии дала нам новый взгляд на вещи. Больше всего меня впечатлила книга Джеймса Данна «Единство и различия в Новом Завете» («*Unity and Diversity in the New Testament*», by James Dunn). Ее автор — профессор Дарэмского колледжа в Англии, и отец Раймонд Браун, ведущий католический исследователь Библии, сказал: «Я не знаю книг по Новому Завету, сравнимых с этой», и он практически соглашается с точкой зрения, изложенной в ней. И я полагаю, что это общее мнение и католических и протестантских ученых на сегодняшний день. Основная мысль работы — что ни одна из организованных Церквей не может проследить свою историю до I в. н. э. Все они появились во II в. н. э. И это очень неприятная для католиков мысль, поскольку мы всегда думали, что Иисус назна-

чил святого Петра главой Церкви, Петр основал Церковь в Риме, назначил епископов и так далее. Все это не может быть доказано исторической наукой: нет ни одного подтверждения того, что Петр основал Римскую Церковь. Напротив, есть доказательства того, что он этого не делал. Прошу прощения, если эти слова кого-то задели, но когда-нибудь это все равно станет известно.

Видите ли, «Послание к Римлянам» написано в 50-е гг. и в нем Павел, обращаясь к конкретным представителям Церкви, даже не упоминает святого Петра. Практически невозможно, чтобы имя Петра не было упомянуто, если бы он был там. Более того, как правило, Павел не посещал Церкви, основанные другими Апостолами. У каждого Апостола были свои Церкви, и они старались не пересекаться друг с другом, так что, если бы Павел знал, что Римскую Церковь основал Петр, он вряд ли бы написал римлянам. Немного позже я поясню, как Римская Церковь приобрела нынешний статус. Теперь рассмотрим еще одну деталь: Петр не только не назначил епископа Рима, но в I в. в Церкви вообще не было епископов. В Новом Завете упоминаются люди, которых иногда называли пресвитерами, или старейшинами, а иногда и епископами или блюстителями. В «Послании к Филиппийцам» есть любопытный пример: оно адресовано епископам и диаконам Церкви, и в те времена Церкви управлялись группами лидеров, известных как епископы и иногда как пресвитеры, однако во главе Церкви никогда не стоял один епископ. Это продолжалось вплоть до II в., когда святой Игнатий Антиохийский, мученически погибший в 110 г., заявил, что один епископ — глава Церкви и преемник Апостолов, управляющий Церковью до сего дня. Это произошло в конце I — начале II в. н. э., и, таким образом, один епископ стал возглавлять несколько Церквей. Но вернемся в I в.: из Посланий Ти-

мофею и Титу четко следует, что даже между этими пресвитерами-епископами не было четкого разделения. Кажется, в «Послании к Титу» Павел говорит, каким надлежит быть пресвитеру, а затем вдруг переходит на термин «епископ». Таким образом, эти два слова указывают на одно и то же официальное лицо, и, кстати, Апостол говорит, что этот человек должен быть женатым человеком и иметь не более одной жены. Таково было правило: он должен быть женатым мужчиной, и вплоть до III в. все епископы и священники были женаты. Даже Григорий Нисский, великий учитель-мистик, был женат и был сыном женатого священника — а жил он уже в IV в. Следует отметить, что безбрачие касалось лишь монахов, а священники не были призваны к целибату: это была особая харизма монахов, в особенности святого Ансельма и других. Постепенно их стали воспринимать в качестве образца для всей Церкви, и священники начали считать, что, будучи духовными лидерами, они также должны оставаться безбрачными, как монахи. Вследствие этого два призвания, которые первоначально отличались, постепенно слились.

Но вернемся к пресвитерам или епископам: они появляются в конце I в. До этого времени о них нет никаких упоминаний. Если вы посмотрите на список служителей Церкви, который приводится в Посланиях Коринфянам и Ефесянам, то увидите, что в нем нет ни пресвитеров, ни епископов. Там упоминаются апостолы, пророки, евангелисты, учителя, проповедники, администраторы, помощники — но нет ни слова о пресвитерах или епископах. Скорее всего, Послания Тимофею и Титу, были написаны в I в., возможно, в 70–80-е гг., и надо полагать, что ранее не было пресвитеров и епископов. Это невозможно доказать, поскольку в «Деяниях Апостолов» святой Лука указывает на то, что Павел назначил пресвитеров в Церквях, и

многие критики сегодня считают, что эти слова были добавлены позднее, что было весьма распространено в те времена, и возможно, они и вправду были пресвитерами, но просто не упоминались в ранней Церкви.

Теперь вернемся к нашему первоначальному вопросу. Кого назначил Иисус и что он делал? Здесь я изложу свои мысли на основе книги Раймонда Брауна «Священники и епископы». До конца I в. не было ни священников, ни епископов: Иисус же назначил апостолов. Здесь мне придется добавить еще один негативный момент: само слово «Церковь» упоминается в синоптических Евангелиях, например у Матфея, всего дважды: «Ты — Петр, на этом камне Я возведу Церковь Мою». Во всех четырех Евангелиях слово «Церковь» используется всего два раза, а Иисус всегда говорил о Царстве Божьем. Иисус назначил неких людей, учеников, назвав их «Апостолами», или «Посланниками», и послал их проповедовать Царство Божье. Это описано весьма четко. Сам Иисус ходил по деревням Галилеи, проповедуя Царство Божье, и назначил учеников, чтобы они продолжали Его работу. Лука также упоминает семьдесят других Апостолов, которых также назначил Иисус. Иисус дал им некую силу для проповеди Царства Божия, так что они могли не только проповедовать, но и исцелять больных, очищать прокаженных и изгонять злых духов. Иными словами, Иисус передал им Святого Духа, и для меня это самое важное в Церкви.

Далее мне бы хотелось затронуть еще одну важную вещь: обычно сегодня люди говорят об Иисусе как о Боге, но если мы обратимся к «Евангелию от Иоанна», то увидим, что Иисус никогда не называет Себя Богом. Это чуждо Его образу мысли. Сегодня я просматривал отрывок из «Евангелия от Иоанна», где иудеи обвиняют Его в том, что Он делает Себя равным Богу или даже называет Себя Богом, и Иисус отвергает эти обвинения, говоря: *«В Ветхом Завете сказано, что вы Боги и*

Сыны Всевышнего. Если Богами называют тех, к кому обращено Слово Божие, почему вы считаете, что Тот, Кого помазал Бог, не может говорить от имени Бога?» Иисус был призван и направлен в этот мир, а в другом месте (я также обращался к нему утром, это глава 5) Иисус говорит: *«Сын не может делать ничего, если не увидит, как это делает Отец»*. Иисус живет в полном общении с Отцом, и только в Отце и через Отца Он может действовать. Сын знает Отца и любит Отца, Отец знает Сына и любит Сына, и Отец дает Сыну жизнь в Нем самом. Даже Божественность приходит к Нему от Отца. Он — Бог от Бога. Он не просто Бог. Если вы позволите, я приведу вам действительно странные стихи: *«В начале было Слово, и Слово было у Бога»*, причем по-гречески Отец именуется «ho-teos» (термин употребляется с артиклем), а Слово — просто «teos» (без артикля). Это очень тонкая грань, но разница действительно существует, поскольку Иисус — Бог от Бога, Он — Бог во всей премудрости, знании и любви: все, что есть в Отце, дано Сыну, а Сын передает все это ученикам в Духе. Святой Дух — сама Суть Иисуса в связи с Отцом. Сын есть проявленное Бытие Отца, а Дух есть Бытие Отца, переданное через Сына ученикам, и мы получаем его. Нельзя забывать очень важный текст, который приводит святой Иоанн, в котором Иисус молится об учениках: *«Как Я в Тебе, Отче, а Ты во Мне, так и они да будут в Нас едины, дабы все достигли совершенства»*. Так же, как Иисус участвует в жизни и любви Отца, Он передает эту жизнь и любовь ученикам в Святом Духе. У отца Джона Мейна есть прекрасное высказывание: *«Делиться Сознанием Христа значит делиться потоком любви, который течет между Отцом и Сыном, Сыном и Отцом, и этот поток есть Святой Дух»*. Это поток любви, и это то, что получает каждый из нас, мы принимаем саму жизнь Пресвятой Троицы в наше существо. Таков дар Иисуса миру: отдать Самого Себя,

знание и любовь Отца, быть в Отце и иметь Отца в Себе, так, чтобы каждый, кто видел Иисуса, видел Отца. И все-таки Он не есть Отец.

Я переписывался со Свами Раньянатгьянандой, ведущим учителем «Рамакришна Матха» и автором книги «Христос, Которому мы поклоняемся». Он писал: *«Иисус говорит, что Он и Отец — одно. И эти Его слова показывают, что Иисус идентичен Отцу, как учит адвайта»*. В ответном письме я указал на то, что Иисус, говоря о том, что Он и Отец суть одно, не имел в виду, что Он есть Отец. И Он не мог сказать, что Он есть Отец. Это была бы полная *адвайта*, идентичность. Но в Иисусе нет идентичности, а есть общение любви. Отношения между Иисусом и Отцом, между Иисусом и учениками не представляют собой идентичность — мол, мы все станем Богом — они представляют собой общение любви. И это действительно удивительное послание.

Итак, Иисус передает Своим ученикам Святой Дух, и это есть общение — греческое слово «общение» — «*κοινωνία*» и имеет также значение «община». Наша *κοινωνία*, наша общность, наша община, наше братство — это наше общение с Отцом и с Его Сыном Иисусом Христом через Святого Духа. И это есть христианская Церковь — *κοινωνία* — общение учеников, разделяющих дар Святого Духа, приходящего через Иисуса от Отца. Такова наша Церковь. Иисус поделился этим даром с учениками, общаясь с ними и вдохновляя их делиться им с другими людьми в городах и селах Галилеи. И очевидно, что это было сделано заблаговременно, поскольку Иисус видел, что во время его путешествия в Иерусалим Его жизнь достигнет своей кульминации. В синоптических Евангелиях рассказывается лишь об одном посещении Иерусалима, Иоанн упоминает о двух или трех визитах. Но, разумеется, кульминацией всей Его жизни стал момент, когда он смог об-

ратиться к властителям Израиля и Иерусалима. И эти события привели к Его смерти, а затем к Его воскресению. И на сегодняшний день все согласны, что Воскресение — ключевое событие Евангелия.

Хочу обратить внимание еще на один момент. Недавно вышла книга, возможно, вы слышали о ней, под названием «Исторический Иисус». Ее написал некто Джон Доминик Крассон. Она написана научным языком, содержит более тысячи страниц и представляет собой глубокое социологическое исследование Иисуса, которого автор называет средиземноморским иудейским крестьянином. Он описывает социальное окружение, проводит критический анализ Евангелий, страница за страницей раскрывая, что сказал Иисус, приводит восемь страниц евангельских цитат, приводя примеры из апокрифов и, зачастую, как мне кажется, искажая факты. Но на что бы мне хотелось обратить внимание, что меня потрясло, так это список первоисточников, главным из которых оказалось «Послание Коринфянам». Мы точно знаем, когда оно было написано — в 55 г. н. э, спустя двадцать пять лет после известных событий. В этом Послании есть две важные вещи: установление Евхаристии за день до смерти Иисуса (*«Я сказал вам, что собираюсь делать».*) и точное описание этого Таинства — это один из малоизвестных фактов. Двадцать пять лет спустя. Вторая деталь — это рассказ о Воскресении. *«Он явился Кифе, Иакову, двенадцати, а затем пятистам другим ученикам, многие из которых живы по сей день».* Таким образом, по прошествии двадцати пяти лет многие свидетели были еще живы: таково свидетельство о Воскресении. Два факта в жизни Иисуса, в которых мы уверены, это Евхаристия и Воскресение. Это удивительно, но очень интересно.

Итак, Иисус велит ученикам проповедовать, затем отправляется в Иерусалим, умирает и Его Воскресение полностью меняет жизнь учеников. Они думали, что

Он был великим пророком, Мессией в каком-то смысле. Возможно, в очень расплывчатом смысле, но они не могли понять Его истинного положения до Воскресения. Нам нельзя путать явления и реальность: Иисус явился ученикам так, что они были убеждены в Его Вечной Реальности, они осознали, что он не просто пророк или Мессия в обычном смысле слова, и термин «Сын Божий», вероятно, утвердился лишь после Воскресения. Ученики увидели, что он на самом деле был Божьим Присутствием среди людей. Таким образом, Воскресение — это поворотный момент, с которого Апостолы стали видеть Иисуса таким, каков Он есть. И все наши Евангелия и Послания написаны в свете Воскресения. Этот свет пришел к ним во время явлений, в связи с опытом Воскресшего Христа, и это прекрасно описано в книге Дэвида Стендл-Расста и отца Томаса Матеуса «Принадлежащий Вселенной». Воскресение стало новым способом пребывания Иисуса с Его учениками. Это было Реальное Присутствие, такое же реальное, как физический контакт. Духовное присутствие на самом деле было даже более реальным, и именно поэтому Иисус сказал: *«Необходимо, чтобы Я ушел от вас; когда Я уйду — придет Святой Дух»*. Он уходит во плоти и возвращается в Духе. И именно таким образом Он присутствует в современной Церкви. Сам Иисус в Вечной Реальности присутствует среди учеников в Святом Духе. И это есть Церковь. Таким образом, с самого момента Воскресения ученики получали полноту Святого Духа. Лука рассказывает о Пятидесятнице, и, возможно, это действительно был драматический момент, но на самом деле он происходит постоянно. Святой Дух приходит каждый раз, когда ученики открывают себя Богу во Христе, и им дается этот дар. И именно так возникает Церковь.

Итак, Церковь есть Церковь Святого Духа: и об этом говорят Пятидесятники. Церковь есть Церковь Свято-

го Духа и община учеников, назначенных Иисусом и получивших дар Святого Духа, Который представляет Собой присутствие Иисуса среди тех, кто входит в Церковь. Ученики отправляются провозглашать это послание. Мне кажется важным отметить, что когда вы говорите об Иисусе и о Евангелиях, то имеете дело лишь с поверхностным описанием Реальности, которую нельзя выразить словами: невозможно выразить словами Святого Духа — Он находится за пределами слов, за пределами всего! Он есть скрытая Тайна. Мы воспринимаем эту Тайну, а затем пытаемся выразить Ее словами: Евангелия и Послания — это попытка выразить словами Тайну, которую невозможно выразить таким способом, поэтому мы всегда должны возвращаться к Самой Тайне, и Иисус Сам есть скрытая Тайна. Мы не знаем, каким Он был, и не узнаем этого до конца, до того момента, когда увидим Его таким, какой Он есть. Мы смотрим на Него через завесу, через призму «Евангелий» и Посланий. Эта завеса вначале почти прозрачна, затем, с течением времени, становится все толще и толще, но одновременно и тоньше.

Таким образом, я бы сказал, что Иисус основал эсхатологическую Церковь, Церковь конца времен. Он не основывал институциональной Церкви, о чем я скажу позже, Он основал Церковь Духа, Вечную Церковь, которая есть Мистическое Тело во Христе и в Отце, она есть Вечная Жизнь. Мы все участвуем в Вечной Жизни, которая есть Вечная Реальность Церкви, и она проявляется на земле. И здесь начинается институционализация. Когда Иисус ушел, ученикам пришлось каким-то образом организовываться: эта необходимость всегда возникает, когда *гуру* уходит. Первое, что они сделали, — учредили Таинство Крещения. Хотя Иоанн пишет, что Иисус и Сам крестил, но нам очень мало известно об этом, но, что касается учеников, для них это стало очень важным моментом. После Пятидесятницы

они стали говорить, что необходимо раскаяться и креститься, и, таким образом, было учреждено Крещение. Далее, мы знаем, что Иисус проводил ритуальный ужин с учениками, возможно, даже каждую неделю, как это было принято у иудеев (по субботам). И весьма вероятно, что центральным моментом этого ритуала было предложение хлеба и вина. В конце концов на Тайной Вечере хлеб и вино приобрели особое значение: «*Это Мое Тело*» — сказал Иисус, готовя учеников к Своей смерти и Воскресению, и сегодня мы называем это действие Евхаристией. Так появилось Крещение и ритуальный ужин, который первоначально проводился как *agape* (совместное принятие пищи и напитков), а затем постепенно превратился в ритуал, к которому мы привыкли. Но не забывайте, что в течение всего I в. практиковались *agape*, и существовала необходимость организовать общину, чтобы никто не пил слишком много и чтобы никто не оставался голодным. Так появился обряд Евхаристии. Мы не знаем, кто проводил Евхаристию, об этом нет никаких свидетельств в Новом Завете, и это очень интересный факт. Несомненно, это делали Апостолы, но в очень раннем тексте «Дидахе», относящемся к концу века, говорится, что пророки тоже проводили Таинство, впрочем, мы не знаем об этом наверняка. Однако к тому моменту Евхаристия стала центральной трапезой, главным обрядом Церкви, и этот обряд надо было каким-то образом организовать, и, как следствие, стал формироваться институт пресвитеров и епископов. Церковь нуждалась в лидерах, которые бы проводили Крещение и Евхаристию, учили бы и сохраняли апостольское учение. Кроме того, они должны были бы руководить жизнью общины, преломлением хлеба и молитвами — и именно так Лука описывает раннюю Церковь. Именно тогда появилась община, *κοινωνία* учеников, основанная на учении Апостолов, проводившая преломление хлеба, ехва-

ристические богослужения молитвы, которые мы также проводим утром и днем. Церковь начала организовываться, были назначены официальные лица, и к концу I в. практически у каждой Церкви были пресвитеры-епископы, известные либо как пресвитеры, либо как епископы, а в начале II в. появился человек, который стал главой Церкви и получил наименование епископа — все остальные лидеры сохранили статус пресвитеров. И именно с этим мы сталкиваемся в работах св. Игнатия Антиохийского, который пишет, что каждая Церковь возглавляется одним епископом, назначенным Апостолами. Как я уже сказал, нет никаких свидетельств того, что в I в. были епископы, но во II в. они уже выходят на первый план. Теперь поговорим о Церкви Рима. Прежде всего, мы не знаем, кто ее основал, возможно, некие римские евреи, ставшие свидетелями Пятидесятницы, затем вернувшиеся в Рим и создавшие Церковь там. Возможно, у нее была какая-то организация, но автор письма Клемента, адресованного Римской Церкви, не упоминает епископов. Возможно, в то время там не было епископов. Никто не знает, кто основал Римскую Церковь, но Петр и Павел мученически погибли именно в Риме, и этот факт доказан не только документально, но и археологически: они оба были казнены в Риме в 60-е гг., и оба рассматривались как духовные основатели Церкви. Согласно ранней традиции, Петр основал Римскую Церковь не один, а вместе с Павлом. Именно по этой причине в нашей Литургии они часто упоминаются вместе, например во время праздника Петра и Павла. Это верная традиция: Римская Церковь была основана на проповеди Апостолов Петра и Павла и на том свидетельстве, которое они оставили своей жизнью. Помимо прочего, Рим был центром Империи, и, разумеется, постепенно он стал рассматриваться как центр всех Церквей. Сохранился удивительный текст святого Игнатия, умершего в 180 г.,

в котором говорится, что если ты хочешь узнать истинную Церковь, отправляйся в Римскую Церковь, основанную славными Апостолами Петром и Павлом (а не только Петром!), ибо там сохраняется истинная вера, верными со всего мира. Все приходили в Рим, заимствовали его веру и распространяли ее, и Рим стал центром христианского мира. И нынешний Папа (Иоанн Павел II) как-то сказал, что Римская Церковь должна быть Центром, к которому следует обращаться. Она не должна править всеми, но все должны быть в общении с ней. Именно так дела обстояли во II в. — все пребывали в общении с этим Центром. Что касается Восточных Церквей, они никогда не назначали Пап или епископов — об этом нет никаких сведений. Очень важно, что первоначально было пять Патриархов: Иерусалимский, Антиохийский, Александрийский, позднее — Константинопольский и Римский. Епископ Рима был Патриархом Запада и назначал епископов на Западе. Другие Патриархи назначали епископов в их собственных Патриархатах, и Папа никогда не вмешивался в их дела, в управление их территорией или в их вероучение, за исключением спорных вопросов, по которым можно было апеллировать к Риму. Это часто случалось, и Папа мог выступать в качестве посредника. Так развивались события, Церковь организовывалась, назначала епископов, и епископы начали собираться на Соборы. Самый ранний Собор представлял собой встречу епископов из различных регионов, и это стало традицией. В IV в. произошло удивительное событие, названное экуменическим (Вселенским) Собором («есумини» — греческое слово, которое переводится как «мир», и всем тогдашним миром являлась Римская Империя). Никейский Собор, проходивший в 325 г., стал Первым Вселенским Собором, на котором присутствовали епископы со всего мира, но помните, что Папа не присутствовал в Никее и вообще не участвовал в

первых Соборах. Он направлял туда своих представителей — пресвитеров, они занимали почетные места, но сам он не участвовал в заседаниях, и все решения принимались восточными епископами: и в Никее, и в Эфесе, и в Халкидоне. Папа Лев был выдающимся теологом, и он направил делегатам свою работу «О Воплощении», и этот труд так поразил всех епископов, что они посчитали, что через Папу говорит сам Петр, и именно так возникла идея, что Папа представляет Петра и говорит от имени Петра.

Первые Соборы Церкви были собраниями епископов. Никейский Собор 325 г. стал первым экуменическим (Вселенским) Собором, на котором присутствовали епископы со всех уголков мира, за исключением Папы. Более того, Папа вообще не созывал Соборы — их организовывал Император: начиная от региональных соборов и заканчивая Вселенскими Соборами. Хотя Папа не присутствовал на Соборах, все решения передавались ему, и каждый восточный патриарх направлял свое имя Папе и сообщал, что он находится в общении с Римом, и это было очень важно. Так продолжалось до V в., и такова модель Церкви до наших дней. Несколько лет назад я писал статью в «Tablet», предлагая вернуться ко временам Патриархов и вместо Патриархов учреждать Епископальные Конференции Северной и Южной Америки, Африки, Европы. Папа может быть главой Совета Европы, Австралии и Азии, и можно действовать точно так же, как действовали древние Патриархи, назначая епископов: они делали это самостоятельно, но обращались к Риму, чтобы быть в общении с Римом. Это был бы идеальный вариант.

Так развивалась ситуация до V в., а затем наступило Темное Время, характеризовавшееся вторжением варваров. Рим и Константинополь все дальше и дальше отходили друг от друга: они даже не могли переписываться, и кульминацией разделения стал IX в., когда Папа

назначил Карла Великого императором. До этого момента императором был лишь Император Константинопольский, однако в IX в. у него появился соперник на Западе: теперь и там и там был император, и там и там был глава Церкви (на Западе — Папа, на Востоке — Патриарх). К XII в. произошел окончательный раскол, и две стороны так отдалились друг от друга, как будто никогда не были едины. Это была настоящая трагедия для обеих сторон, и мы до сих пор молимся об этом, и надеемся на воссоединение. Однако в результате к XII в. Рим полностью отделился от Восточных Церквей и остался один, с единственным Патриархом, и все дела Церкви перешли во власть Рима. В те времена была создана Римская Курия и кардиналы: их учредили Григорий VII и Григорий VIII в XII в. Внешне централизация была весьма эффективной: появилось много должностных лиц, все деньги потекли в Рим, который стал организационным центром Церкви. Римская Церковь приобрела невероятное могущество в Европе: она обладала властью, деньгами и даже армией, защищавшей ее. И самое главное, что ее стали рассматривать в качестве Престола святого Петра. Святой Петр жил с Церковью Рима, и сама суть поездки в Рим состояла в том, чтобы совершить паломничество к стопам Петра, приложиться к его могиле. Рим обладал огромной силой: поездка в Вечный Город была самым важным событием в жизни человека. И с того времени Римская Церковь превратилась в организационный центр, Восточные Церкви отделились, а западные стали полностью контролироваться Римом, и всех епископов отныне назначали в Риме. Система, которая ныне существует, возникла в XII в.

В XVI в. наступило время Реформации. Не будем забывать, что Рим был ужасно коррумпирован. Я однажды переписывал любопытное изречение Папы Адриана VI, который признавался, что коррупция и бес-

чинства поразили Святой Престол и что их источником была Римская Курия. Об этом все знали, и это привело к большому скандалу, за которым последовали ужасные события. Но в то же время было множество святых, помните об этом. Реформация сыграла жуткую роль: Лютер и многие другие отправились в Рим и приходили к двум разным выводам: кто-то говорил, что то, что происходит там, не может исходить от Бога, и покидали Церковь, а кто-то, считая себя преданным католиком, думал, что все, что происходит в Церкви — от Бога. В результате Северная Европа почти полностью отделилась от Южной. Все происходило почти по национальному признаку: латинские народы (испанцы, португальцы, итальянцы, французы), немцы и поляки остались с Церковью. Конечно, это был не чисто национальный подход, но эти народы приняли власть Рима, остальные порвали связи с ним. И мы — наследники этого разделения. Но кроме того, в XVI в. на Тридентском Соборе, Рим отреагировал на Реформацию негативно, и замкнулся в себе. До этого момента он был открыт новым идеям, созидательному мышлению: в течение всех Средних веков католическая мысль была очень креативна. А теперь, под влиянием протестантизма и Реформации, Церковь замкнулась в себе, став своего рода крепостью, и принялась защищаться. Целью всей католической теологии стала полемика против протестантизма, а затем против агностицизма и атеизма. Предпринимались попытки объединения с Восточными Церквями, но все они провалились. И мы унаследовали эту Церковь-крепость, которая только утвердилась в XIX в. на I Ватиканском Соборе и начала открываться только в нашем (XX) веке. Многие из нас, вероятно, помнят эту Церковь-крепость. Мы по-прежнему слышим о врагах, от которых нам надо защищать нашу Церковь-крепость. Так было в начале XX в., а для многих по-прежнему ничего не изменилось.

II Ватиканский Собор стал удивительным событием. Папа Иоанн XXIII просто разрушил эту крепость, открыл ее двери, впустил свежий воздух, сказав, что таким образом он помогает Церкви вернуться к ее традиции. Это событие привело ко многим спорам и сомнениям и до сих пор вызывает непонимание, но оно открыло двери Церкви всей традиции, с самого начала. И мне кажется, что сейчас мы уже можем оценить, как Церковь выросла со времен Иисуса, сквозь века, и увидеть, как Святой Дух действовал в Церкви от начала. Иисус передал Дух Апостолам, они распространили Его по Церквям, и Он в той или иной степени присутствует во всех Церквях. И разумеется, Он пребывает в Церкви Рима, в Церкви Апостолов Петра и Павла, которая обладает особым призванием. Невозможно отрицать, что Церкви Рима была дана особая харизма, и она оставалась с ней на протяжении веков и присутствует в ней до сего дня. Раймонд Браун очень хорошо пишет об этом: Иисус основал общину, которая должна была в соответствии с историческими условиями развиваться и стать той Церковью, которую мы знаем, с ее иерархией, Таинствами, догмами, законами и так далее. Вы можете сказать, что этой эволюцией от ранней Церкви управляет Святой Дух, но на самом деле она обусловлена историческими условиями. Все, от Таинств до законов, в конце концов исходит от Бога и дано через Святого Духа, все это ограничено историческими и культурными условиями. Нам нужно признать, что все это обусловлено, но также мы должны увидеть присутствие Святого Духа в Церкви. Именно поэтому, какие бы мы ни совершали ошибки, мы верим, что несмотря ни на что Святой Дух присутствует с нами. Я бы сказал, что тот, кто хочет принять христианство, может узнать о многих отвратительных вещах в Церкви, но если он будет искренне искать, то обнаружит в конце концов Святого Духа. Я могу сказать, что сам нашел Его, и эта

основа остается с нами. Иисус передал Святого Духа ученикам, Он остается в Церкви, и мы всегда сможем найти Его. Но чтобы найти Его, нам следует помнить, что он скрыт под ворохом исторических обстоятельств, которые есть и в наше время и будут всегда меняться. Институциональная Церковь всегда изменяется под влиянием исторических условий. Мы видели, как она росла в течение веков, и если мы присмотримся, то увидим, что она постоянно изменяется, отвечая, как говорил Ньюман, нуждам людей, но все-таки сохраняя основную истину Святого Духа. Вот и все, что я бы хотел сказать.

ИНДИЙСКИЕ ХРИСТИАНСКИЕ БХАДЖАНЫ

Дева Мария на лотосе («Сатчитананда ашрам»).

Отче наш

Бхо асмАкаМ сваргастха питаХ
тава нАма павитраМ пУджйатаМ |
тава рАджйам АйАту |
йатхА сварге татхА мединайАм апи
тавеччА сидхйату |
свастанаМ бхакСйам адиАсмабхайаМ дехи |
вайаМ ка йатхАсмад-апарАдхинАМ кСамАмахе |
татхА твам асмАкам апарАдхАн кСамасва |
асмаМс ка пАрИксаМ ма найа |
апи-ту дурАтмата уддхара |
йато рАджйаМ парАкрамаХ пртАпас
ка йуге-йуге таваивава. |

*Отче наш, сущий на Небесах,
 Да святится имя Твое,
 Да будет воля Твоя и на земле как на Небе,
 Хлеб наш насущный дай нам на сей день
 И прости нам долги наши, как и мы прощаем должни-
 кам нашим,
 И не введи нас в искушение,
 Но избавь нас от лукавого,
 Ибо Твое есть царство и сила и слава во веки,
 Аминь*

Радуйся, Мария

НамастубхйАМ хе мАрийе кРРипАпУрНе |
 прабухствайаа сАкам |
 дханйатамА тваМ стрИшу дханйашча
 таводарапхаламИшуХ ||
 хе паришуддхамАрийе джанани сарвешварасйа
 прАртхайАсmtкРРите
 адхунАчАсманмараНасамайеча |
 эвамасту||

*Радуйся Мария, благодатная, Господь с Тобою,
 Благословенна Ты среди женщин и благословен плод
 чрева Твоего Иисус.*

*Святая Мария, Матерь Божья,
 Молись за нас грешных ныне и в час смерти нашей,
 Аминь*

ОМ Джагадишвара

Ом джагадишвара садапи чинмайя
 джагадишвара ванде (2 раза)
 Ом парипуджита парапаратма парапаратма

Анаваратам Ванде (3)

Ом джагадишвара садапи чинмайя
джагадишвара ванде (2 раза)

*О Господь Вселенной, о Вечное Сознание,
О Господь Вселенной, я поклоняюсь Тебе.
О Святейший, о Высший Дух,
От века и до века поклоняюсь Тебе!*

ОМ Шри Бхагавате

Ом Шри Бхагавате Сатчитанандайя Намах
Ом Шри Бхагавате Ананда Дэвайя Намах
Ом Шри Бхагавате Сатьямаргайя Намах
Ом Шри Бхагавате Йешу Кристайя Намах
Ом Шри Сат Гуруве Йешу Дэвайя Намах
Ом Ишайя Пурна Дэвайя Намах
Ом Ишайя Сат Пурушайя Намах
Ом Ишайя Йаджня Рупайя Намах
Ом Ишайя Джйотишам Джйотише Намах
Ом Ишайя Кенйя Сутайя Намах

*Я приветствую Господа,
исполненного вечности, знания и блаженства,
Он есть источник блаженства и истинный путь.
Я приветствую Господа Иисуса Христа,
истинного духовного учителя,
полное проявление Бога,
который есть истинный Пуруша,
принесший Себя в жертву.
Я приветствую свет от света,
сына Девы!*

Джайя Бхагаван

Джайя Бхагаван, джайя Бхагаван,
джайя Бхагаван, пахимам,
Шри Бхагаван, Шри Бхагаван,
Шри Бхагаван ракшамам;
Джайя Пита, джайя Пита, джайя Пита пахимам,
Криста Пита, парам Пита, Сварга Пита ракшамам;
Джайя Видхата, джайя Видхата,
джайя Видхата пахимам,
Шри Видхата, Шри Видхата,
Шри Видхата ракшамам;
Джайя Криста, Джайя Криста,
Джайя Криста пахимам,
Шри Криста, Шри Криста, Шри Криста, ракшамам;
Мукти дата, мукти дата, мукти дата пахимам,
Марга дата, марга дата, марга дата ракшамам;
Ом тат сат, Ом тат сат, Ом тат сат, Ом,
Ом шантих, Ом шантих, Ом шантих, Ом.

*Слава Господу, слава Господу, слава Господу — о Гос-
подь, защити нас,*

О Господь, о Господь, о Господь, спаси нас;

*Слава Отцу, слава Отцу, слава Отцу, о Отец, защити
нас,*

*О Отец Христа, о высший Отец, о небесный Отец,
спаси нас;*

*Слава Творцу, слава Творцу, слава Творцу, о Творец, за-
щити нас,*

О Творец, о Творец, о Творец, спаси нас;

*Слава Христу, слава Христу, слава Христу, о Христос,
защити нас,*

О Христос, о Христос, о Христос, спаси нас;

О дарующий освобождение, защити нас,

О указывающий истинный путь, спаси нас.

СЛОВАРЬ ИМЕН И ТЕРМИНОВ

Абхишиктананда, Свами — духовное имя Анри Ле Со (1910–1973), священника-бенедиктинца, основавшего вместе с Жюлем Моншаненом «Сатчитананда ашрам».

Аватара (*санскр.*) — воплощение Бога (чаще всего Вишну) на земле. Самые почитаемые аватары Вишну — Матсья, Курма, Вараха, Нарасимха, Вамана, Парашурама, Рама, Кришна и Калки.

Агастья — древний мудрец, наставлявший царевича Раму во время похода на Шри-Ланку; герой эпической поэмы «Рамаяна».

Агни — бог огня в Ведах.

Агностицизм — философия, согласно которой Истина не познаваема.

Адвайта (*санскр.*) — учение о недвойственности всего сущего. В рамках ведантической мысли существует несколько направлений адвайтической философии: кевала-адвайта Шанкары, вишишта-адвайта Рамануджи, шуддха-адвайта Валлабхи и другие.

«Аджатананда ашрам» — экуменический ашрам в штате Уттар-Прадеш (Северная Индия), основанный в 2006 г. секретарем «Общества Абхишиктананды» Свами Атманандой. Назван в честь ученика Свами Абхишиктананды, Марка Шадюка (Свами Аджатананды).

Аджатананда, Свами — духовное имя Марка Шадюка, ближайшего ученика Свами Абхишиктананды, получившего в 1973 г. посвящение в западную и восточную монашеские традиции в присутствии Анри Ле Со и Свами Чидананды.

Алапотт, Бенедикт — индийский священник, впервые преподавший знания о йоге Бедо Гриффитсу.

Амалдас, Свами — ближайший ученик Беды Гриффитса.

Ананд — молодой индиец, сопровождавший Свами Абхишиктананду в паломничестве к истокам Ганги в 1963 г.

Антоний Сурожский (Блум) (1914–2003) — митрополит, в течение многих лет возглавлявший Русскую Православную Церковь в Англии. Поддерживал близкие отношения с отцами «Сатчитананда ашрама».

Арати (*санскр.*) — индийский обряд, применяемый в индуистских, сикхских и буддийских храмах, а также в «Сатчитананда ашраме». В его процессе Богу предлагают огонь, благовоения, цветы и т. д.

Арджуна — полководец войска Пандавов во время битвы при Курукшетре, описываемой в эпической поэме «Махабхарата». Во время сражения Кришна, будучи колесничим Арджуны, рассказал ему «Бхагавадгиту».

Аруначала — священная гора в Южной Индии, у подножия которой находится ашрам Раманы Махарши. Аруначала считается воплощением Шивы.

Арчана (*санскр.*) — форма молитвы, во время которой священник провозглашает какое-либо имя или качество Бога, а преданные отвечают ему. Арчана является аналогом христианской литании.

Атанасиос, Захариос Мар — епископ сирийской епархии Кералы, предоставивший Бедe Гриффитсу и Франциску Ачарье возможность создать ашрам на горе Курисумала, находившейся в его юрисдикции.

Атман (*санскр.*) — Дух; как правило, этот термин относится к индивидуальному Духу в живом существе.

Ахамкара (*санскр.*) — ложное эго; ощущение «Я», разделенного с Божественным.

Ачарья (*санскр.*) — учитель, дающий наставления ученикам собственным примером; основатель ашрама.

ашрам (*санскр.*) — монастырь; место, где в уединении живет гуру со своими учениками.

Беда Достопочтенный (672–735) — английский святой, написавший «Церковную историю народа англов».

Бенедиктинцы — католический духовный Орден, основанный святым Бенедиктом Нурсийским. Состоит из независимых конгрегаций, живущих согласно «Правилу святого Бенедикта».

Бенедикт Нурсийский (480–543) — итальянский святой, разработавший «Правило святого Бенедикта», по которому живут монахи-бенедиктинцы. В своей духовной практике св. Бенедикт делал акцент на созерцательности и уединении.

Брахма — творческая ипостась Бога в индуизме; одна из личностей Тримурти.

Брахма-Лока (*санскр.*) — духовный мир в индуизме; обитель Брахмы.

Брахман — Божественное Начало в Ведах.

Брахманы (*санскр.*) — представители варны (касты) ученых и священников в индуизме.

Брахмачарья (*санскр.*) — целомудрие; в философии Ганди — отказ от материальных излишеств.

«Брахмо-Самадж» — религиозная организация, основанная в XIX в. в Индии. Ее последователи верят в Единого Бога и отвергают идолопоклонство.

Брахмосы — члены организации «Брахмо-Самадж».

Будда — в буддизме человек, достигший Просветления. Обычно под этим именем подразумевают «исторического Будду», принца Сиддхартху Гаутаму (623–544 до н. э.), основавшего буддизм.

«Бхагавадгита» — поэма, входящая в эпос «Махабхарата» и раскрывающая основы индуистского мировоззрения. По преданию, «Бхагавадгита» была рассказана Кришной Арджуне во время битвы при Курукшетре.

Бхаджан (*санскр.*) — духовное песнопение.

Бхакти (*санскр.*) — преданность Богу; один из четырех видов йоги (наряду с раджа-, карма- и джняна-йогой).

Бхакт (или бхакта) — преданный Бога в индуизме.

«Бхакти ашрам» — ашрам, расположенный неподалеку от города Куллиталай в штате Тамил-Наду (Южная Индия), в котором до основания Шантиванама жил отец Жюль Моншанен.

Вайшнав — последователи вишнуизма, культа бога Вишну; преданные Вишну.

Вайшьи — представители варны (касты) крестьян.

Ватиканский Собор (II) — Вселенский Собор Католической Церкви, созданный Папой Иоанном XXIII в 1962 и закончившийся при Папе Павле VI в 1965 г. На II Ватиканском Соборе был принят ряд важных документов, касающихся, в том числе, отношения Церкви к нехристианским религиям.

Вахана (*санскр.*) — священное животное, на котором, согласно ведической мифологии, передвигается то или иное божество. Например, вахана Шивы — бык, вахана Вишну — птица Гаруда, вахана Муругана — павлин.

Веданта — философская система, объясняющая, помимо прочего, взаимосвязь между Брахманом (Божественным Началом), индивидуальной душой и миром. Существует три основных направления веданты: адвайта-веданта (абсолютный монизм) Шанкары, вишиштадвайта-веданта (квалифицированный монизм) Рамануджи и двайта-веданта (дуализм) Мадхвы.

Ведический — относящийся к Ведам или древнеиндийской (арийской) цивилизации.

Веды — Священные Писания индуизма. Веды включают в себя четыре сборника гимнов — «Риг», «Яджур», «Сама» и «Атхарва». По преданию, Веды изошли из уст Брахмы и были записаны мудрецом Вьясой.

Вивекананда, Свами (Нарендранатх Датта) (1863–1902) — выдающийся духовный учитель Индии, ученик Рамакришны. Во время Всемирного Конгресса религий в Бостоне Вивекананда познакомил западный мир с философией веданты и йогой.

Вишванатха — лингам, считающийся покровительствующим божеством города Варанаси.

Вишну — поддерживающая ипостась Бога в индуизме; одна из личностей Тримурти. В вишнуизме — Верховный Господь.

Ганга — священная река на севере Индии. Считается, что Ганга берет свое начало в духовном мире и очищает всех, кто омывается в ней, от грехов.

Ганди, Махатма (1869–1948) — лидер индийского национально-освободительного движения, философ и духов-

ный учитель Индии. Благодаря деятельности Ганди Индия обрела независимость от колонизаторов и сделала значительные успехи в искоренении кастовой системы.
«Гаятри мантра» — священная мантра, которую брахманы повторяют трижды в день.

Говинда — одно из имен Кришны, которое переводится как «Пастух». В поэзии Кабира и в «Сандхья-Вандане» — Единый Бог.

Гуру — духовный учитель в индуизме и буддизме.

Гухантара — «Тот, Кто пребывает в пещере», Атман. Псевдоним Свами Абхишиктананды.

Дакшинамурти — воплощение Шивы в образе молодого гуру; покровитель йоги и йогов.

Далай-лама XIV (Тэнзин Гьяцо) — лидер тибетского буддизма и глава непризнанного государства Тибет. Родился в 1935 г.; считается одним из выдающихся духовных учителей современного человечества.

Даршан (*санскр.*) — лицезрение божества; обряд, во время которого изображение храмового божества демонстрируется верующим.

Даянанда, Свами — духовное имя Беды Гриффитса (1906–1993), священника-бенедиктинца, возглавившего «Сатчитананда ашрам» в 1968 г.

Де Любак, Анри (1896–1991) — французский иезуит, прогрессивный католический мыслитель XX в.; друг Жюля Моншанена.

Дживанамукта (*санскр.*) — человек, достигший освобождения уже при этой жизни.

Дживатма (*санскр.*) — индивидуальная душа.

«Джйотиникетан ашрам» — ашрам, основанный в 1953 г. англиканским священником Мюрреем Роджерсом в деревне Карели в Северной Индии.

Джнянананда Гири, Свами — современный индуистский святой из Тирукойилура (Южная Индия), ставший духовным учителем Свами Абхишиктананды.

Дикша (*санскр.*) — посвящение, которое дает гуру своим ученикам.

Дурга — одно из проявлений Божественной Энергии (Шакти) в индуизме; супруга Шивы.

«**Духовные упражнения**» — система медитации, разработанная основателем Ордена иезуитов святым Игнатием Лойолой.

Дхарма (санскр.) — религия, законодательная система.

Дхармананда Гири, Свами — Свами из «Рамакришна Матха», который провел 7 лет в «Курисумала ашраме» вместе с христианскими монахами.

Дхоти (санскр.) — индийская национальная мужская одежда, представляющая собой кусок материи, обматываемый вокруг талии.

Дхьяна (санскр.) — медитация.

Евхаристия (Причастие) — христианское Таинство, во время которого верующие принимают Тело и Кровь Христа в виде хлеба и вина.

Елеосвящение — христианское Таинство, во время которого верующего мажут освященным елеем и молятся о его выздоровлении.

Игнатий Лойола (1491–1556) — испанский католический святой; основатель Ордена иезуитов.

Иезуиты — члены католического духовного Ордена иезуитов, основанного святым Игнатием Лойолой.

Индра — бог-громовержец в Ведах.

Иоанн XXIII (1881–1963) — Папа Римский, созвавший II Ватиканский Собор.

Иоанн Павел II (1920–2005) — Папа Римский, известный, помимо прочего, своим интересом к проблеме экуменизма и межрелигиозного диалога.

Ишвара (санскр.) — Господь, личностная ипостась Бога.

Ишта-дэвата (санскр.) — избранное божество, которому преданный поклоняется в качестве Всевышнего.

Ишта-мантра (санскр.) — мантра, обращенная к избранному Божеству.

Йога (санскр.) — путь достижения единства с Высшим Духом. Существует четыре основных направления йоги: ра-

джа-йога, сочетающая принципы духовного образа жизни, медитации и особых физических и дыхательных упражнений; карма-йога (бескорыстная деятельность на благо всех живых существ); джняна-йога (путь знания) и бхакти-йога (путь преданности Богу).

Кабир (1440–1518) — североиндийский поэт-свят, автор сборника «Грантхавали». Некоторые из стихотворений Кабира вошли в Священное Писание сикхов «Гуру Грантх Сахиб».

Кавери — священная река в Тамил-Наду, на берегах которой расположен «Сатчитананда ашрам».

Кави — поэт, декламирующий ведические гимны; шафран-ный цвет, символизирующий санньясу.

Камальдолезцы — члены католической Конгрегации Камальдоли Ордена св. Бенедикта, к которой относится «Сатчитананда ашрам».

Карма (*санскр.*) — закон причинно-следственной связи в индуизме, управляющий, помимо прочего, процессом переселения души.

Касты — социальные группы в индуизме. Согласно средневековой кастовой системе, человек, рождаясь в той или иной касте, не мог изменить свое социальное положение. Кастовая система осуждалась многими индуистскими святыми.

Кешаб Чандер Сен (1838–1884) — представитель общества «Брахмо-Самадж», многие идеи которого были близки христианству.

Киновиты — монахи, ведущие общинный образ жизни, в отличие от эрмитов.

Кофф, Паскалина — секретарь Фонда Беды Гриффитса; основатель и настоятель ашрама Сестер Непрерывного Поклонения в Оклахоме.

Кришна — земное воплощение Вишну; в некоторых направлениях вишнуизма Верховный Господь.

«Курисумала ашрам» — ашрам траппистов в Керале, основанный Франциском Ачарьей и Бедой Гриффитсом в 1958 г.

Курукшетра — место недалеко от Дели, в котором проходила легендарная битва, описываемая в эпосе «Махабхарата».

Кшатрии — представители варны (касты) царей и военачальников; административный класс индуистского общества.

Лакшми — богиня процветания и удачи в индуизме; супруга Вишну.

Лемарье, Жозеф — католический священник, друг Свами Абхишиктананды и автор нескольких книг о нем.

Лила (*санскр.*) — Божественная игра; деяние Бога в материальном мире.

Лингам (*санскр.*) — камень фаллической формы, символизирующий Шиву.

Логос (*греч.*) — Слово; в «Евангелии от Иоанна» Словом Божьим назван Иисус Христос.

Мадхва (1238–1317) — средневековый индийский философ, обосновавший философию двойственности, двайта-веданту.

Майя (*санскр.*) — иллюзия, во власти которой находятся живые существа в материальном мире.

Манниккавасагар — тамильский святой и поэт IX в.; преданный Шивы и автор сборника гимнов «Тирувасакам», который считается эпосом тамиллов.

Мантра (*санскр.*) — священный слог или фраза, которые повторяют во время медитации.

Мауна (*санскр.*) — молчание; обет молчания.

«Мауна Мандир» — храм в Кумбаконаме (Южная Индия), паломникам которого предлагается провести определенное время в затворничестве и молчании. Во время медитации в Мауна Мандире в 1956 г., Свами Абхишиктананда удостоился ряда мистических переживаний, способствовавших осознанию им недвойственности бытия.

Махавакья — важное высказывание из Упанишад, используемое во время посвящения в санньясу.

Махасамадхи — достижение полного единства с Высшим Существом; уход из материального мира; место погребения святого или гуру.

Мейн, Джон (1926–1982) — священник-бенедиктинец, основавший Международное общество христианской медитации.

Мертон, Томас (1915–1968) — монах-цистерцианец, который вел интенсивный диалог с буддизмом и стал одним из выдающихся учителей дзэн-медитации в современном мире.

Мехта, Диншо — личный врач Махатмы Ганди и один из друзей Свами Абхишиктананды.

Милай Матха — образ Пресвятой Девы Марии, которому поклоняются в Южной Индии; Пресвятая Дева Миланская.

Мукунда — одно из имен Кришны, которое переводится как «Дарующий освобождение». В поэзии Кабира и в «Сандхья-Вандане» — Единый Бог.

Мунивар (санскр.) — человек, давший обет молчания.

Мурти (санскр.) — образ или изображение Бога или святого.

Намаджапа (санскр.) — повторение Святых Имен Бога; форма медитации.

Намаскар (санскр.) — поклон.

Нарайяна (санскр.) — «Тот, на Ком все покоится»; одно из имен Вишну; в философии Рамануджи — Верховный Господь.

Натараджа — «Владыка танца»; одно из имен Шивы; отцы Шантиванама рассматривали этот образ как символ воскресшего Христа, победившего зло.

Ниргуна (санскр.) — «находящийся выше качеств»; сверхличностная непостижимая ипостась Брахмана.

Нирмал — ученик Свами Чидананды, ухаживавший за Свами Абхишиктанандой после его первого сердечного приступа в 1973 г.

Нитья-карма (санскр.) — вечные обязанности; ритуалы, которые регулярно проводят брахманы.

Новициат (лат.) — испытательный срок, который проходят желающие стать монахами в христианских монастырях.

Омкара (санскр.) — священный слог ОМ.

Павел VI (1897–1978) — Папа Римский, при котором прошёл II Ватиканский Собор.

Пандит (*санскр.*) — знаток религии и других наук в индийской культуре.

Паниккар, Раймон (Раймундо) — католический священник, близкий друг Свами Абхишиктананды, посвятивший свою жизнь вопросам межрелигиозного диалога. Родился в 1918 г., в настоящее время проживает в Испании.

Параклет (*греч.*) — «Утешитель», Святой Дух.

Парам Аруби Ананда, Свами — духовное имя Жюля Моншанена (1895–1957), католического священника, основавшего вместе с Анри Ле Со «Сатчитананда ашрам».

Параматман (*санскр.*) — Высший Дух.

Парампара (*санскр.*) — цепь ученической преемственности, по которой передается ведическое знание.

Пий X (1835–1914) — Папа Римский, утвердивший обязательную антимодернистскую присягу для священников.

Пий XI (1857–1939) — Папа Римский, реорганизовавший Конгрегацию Камальдоли.

Пневма (*греч.*) — Дух.

Понгал (*санскр.*) — тамильский праздник урожая, который, как правило, приходится на начало года.

«Правило святого Бенедикта» — монашеский устав, написанный святым Бенедиктом Нурсийским.

Пранава — см. Омкара.

Причастие — см. Евхаристия.

Психе (*греч.*) — душа.

Пуджа (*санскр.*) — индуистское богослужение.

Пунджа, Харилал (1910–1997) — выдающийся духовный учитель современной Индии, ученик Раманы Махарши.

«Пураны» — Священные Писания индуизма, повествующие о деяниях богов и героев.

Пуруша — Изначальная Личность, принесенная в жертву у истоков творения; отцы Шантиванама видели в Пуруше Космического Христа.

«Пуруша-Сукта» — ведический гимн, рассказывающий о жертвоприношении Пуруши.

Равана — царь Шри-Ланки, согласно «Рамаяне», похитивший супругу Рамы Ситу, а впоследствии был обезглавлен Рамой.

Рама — герой эпической поэмы «Рамаяна»; земное воплощение Вишну; в некоторых направлениях вишнуизма Верховный Господь.

Раманатхасвами — лингам в Рамешвараме, по преданию установленный самим Рамой во время похода на Шри-Ланку.

«**Раманашрам**» — ашрам Раманы Махарши, расположенный у подножия горы Аруначала.

«**Рамакришна Матх**» — организация учеников и последователей Шри Рамакришны Парамахамсы, основанная его преемником Свами Вивеканандой.

Рамакришна Парамахамса (1836–1886) — выдающийся бенгальский святой, доказавший своей жизнью, что все религии ведут к одной и той же Высшей Цели.

Рамана Махарши (1879–1950) — современный тамильский святой, достигший самосознания при жизни. После посещения Махарши Свами Абхишиктананда обратился к адвайте.

Рамананда (1400–1470) — средневековый североиндийский поэт и философ, основавший Шри Рамананда Сампрадайу. Рамананда проповедовал преданность Раме и равенство всех людей перед Богом.

Рамананди — представители североиндийского направления вишнуизма, основанного Раманандой; преданные Рамы.

Рамануджа (1017–1137) — тамильский философ и преданный Вишну, обосновавший философию вишиштадвайтаведанты; основной оппонент философии Шанкары.

«**Рама Чарит Манас**» — поэма о деяниях Рамы, написанная Тулсидасом.

«**Рамаяна**» — эпическая поэма Древней Индии, авторство которой приписывается мудрецу и поэту Валмики.

Ранганатха — образ Вишну, находящийся в Шри Рангаме, которому поклонялся Рамануджа. Считается, что статую Ранганатхи некогда установил Рама.

Риши (*санскр.*) — лесной отшельник.

Роджерс, Мюррей (1917–2006) — англиканский священник, основавший общину Джйотиникетан; близкий друг Свами Абхишиктананды.

Ромуальд (951–1027) — итальянский святой, основавший Конгрегацию Камальдоли.

Савитур — одно из имен бога Солнца в индуизме; в позднейшей индийской философии и в «Сандхья-Вандане» — наименование Высшей Истины.

Сагуна (*санскр.*) — «обладающий качествами»; личностная проявленная ипостась Брахмана.

Садхака (*санскр.*) — человек, занимающийся духовной практикой.

Садху (*санскр.*) — святой человек.

Санатана-дхарма (*санскр.*) — «Вечная Религия»; самоназвание индуизма; в философии Беды Гриффитса — изначальное знание Истины, лежащее в основе всех религий.

«**Сандхья-Вандана**» — сборник бхаджанов, молитв и литургических текстов, составленный Бедой Гриффитсом для использования в Шантиванаме.

Санньяса (*санскр.*) — монашество в индуизме; отречение от материального мира.

Сансара (*санскр.*) — мир, находящийся в плену иллюзии и являющийся местом перерождения и страдания живых существ.

Санты — средневековые поэты-бхакты, отвергавшие идолопоклонство и кастовую систему и сосредоточивавшиеся на поклонении Богу без формы.

Санньяси — люди, отрeksiеся от материальных благ во имя духовной цели; монахи.

Сарасвати — богиня мудрости в индуизме; супруга Брахмы.

Сатгуру (*санскр.*) — изначальный гуру; высший авторитет той или иной философской школы.

Сатсанг (*санскр.*) — собрание, посвященное духовным упражнениям и беседам на духовные темы.

Сатчитананда — наименование Брахмана в индуизме (Сат — вечность, Чит — знание, Ананда — блаженство); отцы

- Шантиванама воспринимали триаду качеств Брахмана как пророческое предвосхищение Тайны Троицы.
- «Сатчитананда ашрам»** — санскритское наименование «Монастыря Пресвятой Троицы» Шантиванам.
- Свами** — индуистский монах и учитель.
- Святые Дары** — хлеб и вино, пресуществленные во время мессы в тело и кровь Христа.
- «Севаграм ашрам»** — ашрам Махатмы Ганди.
- Сету** (*санскр.*) — «мост», псевдоним Свами Абхишиктананды.
- Сита** — героиня эпоса «Рамаяна», супруга Рамы и воплощение богини Лакшми.
- Солезмцы** — члены Солезмской Конгрегации Ордена святого Бенедикта, к которой принадлежал Анри Ле Со до своего отъезда в Индию.
- Таку Ваккан** — Великий Дух индейцев дакота.
- «Тапованам-ашрам»** — ашрам Свами Джнянананды Гири.
- Тейар де Шарден, Пьер** (1881–1955) — французский священник-иезуит, обосновавший философию христианского эволюционизма.
- Тилак** — знак, который наносят на лоб и другие части тела индуисты в качестве символа преданности той или иной форме Бога.
- Теофания** — католическая монахиня, ухаживавшая за Свами Абхишиктанандой до самого дня его ухода в 1973 г.
- «Тирувасакам»** — тамильский эпос, написанный Манник-кавасагаром; состоит из гимнов, прославляющих Шиву.
- Томизм (и неотомизм)** — философская система, разработанная святым Фомой Аквинским и включающая в себя учение о гармонии веры и разума; на протяжении нескольких веков томизм считался официальной доктриной Католической Церкви.
- Тонантцин** — ацтекская богиня Луны и кукурузы, образ которой отождествляется с образом Пресвятой Девы Марии Гвадалупской.
- Трапписты** — представители католического духовного Ордена траппистов, отличающегося строгостью устава.
- Тримурти** — три основных проявления Брахмана: Брахма, Вишну и Шива.

Тулсидас, Госвами (1532–1623) — североиндийский поэт и преданный Рамы, написавший множество стихотворений, гимнов и поэму «Рама Чарит Манас».

«**Удасин Пантх**» — индуистский монашеский орден, который активно сотрудничает с христианскими монахами на севере Индии.

Упанишады — Священные Писания Древней Индии, содержащие важнейшие философские тексты.

Фома Аквинский (1225–1274) — итальянский святой, обособивший философию томизма.

Фома, Апостол — ученик Иисуса Христа, основавший первые христианские общины в Южной Индии.

Францисканцы — члены католического духовного Ордена францисканцев, основанного святым Франциском Ассизским.

Франциск Ачарья — духовное имя Джона Майо, католического священника, основавшего вместе с Бедой Гриффитсом «Курисумала ашрам».

Франциск Ксаверий — средневековый католический святой, совершивший несколько миссионерских путешествий по Азии, в том числе в Индию.

Фримен, Лоренс — ученик Джона Мейна и нынешний Президент Международного общества христианской медицины.

Хануман — герой эпоса «Рамаяна», полководец обезьян, который помог Раме освободить его жену Ситу из плена.

Хари — одно из имен Вишну; в поэзии сантов и в «Сандхья-Вандане» — Единый Бог.

Хрид (санскр.) — сердце.

Чайтанья, Махапрабху (1486–1534) — выдающийся бенгальский святой и поэт, проповедовавший бескорыстную любовь к Богу.

Чидананда, Свами — духовный учитель «Общества Божественной Жизни», ученик и преемник Свами Шивананды.

Шадюк, Марк — см. Аджатананда.

Шайва-сиддханта — философия, распространенная среди тамильских поклонников Шивы; согласно шайва-сиддханте единство с Богом достигается путем преданной любви.

Шакти (*санскр.*) — Божественная Энергия, женское Божественное Начало в индуизме.

Шанкара (788–820) — средневековый индийский философ, обосновавший философию адвайта-веданты.

Шантиванам — см. «Сатчитананда ашрам».

Шарма, Лалит — один из первых учеников Свами Абхишиктананды, присоединившийся к нему в восемнадцатилетнем возрасте.

Шива — разрушительная и созидательная ипостась Бога в индуизме; одна из личностей Тримурти; в шиваизме Верховный Господь.

Шиваиты — индуисты, поклоняющиеся Шиве как Верховному Господу; преданные Шивы.

«Шивананда ашрам» — ашрам Свами Шивананды в Ришикеше.

Шивананда, Свами (1887–1963) — выдающийся духовный учитель современной Индии; основатель «Общества Божественной Жизни».

Шлока (*санскр.*) — стихотворный размер, используемый в Ведах.

Шривастава, Рамеш — один из первых учеников Свами Абхишиктананды.

Шудры (*санскр.*) — представители варны (касты) рабочих.

Эволюционизм христианский (тейардизм) — философия Тейара де Шардена, согласно которой эволюционный процесс во Вселенной проходит под воздействием Высшей Силы.

Энциклика (*лат.*) — окружное послание Папы Римского.

Эрмиты (*лат.*) — монахи, живущие в уединении.

Эсхатология (*греч.*) — учение о финале мировой истории и о конце света.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Книги на русском языке

1. «Библия», Синодальный перевод.
2. «Документы II Ватиканского Собора», Брюссель, 1992.
3. Иоанн Павел II, «Переступить порог надежды», М., 1995.
4. Мень, Александр, «Мировая духовная культура», М., 2003.
5. Прасад, Рамананда, «Бхагавадгита» (пер. Максим Демченко), Международное общество Гиты, 2006.
6. «Пуруша-Сукта» (пер. Максим Демченко), Международное общество Гиты, 2006.
7. Роллан, Ромэн, «Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды», М., 1993.
8. Тейар де Шарден, Пьер, «Феномен человека», М., 2002.

Книги на английском языке

9. «Regula Sancti Benedicti», Budapest, 1995.
10. «Rig-Veda: a Metrically Restored Text with an Introduction and Notes», Harvard, 1994.
11. Sri Sadhu Om, «The Path of Sri Ramana», Tiruvannamalai, 1988.

Книги Анри Ле Со, Жюля Моншанена и Беды Гриффитса

Griffiths, Bede:

12. «The Golden String», Templegate, 1992.
13. «Return to the Center», Templegate, 1994.
14. «Marriage of East and West», Templegate, 1992.
15. «River of Compassion», Continuum, 1987.
16. «Christ in India: *Essays Towards a Christian-Hindu Dialogue*», Templegate, 1994.

Le Saux, Henri:

17. «An Indian Benedictine Ashram» (in collaboration with J. Monchanin), Shantivanam, 1951.

18. «The Mountain of the Lord: Pilgrimage to Gangotri», Delhi (ISPCK) 1990.
19. «Hindu-Christian Meeting Point — Within the Cave of the Heart», Bombay (IIC)/ Bangalore (CISRS) 1969.
20. «Guru and Disciple: An Encounter with Sri Gnanananda, a Contemporary Spiritual Master», Delhi (ISPCK) 1990.
21. «Saccidananda: a Christian Approach to Advaitic Experience», Delhi (ISPCK) 1974.
22. «The Further Shore. Three Essays», Delhi (ISPCK) 1975.
23. «The Secret of Arunachala», Delhi (ISPCK) 1979.
24. «Ascent to the Depth of the Heart. The Spiritual Diary of Swami Abhishiktananda», Delhi (ISPCK) 1998.

Monchanin, Jules:

25. «Mystique de l'Inde, mystère chrétien». France, Fata Morgana, 1999.
26. «Théologie et spiritualité missionnaires». Paris, Beauchesne, 1985.

МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И НАСЛЕДИИ АНРИ ЛЕ СО, ЖЮЛЯ МОНШАНЕНА И БЕДЫ ГРИФФИТСА В ИНТЕРНЕТЕ

На русском языке:

www.shantivanam.info — «Сангха Анри Ле Со, Жюля Моншанена и Беды Гриффитса», первый крупный русскоязычный ресурс, посвященный трем отцам. Содержит краткие биографии Анри Ле Со, Жюля Моншанена и Беды Гриффитса, отрывки из их работ, а также из работ их учеников и последователей, материалы о философии недвойственного единства, христианской медитации и индуистско-христианском диалоге.

На английском языке:

www.abhishiktananda.org — официальный сайт Общества Абхишиктананды, Индия.

www.bedegriffiths.org — официальный сайт Фонда Беды Гриффитса, США.

www.bedegriffithssangha.org.uk — официальный сайт «Сангхи Беды Гриффитса», Великобритания.

На французском языке:

monchaninlesaux-lyon.cef.fr — официальный сайт «Ассоциации Моншанена — Ле Со», Франция.

Получить дополнительную информацию о наследии трех отцов, а также оказать помощь в его распространении на русском языке можно, написав по адресу:

info@shantivanam.info

Связаться с автором этой книги можно по адресу:

blessed.self@gmail.com

ПРИГЛАШАЕМ К СОТРУДНИЧЕСТВУ СПОНСОРОВ!

Труды Анри Ле Со, Жюля Моншанена и Беды Гриффитса широко известны во многих странах мира, русскоязычный же читатель только начинает знакомиться с их наследием. Мы уверены, что опыт осознания Единой Тайны, лежащей в основе всех духовных традиций мира, который приобрели эти три философа, будет полезен и для России, в которой веками бок о бок живут представители разных религий.

В связи с этим мы приглашаем к сотрудничеству спонсоров, готовых полностью или частично профинансировать издание книг Беды Гриффитса и Свами Абхишиктананды на русском языке.

По вопросам спонсорства обращаться:

ganga@ganga.ru

тел. +7 910 466 03 01

Константин Кравчук

*ИНФОРМАЦИЮ ОБ
УЧИТЕЛЯХ НЕДВОЙСТВЕННОСТИ
И ВСТРЕЧАХ С НИМИ, КНИГАХ И DVD
СМОТРИТЕ НА САЙТЕ:*

www.ne-2.ru

Книги по недвойственности:

Рам Цзы

НЕТ ПУТИ для «духовно продвинутых»

Книга известного духовного учителя, с юмором и подлинным состраданием описывающая «ловушки» на духовном пути и типичные «заскоки» несчастных ищущих, попадающих в эти ловушки.

Под псевдонимом Рам Цзы скрывается реализованный ученик Рамеша Балсекара Уэйн Ликермэн.

Уэйн Ликермэн (Рам Цзы)

Приятие того, что есть. Книга ни о чем

Это вторая книга Уэйна Ликермэна, просветленного учителя Адвайты. Эта книга, весьма простая и в то же время чрезвычайно глубокая, освещает разные аспекты духовного поиска, взаимоотношения Гуру и ученика, просветления и того, что за этим стоит, с перспективы подлинного понимания. Для тех, кого по настоящему интересует духовный поиск, эта книга может оказаться истинной драгоценностью.

«...Когда приходит приятие, оно отсекает вовлеченность, и наступает покой. Это не тот непродолжительный покой, который приходит, когда вы получаете, что вам хочется. И это не забвение. Это покой ока урагана, центра циклона. Вокруг все кружится в вихре жизни, все бурлит и грохочет, а в сердце бури — покой. Там все тихо. Приятие, на которое я указываю, и есть этот покой и тишина».

Рам Цзы

К черту ум!

Рам Цзы (Уэйн Ликермэн) — просветленный учитель недвойственности. Его учение настойчиво бьет по ложным представлениям, вызывающим человеческие страдания:

Я мог и должен был сделать это по-другому.

Я несовершенен.

Я автор своих мыслей, чувств и действий.

Учение Уэйна указывает на божественную природу всего существующего, не важно, насколько оно болезненно или приятно. Он утверждает, что все есть совершенное проявление Источника и в приятии всего приходит покой.

Рамеш Балсекар
От Сознания Сознанию

Книга представляет собой собрание писем, написанных просветленным Учителем Адвайты своим ученикам. Они являются не только великолепным изложением его учения, в них присутствует особый шарм, связанный с теплотой близости, которую вряд ли можно ожидать в более официальных работах, написанных специально для публикации.

Рамеш Балсекар
Покой и гармония в повседневной жизни

Что вы хотите в жизни больше всего? Действительно ли вы это знаете? Даже если у вас есть успех, слава, большие деньги и отменное здоровье — счастливы и удовлетворены ли вы на самом деле? Почему вы все время ищете чего-то большего?

В книге утверждается, что конечная цель всех поисков — покой и гармония в повседневной жизни. Автор книги, исходя из собственной реализации и опыта, просто и убедительно показывает, как быть в ладу с самим собой и с другими и обрести постоянный покой и гармонию в повседневной жизни, не затрагиваемый никакими жизненными обстоятельствами.

Рамеш Балсекар
Сеть драгоценных камней

«Сеть драгоценных камней» — собрание изречений Р. Балсекара, современного просветленного Учителя из Индии.

Ценность слов просветленного Учителя в том, что они способны обнажать Истинную Природу, постепенно или внезапно убирая опору — иллюзорную ограниченную личность, в отличие от писаний непросветленных людей, способных «одарить» вас лишь очередными «духовными» концепциями. Слова просветленного обладают силой, идущей из невыразимого источника. Их воздействие загадочно, их эффект неизмерим. Это **НАСТОЯЩЕЕ**.

Если в вашем уме возникли вопросы «Кто Я?» и «Зачем все это?», если вас по-настоящему интересует РЕАЛЬНОСТЬ, то, возможно, эта книга для вас.

Рамеш Балсекар
Рябь на воде. Бхагавад Гита

Книга состоит из двух частей. Первая, «Рябь на воде», может служить великолепным введением в учение просветленного учителя Адвайты Рамеша Балсекара, указывающее на Истинную Реальность. Вторая часть, комментарии к избранным шлокам «Бхагавад Гиты», объясняет подлинный смысл наиболее важных частей этого выдающегося произведения, зачастую неверно переведенных и истолковываемых современными переводчиками и комментаторами.

Рамеш Балсекар
Сознание пишет

Книга включает в себя переписку просветленного учителя адвайты Рамеша Балсекара со своими учениками. Тема этой переписки — духовный поиск с сопутствующими ему «взлетами» и «падениями».

Особый интерес представляют письма учеников, через которых произошло просветление, — здесь в числе прочих приводятся их письма до и после этого события.

Для всех интересующихся духовным поиском.

Шри Рамана Махарши
Будь тем, кто ты есть!

Бхагаван Шри Рамана Махарши постиг суть всех религий и вышел за пределы философско-религиозных систем. Его высказывания об Истине, мире, Боге и человеке, о Пути самоисследования заинтересуют всех духовно ищущих вне зависимости от их религиозных и культурных ограничений.

Это собрание Наставлений, продиктованных прямым переживанием, восприятием, видением Истины, передает ее настолько, насколько Истина может быть выражена словами. Здесь — практическое руководство на духовном пути Самопознания.

Беседы с Шри Раманой Махарши. Том 1

«Беседы» — дневниковая запись бесед Махарши 1935—1939 годов — самое известное собрание Его устных поучений и основная настольная книга для многих Его последователей. В русском переводе публикуется впервые. Том первый, вышедший в 2002 году, включал в себя Его беседы с января 1935 года по январь 1937 года.

Живой вдохновляющий голос Учителя поможет каждому духовному искателю развеять сомнения и быть Собой — чистым Счастьем.

Беседы с Шри Раманой Махарши. Том 2

«Беседы» — дневниковая запись бесед Махарши 1935—1939 годов — самое известное собрание Его устных поучений и основная настольная книга для многих Его последователей. В русском переводе публикуется впервые. Том первый, вышедший в 2002 году, включал в себя Его беседы с января 1935 года по январь 1937 года. Этот том — второй и заключительный — охватывает период с января 1937 года по апрель 1939 года.

Живой вдохновляющий голос Учителя поможет каждому духовному искателю развеять сомнения и быть Собой — чистым Счастьем.

Шри Рамана Махарши Собрание произведений

Рамана Махарши писал очень мало. Он учил главным образом через огромную энергию Духовной Тишины. Почти все, написанное им, — ответы на вопросы его учеников.

В книге представлены произведения различных жанров — проза, поэзия, диалоги и гимны. Также включены обработки и переводы оригинальных адвайтических текстов с санскрита и тамили, выполненные Шри Раманой. Все духовные искатели получают от ее чтения пользу, соответствующую уровню их понимания.

Х. В. Л. Пунджа
Истина есть

Истина есть СЕЙЧАС, и она не заключена в книгах или кас-сетах! Если бы книги давали Свободу, библиотекари первыми бы достигали Просветления. Свобода от концепций дает освобождение, а не библиотека с ее мертвым знанием. Не читай книгу, читай только свое раскрытое Сердце в этом Непосредственном Присутствии. Оставь словоохотливость мира и познай Здесь и Сейчас то, на что указывают слова в этой книге.

Это не поиск — это прекращение отвлечения. Будь счастлив, просто никогда не думая о том, что ты несчастен. Эта книга действительно может помочь, если ты увяз в нагромождениях духовных концепций...

Пападжи
Ничто никогда не случилось, т. 1

Пападжи (Х. В. Л. Пунджа) — современный просветленный учитель адвайты, ученик Раманы Махарши. Это первая книга трехтомного жизнеописания Пападжи, жизнь которого была наполнена удивительными и даже чудесными событиями, главным из которых стала реализация его истинной природы.

В этом томе описаны ранние годы Пападжи, его духовный поиск и сопутствующие ему чудесные явления: необычные состояния сознания, встречи с богами, духами, людьми, обладающими необычными силами, встреча с его учителем Раманой Махарши, последующая вскоре реализация и период становления Пападжи как учителя.

Пападжи
Ничто никогда не случилось, т. 2

Пападжи (Х. В. Л. Пунджа) — современный просветленный учитель адвайты, ученик Раманы Махарши.

Это вторая книга трехтомного жизнеописания Пападжи, жизнь которого была наполнена удивительными и даже чудесными событиями, главным из которых стала реализация его истинной природы.

В этом томе приводится описание путешествий Пападжи в Гималаи, его поездок за границу и сатсангов в Индии.

Ричард Ланг
Кто ты на самом деле.
Видение своей истинной природы

В этой книге описан метод самоисследования, иногда называемый «безголовостью» или «видением, кто ты на самом деле», изобретенный просветленным учителем из Англии Дугласом Хардингом. Предлагаются простые, но глубокие практики восприятия в виде экспериментов, направляющие к этому видению в центре вас самих. Основная идея — направить внимание на то, что/кто вы есть прямо здесь, на то, что ближе дыхания, мыслей и чувств. Эксперименты основаны на контрасте того, чем вы кажетесь другим, и вашей истинной природой ничто, или емкости, вмещающей весь мир. Эти две ваши стороны абсолютно противоположны друг другу и в то же время взаимосвязаны — внешняя и внутренняя история вас самих.

Книга отличается очень легким и воодушевляющим изложением и предназначена для заинтересованных читателей с любым уровнем подготовки.

Д. Е. Хардинг
Быть и не быть: вот в чем ответ

На вопрос Гамлета «Быть или не быть?» в этой книге дается блестящий ответ. Бытие и Небытие — это две стороны одной монеты из чистого золота. Это потому, что, как и Гамлет, мы расколоты посередине, валюта нашей жизни обесценена и мы ужасно бедны. Но когда, в конце концов, мы совмещаем обе стороны этой монеты, и больше не представители Бытия или Небытия, но Бытия и Небытия, тогда мы обнаруживаем, что богаты вне всякого сравнения, и вся наша жизнь изменяется.

Здесь исследуется с разных начальных точек этот бесконечно творческий и ясно видимый (но дико парадоксальный и таинственный) Союз Бытия и не-Бытия. Предлагается практический подход, который может помочь обнаружить (без отрыва от повседневной жизни): все, что вы только можете желать, окутано реализацией и радостью этого Союза.

93-летний! автор с восхищающей глубиной и остроумием описывает на своем собственном опыте реализацию этого Союза и щедро делится своими открытиями, доступными всем заинтересованным в этом.

Д. Е. Хардинг
**Откройся источнику. Избранные наставления
Дугласа Хардинга под редакцией Ричарда Ланга**

«Откройся Источнику» представляет собой подборку высказываний Дугласа Хардинга, современного просветленного учителя, взятых из разных его книг, а также аудио- и видеозаписей интервью и семинаров. Они демонстрируют широкое и глубокое приложение его Безголового Пути к повседневной жизни — насколько хорош он на практике — включая его комментарии об отношениях, творчестве, любви, стрессе, улаживании проблем и смерти. Они также передают его неукротимое любопытство к жизни, радость, юмор, энергию, а также оригинальность, ясность и поэтичность его слов. Книга снабжена богатым фото-материалом.

Д. Е. Хардинг
**Жизнь без головы.
Дзэн или переоткрытие Очевидного**

В 1961 году к Дугласу Хардингу пришел опыт его истинной природы — он назвал его «безголовостью». То, что он считал «собой», внезапно ушло вместе с сокрушительным бременем прошлого. Пришло восприятие всего, словно в первый раз, — чистое и незамутненное, обнажилась красота, которая всегда была здесь. Это Место, по недоразумению общепризнанно считающееся занятым головой (вопреки непосредственному восприятию), — на самом деле вмещает в себя всю Вселенную.

В этой глубокой, блестяще написанной книге предлагается исследовать это Место — самое доступное, близкое и как бы хорошо известное, честное исследование которого (доступное каждому!) таит в себе сокровищницу сюрпризов и невообразимых чудес.

Д. Е. Хардинг
Маленькая книга жизни и смерти

Книга написана с юмором и простотой, достойными поставленной перед ней задачи — противодействовать концептуальным страхам смерти и разоблачить ошибочные представления о том, что вы считаете «собой» и что является смертным. Поразительно, что такая маленькая книга может полностью уничтожить воспитанные в нас убеждения относительно вопросов рождения, старения и, наконец, загробной жизни, причем делая это совершенно безболезненно и даже радостно.

Предлагается проделать ряд экспериментов, чтобы избавиться от предвзятых представлений о себе, совершив путешествие туда, где мы Ничто и Все.

Д. Е. Хардинг
Религии мира

В этой небольшой книге Дуглас Хардинг проводит нас в самое сердце великих религий мира. Он описывает индуизм, буддизм, конфуцианство, даосизм, дзэн, иудаизм, христианство и ислам.

Это не только путешествие в другие культуры и мировоззрения, но также возможность заглянуть вовнутрь себя.

В последних двух главах Хардинг обсуждает «религию и науку» и собственную религиозную точку зрения.

Карл Ренц
Просветление и другие заблуждения

Карл Ренц — просветленный учитель недвойственности. Беседы с Карлом Ренцем, собранные в этой книге, — это указатели на то, что находится прежде ума и чувственного восприятия, на нашу истинную природу. Это приглашение к истинному видению сквозь иллюзию отделенности, отбросив привычную сеть верований, опыта, представлений о себе и окружающем мире. Беседы отличают неповторимая игра слов и чувство юмора. Для тех, кого интересует Реальность.

Дэвид Керс
Совершенное сияние недвижности

Эта книга и выраженные в ней мысли и концепции не имеют авторских прав. Они не «мои». Понимание или непонимание, истолковывание или неверное истолковывание, цитирование или искаженное цитирование, употребление или неверное употребление, уместное или неуместное, может случиться или нет. Все есть Присутствие, Осознанность, в которой все воспринимаемые мысли и концепции, события и действия возникают спонтанно.

Вэй У Вэй
**Неискушенно мудрые,
или говорила Сова Кролику...**

Вэй У Вэй (Терренс Грей) — человек-загадка, ирландский аристократ, ученый и писатель, историк, египтолог, театральный режиссер и продюсер, знаток вин и скаковых лошадей, путешественник и философ. Его блестящее изложение не двойственной сути буддизма, даосизма, адвайты и христианства считается одним из лучших. Большую часть своей жизни желал оставаться анонимным (и это ему удавалось), скрываясь за масками и псевдонимами.

«Неискушенно мудрые» — последняя книга Вэй У Вэя. В ней указатели на нашу истинную природу в форме диалогов обычных и необычных животных. Читатель может узнать себя в этих коротких и иногда веселых набросках и извлечь пользу из того, что ему откроется.

Муджи
Пробуждение к свободе

Муджи — современный просветленный учитель адвайты, прямой ученик Х. В. Л. Пунджи (Пападжи).

Книга представляет собой собрание бесед с посетителями и учениками, в которых с изливающейся любовью и мудростью подлинного понимания раскрываются такие темы духовного поиска, как самоисследование, свобода, деятельность, реализация, истинная природа.

Для всех, кто заинтересован в освобождении от страданий и познании себя.

А. Рамана
Живи свободным!

А. Рамана — духовное имя Ди У. Траммела, американского последователя Шри Раманы Махарши. Каким-то мистическим образом благодаря некоей необъяснимой встрече с фотографией Шри Раманы в 1973 г. А. Рамана получил Просветление. Он утвердился в этом переживании, применяя Самоисследование, являющееся, согласно Шри Рамане, самым непосредственным и прямым средством самореализации, или Осознания человеком своей подлинной и истинной божественной природы — Бытия—Сознания—Блаженства.

После своего преобразующего переживания А. Рамана основал (в 1978 г.) АНАМ (the Association of Happiness for all Mankind, Ассоциация Счастья для всего человечества), некоммерческую духовно-образовательную организацию (АХАМ на санскрите означает истинное «Я».) Ее цель — распространение практики Самоисследования и чистого учения Шри Раманы Махарши по всему миру.

В этой книге живо и доступно излагается учение АХАМ, основанное на собственном переживании А. Раманы. В том же ключе книга предлагает самые конкретные методы, разработанные А. Раманой и основанные на Самоисследовании. Они дают читателю возможность духовно работать над собой в самой гуще мирских обязанностей и жить свободно и счастливо в этом мире Здесь-и-Сейчас.

Безголовый путь. Уикэнд с Ричардом Лангом (DVD)

Запись семинара с Ричардом Лангом, проходившим осенью 2006 г. На семинаре проводились различные эксперименты по обнаружению своей истинной природы, переворачивающие привычные представления о себе. Предлагалось отбросить верования о себе и окружающем мире и напрямую увидеть, кто мы на самом деле.

Ричард Ланг, ученик Дугласа Хардинга, впервые попал на его семинар в 1970 г. в 17-летнем возрасте. Там со всей очевидностью он увидел, кто он на самом деле. С того времени Ричард посвящал все свое время и силы двойной цели: практике видения своей истинной природы — до тех пор пока оно не стало совершенно естественным — и распространению этого видения вместе с Дугласом Хардингом среди всех, кто выказывал интерес.

Космический закон. Беседы о событиях под названием жизнь (DVD)

Этот DVD представляет в сжатом виде основную концепцию Рамеша Балсекара, изложенную им на беседах с участием людей со всего мира. Он объясняет, как сделать свою жизнь счастливой и гармоничной. Ясным и понятным языком он говорит о таких понятиях, как «вина, стыд и грех», «эго» и «свобода воли».

Он также описывает повседневную жизнь просветлённого и рассказывает историю собственного просветления. Привнесение идей Рамеша в обыденную жизнь может помочь решить практически любые личные проблемы. Интересные комментарии, сделанные его женой, братом и некоторыми учениками, и небольшое вступление об Индии делают просмотр этого DVD уникальным опытом!

Имеются в продаже:

И. Беляев Пространство Сознания

Это книга о работе с сознанием. Главный акцент в предлагаемых психотехниках делается на понимании механизмов психики и тех скрытых пружин, которые определяют динамику внутренней жизни и, как следствие, нашу судьбу.

Книга также знакомит читателя с духовной жизнью современной Индии, с малоизвестными мастерами различных школ йоги.

Джугал Кишор Мукерджи Шри Ауробиндо, или судьба тела

Книга написана бывшим физиком-ядерщиком и представляет собой исследование широкого круга вопросов, таких как: бодрствующее состояние и погружение в самадхи, умственное сознание — его преимущества и недостатки, уход внутрь и восхождение, нисхождение суперразума, назначение сна и его роль, сновидение и страна сновидения, мастерство существования во сне, победа над сном, проблема питания материальной пищей, поиск бессмертия, омоложение тела, физиология старения и смерти, физическое преодоление смерти и др.

Для широкого круга читателей.

Авраам из Вормса
Священная Магия Абрамелина

Книга Магии Абрамелина — один из самых известных и загадочных гримуаров Возрождения. Здесь подробно рассказывается о том, как достичь полного контакта со своим ангелом-хранителем, а значит, постичь самого себя и Божественное в себе. После этого человек приобретает подлинную власть как над собой, так и над силами тьмы и света. Достоинство книги — подробное описание технологии.

Книга имеет колоссальную ценность как для магов-практиков, так и для людей, посвятивших себя духовному развитию. Издание также представляет интерес для историков, религиоведов и представителей других гуманитарных профессий.

Альбус Зелатор
Практическое руководство по алхимии

Предлагаемая книга представляет собой современное осмысление западной средневековой алхимии.

Она содержит:

- основы теории алхимии, алхимические символы;
- как следует собирать и обрабатывать растения, извлекая без повреждения их «сущность», с описанием необходимого оборудования и самого процесса получения эликсира;
- способы применения алхимических средств;
- принципы работы с металлами (резюме конвенции розенкрейцеров 1777 г., редкого манустрипта, написанного частично на латинском, частично на древнегреческом языках, а также шифром розенкрейцеров);
- некоторые полезные приложения.

Книга написана достаточно простым и понятным языком и может служить необходимым введением в алхимическую работу с практической точки зрения.

Май Богачихин
Целебные мантры-мудры

Использование цифрового кода человека и замыкание определенных точек на кистях позволяют влиять на состояние организма: не только «укрепить тело, изгнать сто болезней и продлить годы жизни», но и развить скрытые возможности, усилить интеллект. Книга написана простым языком, снабжена четкими иллюстрациями, методика легко осваивается.

Для широкого круга читателей, а также для цигунистов и врачей китайской медицины.

Евгений Багаев
Я есмь Свет

Евгений Багаев — психолог, преподаватель спортивно-оздоровительной гимнастики, специалист по русской традиционной культуре, воинскому искусству и народной медицине, автор нескольких патентов и методик в области медицины и целительства, удостоен звания лучший целитель России последнего десятилетия XX века Всероссийской Медицинской Ассоциацией Специалистов Традиционной Народной Медицины и Целителей, президент спортивно-оздоровительной ассоциации «Любки».

Эта книга рассказывает об одном из наследий русской традиционной культуры под названием «Любки», направленном на осознание человеком его истинной природы.

Евгений Багаев
Освобождение от самопознания

Евгений Багаев — психолог, преподаватель спортивно-оздоровительной гимнастики, специалист по русской традиционной культуре, воинскому искусству, народной медицине и целительству, автор нескольких патентов и методик в области медицины и целительства, удостоен Всероссийской Медицинской Ассоциацией Специалистов Традиционной Народной Медицины и Целителей звания лучший целитель России последнего десятилетия XX века.

Книга посвящена вопросам самопознания, рассмотрения устоявшихся предрассудков и осознания своей истинной природы.

Для широкого круга читателей.

Евгений Багаев
Основы русского традиционного целительства

Евгений Багаев — психолог, преподаватель спортивно-оздоровительной гимнастики, специалист по русской традиционной культуре, воинскому искусству, народной медицине и целительству, автор нескольких патентов и методик в области медицины и целительства, удостоен Всероссийской Медицинской Ассоциацией Специалистов Традиционной Народной Медицины и Целителей звания лучший целитель России последнего десятилетия XX века.

В книге описаны подход и методы русского народного целительства, цель которых — восстановление цельности человека. И поскольку традиция эта народная, то и описание ее в этой книге ведется с использованием традиционных народных образов.

Для широкого круга читателей.

Альберт Пайк

**Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского
Устава вольного каменщичества. Том I, II**

Книга «Мораль и Догма Древнего и Принятого Шотландского Устава» — основополагающий труд по истории и философии масонства как посвятительного Ордена, носителя мировой эзотерической традиции. Альберт Пайк — один из наиболее авторитетных масонских ученых всех времен, и его труд стал итогом многолетней работы по преобразованию и совершенствованию системы Шотландского Устава в США, а также лег в основу всех последующих масонских исследований в рамках данного Устава.

Структурно книга «Мораль и Догма» воспроизводит систему масонского посвящения, поскольку изначально представляла собой цикл лекций, с которыми более опытные вольные каменщики обращались к посвященным в очередную степень.

«Мораль и Догма» представляет собой путеводитель по практически всем основным мировым эзотерическим учениям и обществам от Мистерий Осириса и Исида до современных Пайку неотамплиеров. Книга «Мораль и Догма» впервые переведена на русский язык.

Вероника Виноградская

**Прекрасное дерево южной стороны,
или Чайное долголетие**

Это книга о мягкой, но неумолимой экспансии чая в мире людей; о чае в пространстве истории, мифа, культуры; чае и сопряженных с ним мирах воды и чайной утвари; об исторических и практических способах взаимодействия с чаем; это самоучитель чаепития.

Вероника Виноградская
Страна чая или Изысканность простоты

Проект «Ч в квадрате» посвящен мягкой, но неумолимой экспансии чая в мире людей.

Это книги о чае в пространстве истории, мифа, культуры; о чае и сопряженных с ним мирах воды и чайной утвари; об исторических и практических способах взаимодействия с чаем; это самоучитель чаепития.

Юлиус Гольштейн
**Бхагавадгита: Адвайта
или Божественная Песнь Любви**

Книга представляет собой комментарий на Бхагавад Гиту современного мистика Юлиуса Гольштейна, перевод которой выполнен в начале прошлого века А. Каменской и И. Манциарли.

«Взгляд из Абсолюта» основан на реально прожитых высших состояниях сознания, на нахождении За Бездной; многие энергетика выраженного отражают приближение к видениям даруемой Мудрости с точки Видения Кришны, адаптированной для понимания человеков Земли.

Автор не претендует на «истину в последней Инстанции», но подчёркивает подлинность Прожитого им приращения к Абсолюту.

С пожеланиями самого невозможного для Вас Высшего!

Свами Лакшманджу
Самореализация в Кашмирском шайвизме

Кашмирский шайвизм — недвойственное учение шиваизма, нацелевавшее практикующего на реализацию своей истинной природы.

Считается, что Свами Лакшманджу был последним живым представителем линии преемственности великих учителей кашмирского шайвизма.

Эта книга состоит из пяти разделов. Первый, третий и пятый — «Лекции по практике», «Лекции по дисциплине» и «Тайное знание кундалини» — содержат оригинальные работы Лакшманджу. Второй и четвертый — «Пятнадцать стихов мудрости» и «Вхождение в Высшую Реальность» — являются его переводом двух классических текстов кашмирского шайвизма: «Боддхапанчадашика» и «Параправешика».

Шри Ауробиндо Жизнь без страха

Страх — что это такое, что стоит за ним, почему человек его ощущает, как победить страх и как полностью избавиться от него — ответы на эти вопросы вы найдете в этой книге, которая поможет вам не только осознать причины страха, ночных кошмаров, болезней, но и исцелиться от них раз и навсегда.

Шардза Таши Гьялцен, Лопон Тензин Намдак Капли сердца Дхармакайи. Практика Дзогчен. Традиции Бон

Данное издание — первое учебное пособие по практикам дзогчен древней тибетской традиции бон, ставшее доступным для западных читателей. Книга включает в себя краткую историю традиции бон, описания предварительных и более продвинутых практик дзогчен, таких, как трекчо, тогал, и др., а также изложение концепции радужного тела. Текст составлен в форме личных наставлений Шардзы Таши Гьялцена — признанного мастера дзогчен — и дополнен комментариями Лопона Тензина Намдака.

Книга представляет интерес для тибетологов, буддологов и всех тех, кто интересуется мистическими учениями Востока.

Май Богачихин Человек в системе Фэншуй

Книга известного китаиста, посвященная Китаю и китайской традиции. Содержит компиляцию новых переводов китайского, наблюдений и личного опыта автора. Представляет собой практическое пособие для выстраивания и гармонизации пространства, исходя из индивидуальных особенностей человека.

Чэнь Яоцзя Входные ворота Ушу

Книга, переведенная известным китаистом М. М. Богачихиным, содержит комплекс методов тренировки и фундамента «кулачной техники» ушу, включающий базовую работу, а также основы тренировок форм и способов для рук, ног и шагов, равновесия и прыжков и их сочетания.

omstore
ТОВАРЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ

Интернет-магазин
«OmStore»:
товары для развития человека
www.omstore.ru

У нас вы всегда найдете: книги, аудио- и видео-материалы, связанные с духовно-просветительской, обучающей, познавательной и оздоровительной тематиками.

Также в категорию наших товаров входят благовония, чай, талисманы, масла, бальзамы, экзотические сувениры стран Востока и Запада.

Мы работаем **24** часа в день, **7** дней в неделю, круглый год без выходных.

Крупнейший тематический интернет-магазин.

Доставляем товары по всему миру.

Полный ассортимент книг издательства «Ганга».

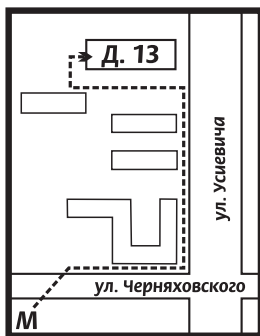
Наш сайт: **www.ganga.ru**

Эл. адрес: **ganga@ganga.ru**

Оптом:

книги издательств «Ганга», «Открытый мир»,
К. Кравчука, Института Трансперсональной
Психологии и др. по издательским ценам
можно приобрести по адресу:

ул. Усиевича, д. 13
(м. «Аэропорт», первый
вагон из центра, вход со
двора, с торца здания,
дверь без вывески, полупод-
вал,
вывеска на доме
Салон «Белль»)
тел./факс (495) 151-0971
Е-mail отдела продаж:
real@ganga.ru

В розницу:

Интернет-магазин **OmStore**
www.omstore.ru

Книга-почтой:

129323, Москва, а/я 1
(Чтобы получить бесплатный каталог,
вышлите конверт с обратным адресом и наклеенной
маркой по указанному адресу.)

Максим Демченко

ПУТЬ САТЧИТАНАНДЫ

Редактор *К. Кравчук*

Художник *А. Захаров*

Корректор *Ю. Жаркова*

Оригинал-макет *Н. Красноперова*

ISBN 978-5-98882-060-4

ООО «Издательство Ганга»

196143, Москва, ул. Голубинская, 17/9-501

E-mail: ganga@ganga.ru

Адрес сайта в Интернете: www.ganga.ru

Подписано в печать 22.04.08. Формат 84×108^{1/32}

Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная

Усл. печ. л. 10,0. Тираж 1200 экз. Заказ №